

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 21. № 4

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

Volume 21. No. 4

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022

Том 21. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022

Volume 21. No. 4

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022. Vol. 21. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri* (Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,*

N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina

Editors of English texts: *E.A. Agarkova, O.S. Volkova*

Making up *O.N. Yadykina*

Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing May 19, 2022.

Date of publication: Aug. 04, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 14.5. Published pages 15.6.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31).

Order 80. «C» 17.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022. Т. 21. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);

д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,
Н.М. Вишнякова, *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов:

Е.А. Агаркова, *О.С. Волкова*

Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 19.05 2022 г.

Дата выхода в свет: 04.08 2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,5.

Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31).

Заказ 80. «С» 17.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А.* Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей 5
- Лату М.Н.* Мемы и демотиваторы о самоизоляции: коррелирующие смысловые компоненты и типы семантических отношений 20

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л.* Интернет-мем как актуальный формат политической коммуникации Германии (на материале тематической группы «Олаф Шольц») 38
- Катермина В.В., Гнедаш А.А.* Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter 59
- Бессонова О.Л., Остахова О.И.* Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века 72
- Новикова Э.Ю.* Лингвокультурная детерминация немецкоязычного научного лингвистического дискурса (жанр «научная статья») 87

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Ахмади Л.* Метадискурсивные маркеры отношения «отправитель – реципиент» в научном тексте (на материале научных статей носителей и неносителей языка) [На англ. яз.] 99
- Маевский В.М.* Имплицитная речевая агрессия в текстах современных британских СМИ 111
- Гукосьянц О.Ю.* Гендерные особенности передачи экспертного мнения при оказании речевого воздействия в англоязычной интернет-коммуникации в период пандемии 123

ДИСКУССИИ

- Новичихина М.Е.* Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения 133
- Пром Н.А.* Фактоид vs фейк: идентификация и модели анализа 142

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A.* Methods of Dialect Vocabulary Semantization in Regional Fiction and Converse of Dialect Speakers 5
- Latu M.N.* Correlating Sense Components in Memes and Demotivators About Mass Self-Isolation: Types of Semantic Relations 20

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Rebrina L.N., Shamne N.L.* Internet Memes as a Relevant Format of Political Communication in Germany (The Case of the Thematic Group “Olaf Scholz”) 38
- Katermina V.V., Gnedash A.A.* Network Discourse on British Prime Minister Boris Johnson: Positive vs Negative Sentiments on Twitter 59
- Byessonova O.L., Ostashova O.I.* Evaluative Utterance in the English Fictional Discourse (19th and the First Half of the 20th Century) 72
- Novikova E.Yu.* Linguacultural Determination of German Scientific Linguistic Discourse in the Genre “Scientific Article” 87

MATERIALS AND REPORTS

- Ahmadi L.* Interactional Metadiscourse Markers in Scientific Texts (Based on Research Articles Written by Native and Non-Native Speakers) 99
- Maevskiy V.M.* Implicit Speech Aggression in the Texts of the Contemporary British Mass Media 111
- Gukosyants O.Yu.* Gender-Relevant Features of Imposing Expert Opinion in Online Communication of Pandemic Period 123

DISCUSSIONS

- Novichihina M.Ye.* Criteria for Selecting Key Elements of a Compound Commercial Name in the Linguistic Expert Examination of a Trademark 133
- Prom N.A.* Factoid vs Fake: Identification and Analysis Models 142

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>

UDC 81'282
LBC 81.025.7

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 18.04.2022

METHODS OF DIALECT VOCABULARY SEMANTIZATION IN REGIONAL FICTION AND CONVERSE OF DIALECT SPEAKERS

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Natalya A. Starodubtseva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The semantics of geographically limited vocabulary is considered in the aspect of the actual problem of interaction and interpenetration of lexical systems of literary language and dialects. The material extracted from literary texts (prose by Volgograd writers) and the converse of the Don Cossack dialects speakers living in the Volgograd region (records made by the expeditionary method and direct interview of informants at the points of dialectological survey of territories within the program of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects) is compared. Contextual and graphical methods of dialectisms semantization are described. The linguistic techniques of revealing the meanings of dialect words with the help of literary analogues, as well as various markers signalling the inclusion of an element that is not commonly used in the utterance, are determined. The models of using the appropriate language means formed on the basis of the constructive principle of their organization for the disclosure of the ideological and artistic intent of the work are characterized. It can serve as a means of updating and enriching the expressive fund of the Russian language, or for the purpose of adequate understanding in communication of different speech culture representatives the subject-conceptual correspondences of linguistic units. The general and special techniques of direct and indirect semantization of lexical units are revealed. They reflect the artistic-figurative and visual-symbolic concretization of reality in the perception of the world. The functional role of the vocabulary under consideration as a resource-forming element of the modern Russian literary language is substantiated.

Key words: regional fiction, converse of dialect speakers, semantics, vocabulary of Don dialects, method of semantics, language techniques, function.

Citation. Tupikova N.A., Starodubtseva N.A. Methods of Dialect Vocabulary Semantization in Regional Fiction and Converse of Dialect Speakers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 5-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>

**СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
И УСТНОЙ РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ****Наталья Алексеевна Тупикова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Анатольевна Стародубцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Семантизация территориально ограниченной лексики рассматривается в аспекте актуальной проблемы взаимодействия и взаимопроникновения лексических систем литературного языка и говоров. Сопоставлению подвергается материал, извлеченный из художественных текстов (прозаических произведений волгоградских писателей) и живой речи носителей донских казачьих говоров Волгоградской области (записей, осуществленных экспедиционным методом и прямым опросом информантов в пунктах диалектологического обследования территорий по программе Лексического атласа русских народных говоров). Охарактеризованы контекстуальный и графический способы семантизации диалектизмов. Выявлены языковые приемы раскрытия значений диалектных слов с помощью литературных аналогов, а также различные маркеры, сигнализирующие о включении в высказывание элемента, не являющегося общеупотребительным. Описаны модели использования языковых средств, формируемых на основе конструктивного принципа их организации для раскрытия идейно-художественного замысла произведения, что может служить средством обновления и обогащения изобразительно-выразительного фонда русского языка, либо с целью необходимости адекватного понимания носителями разных речевых культур предметно-понятийных соответствий языковых единиц в условиях общения. Установлены общие и особенные приемы непосредственной и опосредованной семантизации лексических единиц, отражающие художественно-образную и наглядно-символическую конкретизацию действительности при восприятии мира. Обоснована функциональная роль рассматриваемой лексики как ресурсообразующего элемента современного русского литературного языка.

Ключевые слова: региональная художественная проза, речь диалектоносителей, семантика, лексика донских говоров, способ семантизации, языковой прием, функция.

Цитирование. Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 5–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>

Введение

Расширение эмпирической базы исследований, посвященных проблеме взаимодействия и взаимопроникновения лексики литературного и территориально ограниченного употребления, невозможно без поиска путей обогащения словарного богатства русского языка на каждом этапе его развития, что, во-первых, должно опираться «на обширные материалы, извлеченные из разнообразных источников» [Сороколетов, 2011, с. 376], и, во-вторых, учитывать разные способы организации в тексте словесного материала, эксплицирующие определенные формы ментальной связи носителей языка. Такие «формы по-

нимания», основанные, в частности, на принципах как понятийного, так и символического, образного восприятия мира, представляют особый интерес, поскольку выступают, по мнению В.В. Колесова, репрезентантами названных представлений в литературном обиходе и в речи диалектоносителей, соединенных «общностью семантических концептов» [Колесов, 2011, с. 24].

«Движение устности» в различные сферы функционирования современного русского языка, переключение речевых регистров свидетельствуют о разнообразных способах передачи человеческого опыта, который лежит в основе сохранения цивилизационных ценностей общества. В этой связи актуальным яв-

ляется рассмотрение способов семантизации диалектного слова, употребляемого автором произведения с целью раскрытия художественного замысла, что приводит к обновлению и обогащению средств выразительности, либо используемого носителями разных речевых культур для адекватного понимания предметно-понятийных соответствий языковых единиц в условиях общения. С нашей точки зрения, это входит в проблематику исследований синтеза различных лексических пластов, в том числе литературных и представляющих собой «разного рода заимствования из некодифицированных подсистем» [Крысин, 2010, с. 28, 32].

Термин «семантизация», применяемый в лингвистической традиции в теоретическом и прикладном аспектах (в самом общем плане – сообщение необходимых сведений о значении слова) [Богачева, 2020; Коробова, 2019; Мерзлякова, 2022; Плотникова, 2013; Ручина, Горшкова, 2021; и др.], мы трактуем с учетом анализируемого материала и определяем, вслед за А.М. Плотниковой, как отображение «кванта знаний» о мире в процессе работы мастера слова, профессионально подготовленного к созданию словарного толкования [Плотникова, 2013, с. 47], или в речевой цепи, формируемой спонтанно, ситуативно диалектоносителем. Сопоставление обдуманного, запланированного и произвольного, случайного объяснения слова важно как для изучения тенденций развития лексической системы в целом, так и для определения частных закономерностей употребления языковых единиц через призму регионального варианта их функционирования. Речь диалектоносителей, как показано в наших предыдущих работах, в отличие от литературного обихода, воспроизводимого и отражаемого писателями в художественных образах, характеризует неподготовленное общение жителей конкретной местности в пунктах бытования того или иного диалекта в его региональном своеобразии и взаимодействии с другими формами существования национального языка (в том числе литературной), а также обнаруживает сходство с живой разговорной речью, включающей единицы разной социально-функциональной отнесенности [Тупикова, 2014, с. 197].

Таким образом, изучение способов функционирования диалектной лексики в художественном тексте и речи носителей говоров и выявление специфики толкования языковых единиц в письменной или устной коммуникации позволит установить особенности семантизации исследуемых средств и расширить представление об экспрессивно-стилистических возможностях диалектизмов в качестве строевого материала высказывания, а также охарактеризовать взаимодействие и взаимовлияние различных лексических подсистем.

Материал и методы

Материалом для анализа с применением различных методов, позволяющих раскрыть семантико-смысловое наполнение и функциональную роль диалектизмов, послужили словоупотребления, извлеченные из произведений волгоградских писателей (Б.П. Екимова, Е.А. Кулькина и Н.Ф. Терехова), проза которых стала заметным явлением современной художественной литературы. Использован также материал, собранный в полевых условиях непосредственным экспедиционным методом записи речи диалектоносителей и прямым опросом информантов по методу открытого опросника в ряде районов Волгоградской области на территориях бытования донских говоров в рамках программы сбора сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Теоретической базой разработки проблемы служат исследования о взаимодействии художественно-эстетических и языковых категорий, обеспечивающем целенаправленное подчинение словоупотреблений замыслу писателя [Виноградов, 1961; Горшков, 2006; Новиков, 2003; Шмелев, 1964], о свойствах диалектных систем и роли диалектизмов в художественной речи, о региональных особенностях функционирования языка и языковой картине мира диалектоносителей [Касаткин, 2007; Лопушанская, 2001; Стародубцева, Харченко, Черницына, 2020; Супрун, Кудряшова, Брысина, 2013; Тупикова, 2002; 2018; Черноусова, 2012; и др.].

Сопоставление специфики использования диалектизмов в региональной художественной прозе и живой речи диалектоносителей сопряжено с комплексом задач, которые решались

нами в ходе классификации и интерпретации рассматриваемого массива фактов: охарактеризовать диалектизмы как средства, сохраняющие в художественном тексте и устной речи семантические функции локально закрепленных слов, не имеющих общерусского хождения; выявить приемы включения диалектизмов в текст с использованием способов контекстуальной семантизации единиц; определить функциональную роль рассматриваемой лексики в системе средств художественного целого и в речи диалектоносителей при выражении восприятия окружающего мира.

Результаты и обсуждение

В рамках общей эмпирической базы современного русского языка диалектная лексика составляет обширную его часть, отражая богатство словаря, зафиксированное в разнообразных источниках: «тысячи слов самого разного состояния, проникнутых теплым чувством народного духа, согретых столетним употреблением, образных, выразительных» [Колесов, 2011, с. 20]. Будучи территориально ограниченными в своем употреблении, эти единицы включаются в литературный текст с особой целью (см., например: [Некрасова, 1973, с. 217–221; Романова, 2016, с. 83–96]). Обладая удивительной отражательной способностью, они придают особый колорит художественному повествованию, поскольку реализуют системное свойство диалектного словаря – выражать символическое представление о мире в наименованиях, которые обозначают окружающие реалии. Этим объясняется большое разнообразие способов их введения в прозаический текст и выполняемых ими функций.

Живая речь диалектоносителей имеет свою специфику, что определяет использование ими локально ограниченной лексики как аналога литературного (и общего) употребления. Учитывая, что «одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения к другому» [Волошина, Демешкина, 2012, с. 14], именно этим мы можем объяснить сопряжение семантизации с апелляцией к практическому опыту человека, местным реалиям, с сообщением та-

ких данных о языковой единице, которые выступают как маркеры речевой деятельности говорящих по временному, географическому и другим признакам.

В диалоге диалектолога с диалектоносителем ключевым жанром речи является «рассказ-воспоминание», который, по словам Я.В. Мызниковой, определяет отбор языковых средств [Мызникова, 2014, с. 66]. Пояснительные (метаязыковые) высказывания в речи носителей говоров, как указывает Я.В. Мызникова, имеют иллюстративный, а не дефиниционный характер и представляют собой примеры из языковой практики говорящих с опорой на типичную ситуацию употребления поясняемого слова, а не определения с таксономическими чертами [Мызникова, 2015, с. 151].

Названные свойства и особенности использования диалектизмов, зафиксированных в художественной и живой речи, отражаются в разных тематических и лексико-семантических группах слов. Например, со значением природного ландшафта: *изволок* («пологий склон»), *меляки* («мель, отмель»); предметов народного промысла и ремесла: *вешала* («перекладина с набитыми на нее гвоздями для сушки или вяления рыбы»), *квок* («рыболовная снасть для ловли сомов, снаряд, издающий булькающие звуки при ударе по поверхности воды и привлекающий таким образом сомов»), *черпал* («сачок»), *бредень* («самодельная сеть для ловли рыбы»); предметов хозяйственного обихода и инвентаря: *остроги* («отточенные вилы»), *рогач* («ухват»), *цапельник* («сковородник»); жилых и хозяйственных построек: *плеть*, *плетешки* («изгородь из сплетенных прутьев, ветвей»), *околоток* («госпиталь»), *омшаник* («погреб»); пищи, напитков: *хмели* («дрожжи»), *ушник* («суп из жирной утки или гуся с лапшой»); животного мира: *хори* («суслики»), *квочка* («курица-наседка»), *турлук* («насекомое, медведка»); действия, состояния, отношения: *гостевать* («быть в гостях»), *сепеться* («суетиться»), *кочерить* («держаться высокомерно, важничать»), *ладиться* («договариваться о чем-либо, условливаться»), *кстить* («крестить»), *холостить* («срезать, обрывать»); качества, свойства: *каламутный* («беспокойный»), *невладанный* («новый, не бывший в употреблении, не использованный»); про-

странственно-временного отрезка: *надьсь* («два-три дня тому назад, третьего дня»), *скрозь* («езде, сквозь, через») и др.

В массиве фактов, выбранных из произведений Б.П. Екимова, Е.А. Кулькина и Н.Ф. Терехова, выделяется лексика донских говоров, которая понятна читателю без объяснения, а также отмечены узкодиалектные слова, местные обозначения кого-, чего-либо, требующие объяснения. Можно сказать, что такое же различие наблюдается и в живой речи (подробно об этом см.: [Тупикова, Стародубцева, 2020]).

Способы семантизации диалектизмов предлагается анализировать с учетом разработанных в научной литературе подходов к классификации лингвистических (лингвостилистических, конструктивных) приемов и на основе их типологии. Прием определяется как модель использования языковых средств, в основе которой лежит единый конструктивный принцип организации высказывания (контекста) [Данилевская, 2003; Копнина, Сквородников, 2005]. Способы семантизации, реализуемые с помощью конкретных приемов использования языковых средств, представляют собой системы (совокупности), комплекс, образ действий, направленных на организацию словесного материала для достижения целевой установки в данной речевой сфере.

Контекстуальная семантизация

Контекстуальная семантизация как способ толкования значения реализуется разными приемами: использованием литературного эквивалента, противопоставления, сопоставления, градации, сравнения, синтагматического толкования, перечисления однородных членов предложения и развернутого целостного контекста, дистантного расположения диалектного слова, толкования с учетом внутренней формы слова, введения в текст семантических диалектизмов, апелляции к обыденному знанию собеседника или к практическому опыту, описания обыденной ситуации.

Среди них наиболее частотный – использование **литературного синонима (аналога) в препозиции либо постпозиции к диалектизму**, выступающему основ-

ной либо косвенной номинантой в функции приложения, уточнения. Например, в произведениях Б.П. Екимова:

(1) На кручах, на **юраx**, деревья – узловаты, приземисты (Екимов 1, с. 337);

(2) Там – дикий барбарис, «**кислятка**», алычи гроздьями (Екимов 1, с. 338);

(3) Даже станица и невеликий хутор поделены на части, **куты**: Петрухин, Борискин, Забарак, Срали (Екимов 1, с. 340);

(4) Трое ребятишек – на берегу. Хоть и ветрено, но – лето: удочка, «**закидушка**», рыбацкое счастье (Екимов 1, с. 343);

(5) Под берегом – черные коряги – «**карши**» (Екимов 1, с. 357);

(6) И белые барашки – «**бельки**» кучерявятся по их гребням (Екимов 1, с. 335);

(7) **Ндравная** я такая стала, нетерпеливая (Екимов 1, с. 240) (*ндравный* – «своевольный, своенравный, норовистый») (СДГВО, с. 349);

(8) Из диких яблок да груши не только **взвар** – кислое питье (Екимов 1, с. 338) (*взвар* – «компот из сушеных фруктов») (СДГВО, с. 75);

(9) Речки отрожек – **ерик**: Царицын да Мышков (Екимов 1, с. 339) (*ерик* – «ручей, проточная вода») (СДГВО, с. 161).

Частным случаем реализации названного приема может служить употребление в ответной реплике персонажа литературного эквивалента диалектного слова, прозвучавшего из уст собеседника, как, например, в диалоге Тимофея и Чифира – героев повести Б.П. Екимова «Пастушья звезда»:

(10) А цветов у нас хоть залейся, сам видишь. Сирень, а по степи сколь цвети. Им **поглянется**. – Понравится, конечно, понравится! (Екимов 2, с. 19) (*глянуть* – «понравиться, нравиться») (СДГВО, с. 111).

Это позволяет писателю подчеркнуть особенности речевого портрета персонажа, который родом из донских казаков. Местное, часто экспрессивное, обозначение известных реалий может находиться после литературного аналога в ответной реплике персонажа:

(11) А табачок хорош? – Солдаты хвалят. <...> Солдат сначала закурил и от неожиданности закашлял. – Хорош **крепачок**, – сказал он...» (Терехов, с. 239).

Контекстуальная семантизация может строиться как логическое продолжение повествования автора без признаков уточнения,

что зафиксировано, в частности, в текстах Н.Ф. Терехова:

(12) Амба... строила убежище для своих будущих щенят. Подгребая под брюхо песчанистый грунт, она медленно двигалась из норы и на выходе начинала быстро работать передними лапами. <...> Ей все казалось, что длиннорукий человек может достать **кубло**. <...> **Кубло** она постаралась сделать попросторнее (Терехов, с. 114).

Объяснение с помощью литературного синонима в препозиции или постпозиции типично и для живой речи диалектоносителей, однако имеет свою специфику – употребление в конструкциях с маркерами времени, места, образа действия и др. (*тогда, раньше, прежде, по-старому – сейчас, теперь, нынче; там – здесь, тут; у них – у нас; по-русски – по-казачьему*), что отражает иллюстративный характер толкования значения, основанный на личном опыте говорящего. Например:

(13) Ну, сейчас их дрожжи называют, а тогда **хмели** их называли, на этих **хмелинах** пекли хлеб (Лысенко П.А., 1924 г.р., х. Казаринский, Киквидзенский район) (*хмелина* – «сухие дрожжи из хмеля и отрубей») (БТСДК, с. 558);

(14) **Говорúшки** ещё у нас. **Говорúшки** – опять вот это такие (Мокренко П.Н., 1947 г.р., х. Деминский, Новоаннинский район);

(15) У нас на чердаке были, помню, материны **гусары**, тогда называли вот эти вот ботинки, как сейчас сапоги, на шнурках и немножко на каблучке (Ермилова Е.К., 1929 г.р., пос. Реконструкция, Михайловский район);

(16) Вот потом он в **околотке** лежал. Сейчас госпиталь, а тогда **околоток** называли (Лысенко П.А.);

(17) **Дудаки, дудаки** в полях. Большие гуси, можем так сказать. У вас не знаю, как называются, но у нас **дудак** (Антонова Т.А., 1944 г.р., с. Завязка, Киквидзенский район) (*дудак* – «крупная степная птица с длинной шеей, дрофа») (СДГВО, с. 135);

(18) Окунь по-русски, **чекомас** по-казачьему (Трофимов И.В., 1969 г.р., ст-ца Преображенская, Киквидзенский район);

(19) Ерши раньше попадались, ну их вообще называли **сопливчики** (Трофимов И.В.) (от *сопля* – «рыба ерш») (СРНГ, 2005, вып. 39, с. 336);

(20) Суслики были, у нас **хори** называли (Поляков Н.И., 1958 г.р., ст-ца Преображенская, Киквидзенский район);

(21) Эту [беременную] называли раньше: она **на тыхостях**, или там как-то. Она **тяжелая** (Калачева Н.М., 1930 г.р., х. Калачевский, Киквидзенский район).

Следует отметить, что свойственный устно-разговорной сфере прием использования подобных лексических маркеров, служащий, по словам Я.В. Мызниковой, для введения аксиологической составляющей в речи диалектоносителя [Мызникова, 2014, с. 68], зафиксирован также в художественном тексте, что может квалифицироваться как способ привлечения внимания читателя к малоизвестному региональному наименованию или известному из практического опыта автора:

(22) ...Нарядным татарским кленом, по-нашему – **паклинком** (Екимов 1, с. 337);

(23) Как вел за собой ватагу и никто не мог угнаться за ним, чтобы, по-сенокосному говоря, **подкосить ему пятки** (Кулькин 1, с. 4);

(24) А это **кураши**, по-научному индейки (Кулькин 1, с. 71);

(25) И я увидел **протабашницу**, или, как по-городскому звал ее дядя Пантелей, табакерку (Кулькин 1, с. 7);

(26) Все твое, чистое, как у нас говорят, «**невладанное**», а значит, животворящее: живая вода, живая земля, живой ветер (Екимов 1, с. 357).

Значение диалектизма раскрывается в художественном тексте на основе приемов **противопоставления и сопоставления**. В таких случаях отмечается обращение писателей к редупликации, парному сказуемому, что свойственно народно-поэтической речи. Например, в прозе Е.А. Кулькиной:

(27) Троица: два смеются – один **горится** (Кулькин 2, с. 161) (*гориться* – «горевать, печалиться») (СДГВО, с. 116);

(28) Вот с Саньком Ганичем я дружил-**шалыганил** (Кулькин 2, с. 24) (*шалыганить* – «баловать, озорничать, хулиганить») (СДГВО, с. 668).

Одним из приемов выражения способа контекстуальной семантизации является **градация**. Примером этому могут служить случаи, когда диалектизм в составе сопоставительной конструкции с литературной лексемой той же ЛСГ используется для выражения ослабления, меньшей степени проявления признака:

(29) Отчего с тобой никто не только не дружит, но и не **ватажится?** (Кулькин 2, с. 47) (*ватажиться* – «собираться в ватагу») (СДГВО, с. 66).

Довольно разнообразны по содержанию контекстуальные противопоставления и сопоставления в живой речи при описании реалий, связанных с обыденным знанием носителей языка, например:

(30) Сначала она **тёлочка**, когда она нагулялась – уже вводится в группу **нетель**, а когда уже отелилась – **первотёлка**. А поросята отличались от того, кто только родился: **сосунок**, а этот вроде как бы **взрослый** (Барилова Т.В., 1957 г.р., пос. Реконструкция, Михайловский район) (*нетель* – «яловая, нетелившаяся корова») (БТСДК, с. 321);

(31) Маленьких вот кастрируют – **валушók** называют (Антонова Т.А.).

Диалектная лексика и в художественном тексте, и в живом общении используется в составе **прямого или скрытого сравнения**, например:

(32) Вишь, клен **рассупонился**, что человек, стоит и плачет (Кулькин 2, с. 255) (*рассупониться* – «расхныкаться, расплакаться») (СДГВО, с. 509);

(33) И эта «**толковища**», как назвал речи Федюня (Кулькин 1, с. 77).

Диалектоносители стремятся с помощью сравнений с современными предметами семантизировать малоизвестные широкому кругу людей или ушедшие в прошлое названия реалий:

(34) У нас строили для них **омшаник**, это копали как поурёб, яма такая, стены кругом досками оббили (Лысенко П.А.) (*омшаник* – «постройка для хозяйственного инвентаря») (СГДВО, с. 383);

(35) **Чирики**... Это такие, как вот щастапки, тада их сами шили, называли их **чириками** (Лысенко П.А.);

(36) **Остроги** как вилы, только острые и отточенные (Гайдамакин А.Е., 1929 г.р., с. Олень, Дубовский район).

Выделяется прием, который можно назвать **синтагматическим толкованием** значения (прямым или косвенным). Прямая синтагматическая семантизация встречается в художественных повествованиях и описаниях и реализуется с помощью расширенной, развернутой дефиниции, пояснения диалектной единицы (местного наименования):

(37) Черпаешь рыбу «**зюзьгой**» – большой сетчатой ложкой – и кидаешь в лодку (Екимов 1, с. 365);

(38) Возле берега стояли **плетни** – загородки из лозы (Екимов 1, с. 362);

(39) Прежде родники искали... Увидят, делают «**копань**» ли, «**копанку**», то есть просто ямку, полагая ключу открыться (Екимов 1, с. 356);

(40) Когда мне, как в ту пору говорили, **отлила семнадцатая вода**, то есть исполнилось семнадцать лет... (Кулькин 1, с. 7).

Косвенное синтагматическое толкование квалифицируется нами как частный случай этого приема и реализуется разными средствами.

Во-первых, при использовании нескольких диалектных лексем средством их объяснения может быть целостный контекст:

(41) Ты чего-нибудь **накостробошишь**, а отец ко мне с **налыгачом** (Кулькин 1, с. 77) (*накостробошить* – «набедокурить, натворить плохих дел, сделать что-л. предосудительное»; *налыгач* – «веревка, надеваемая на рога быка или коровы и являющаяся поводом») (СДГВО, с. 339, 340);

(42) **Похарчилась** она, милый! Прямо в школе **ляснулась**, и – все. Пока фельдшерница прибежала, она уже пену отлила (Кулькин 1, с. 21) (*похарчиться* – принято в разговоре о животных – «сдохнуть», в отнесении к человеку имеет негативно-оценочную, грубую окраску; *ляснуться* – «упасть, сильно ударившись; шлепнуться») (СДГВО, с. 307, 466);

(43) Пусть ветер, пусть **чичер** с дождем ли, снегом... (Екимов 1, с. 364) (*чичер* – «холодная погода с пронизывающим ветром, дождем, мокрым снегом») (СГДВО, с. 659);

(44) Талая вода сбивалась под снегом в **бочажки**, стекала в овраги, потом в один жаркий день хлынула по лугам, к крутобережному **ерику**, на дне которого покоился вспухший от тепла лед. Ерик держал его крепко, но вода подняла, и он с оглушительным треском дробился на **крыги**, которые плыли и утожили низкорослый **тальник** и выросшие выше береговых круч чубатые тростники (Терехов, с. 374) (*ерик* – «ручей, проточная вода»; *крыга* – «кусок, глыба льда, льдина; мелкая льдина»; *тальник* местное название от *тал* – «кустарниковая ива») (СГДВО, с. 161, 275–276, 583).

Во-вторых, семантико-смысловое наполнение диалектизма в синтагматической цепи при отсутствии контекстуального литературного аналога раскрывается с помощью собственной языковым единицам лексической сочетаемости в соответствии со значением:

(45) Как ему, теплу, быть, если топили **грубку** соломой, да бурьяном, да хворостом из левады

(Терехов, с. 246) (*зрубка* – «небольшая печь для обогрева помещений») (СДГВО, с. 123);

(46) Сходи в дубовый лес, сруби прямой **дубовый дрюк** на крест (Терехов, с. 242) (*дрюк* – «толстая палка, жердь, кол, дубина») (СДГВО, с. 153);

(47) Вдоль железной дороги по обеим сторонам из густого запыленного бурьяна кое-где выглядывали **пожухлые листья паклинки, карагача** (Терехов, с. 299) (*пакленка, паклёнка, пакленок* – «крупный кустарник или деревце, один из видов клена; черноклен»; *карагач, карагич* – «разновидность вяза: низкорослое изогнутое, кряжистое дерево; вяз мелколиственный») (СДГВО, с. 236, 403);

(48) Цепко держась за борт, мама пристально смотрела по сторонам на старые, изуродованные сухими сучками **осокори** (Терехов, с. 87) (*осокорь* – «дерево семейства ивовых – тополь») (СДГВО, с. 387);

(49) Жилистый тугой **быстряк теченья** морщинит воду (Екимов 1, с. 348) (*быстряк* – «место наиболее быстрого течения воды в реке») (СДГВО, с. 62);

(50) Жить надо уметь, – ответил старик, – не **языком балендрасить**, а **головой шурупить** (Кулькин 1, с. 71) (*балендрасить* – «пустословить, говорить вздор»; *шурупить* – «быть сведущим в чем-л., смыслить, соображать») (СДГВО, с. 33, 679).

Отмечены случаи, когда значимой для семантизации становится грамматическая сочетаемость слова в предложно-падежной конструкции, например:

(51) А вот мы так раскладываем, ежели начальство **об нем горится**: нехай эти деньги наличностью отдадут, прямо в руки (Екимов 2, с. 20);

(52) Я **об них** тоже **горюсь** (Екимов 2, с. 21) (*гориться* – «горевать печалиться») (СДГВО, с. 116).

В-третьих, пониманию значения диалектизма способствует лексический состав однородных с ним членов предложения в речевой цепи:

(53) Ниже их – густые, непролазные заросли шиповника, сладкой по осени **боярки**, колючего **лоха**, ягоды которого – тоже осенью – кофейная маслянистая сладость (Екимов 1, с. 338) (*боярка* – местное название боярышника, *лох* – «облепиха крушиновидная») (СРНГ, вып. 17, с. 159).

Для словоупотребления диалектоносителей в случаях отсутствия контекстуального литературного аналога характерна комплексность, сопряжение нескольких средств семантизации – с помощью **перечисления одно-**

родных членов предложения и развернутого целостного контекста, содержание которого становится основой толкования значений слов:

(54) Дедушка ловил, там у Гусынки рыбий пруд протекал с Семеновки. И **самоловки** у него, **кубаря**, в **сетях**, вот так. Достанешь, девчата, хотите верьте, хотите нет, каждый день почти ведро. И **вентерями**, и **самоловкой** – столько рыбы! (Черноусова В.В., 1932 г.р., ст-ца Преображенская, Киквидзенский район) (*кубарь* – «род верши на обручах»; *самоловка* – «сплетенная из прутьев корзина с узким горлом для ловли рыбы»; *вентерь* – «рыболовная снасть, имеющая вид верши на обручах, суживающихся книзу») (СРНГ, вып. 15, с. 355; вып. 4, с. 116; вып. 36, с. 91);

(55) Все сажали, картошку, кукурузу сажали, **тыклушки** сажали, свяклу (Лысенко П.А.) (*тыклушки*: от *тыкла* – «тыква») (БТСДК, с. 536).

В художественной прозе и речи диалектоносителей используется прием **дистантного расположения диалектного (либо местного) слова и его толкования**, когда значение «подсказывается» окружающим контекстом и/или выражается отдельным литературным лексическим аналогом (описательным выражением):

(56) Первый раз на вдовый сенокос меня взяли лет семи. *Литовочку*, что из аксайской косы сделал мне дед, я нес торжественно, как музыкант дорожную скрипку. ... У носка моей косы что-то взблеснуло (Кулькин 1, с. 4, 6) (*литовочка* – «длинная широкая коса с большой рукоятью») (СДГВО, с. 300);

(57) Деляна нам досталась у самого озера, у той его части, где – по весне – **винтует** широкий, с руслом лопатой, ручей. По его ложу – **выпрыскамы** – растет редкий, но почти с руку толщины, камыш. Само же травяное место, отшагнув саженей на пять от корьевого крошева, оставленного тут разливом, было непролазно густым и **винтучим** (Кулькин 1, с. 5);

(58) У кого какой был недостаток: и сосновые, и дубовые, всякие, а у бедных **саманные** были, **саман** лепили – земля с соломой, делали тоже хаты (Лысенко П.А.) (*саман* – «вырезанные куски дерна, используемые в качестве строительного материала») (СДГВО, с. 527).

Одним из приемов семантизации, основанном на образно-символическом осмыслении окружающего мира, который отражен в

системе диалекта, является **толкование с учетом внутренней формы слова** в широком контексте. Это средство подчеркивания специфики территориально ограниченной лексики и создания особого колорита произведения:

(59) На песок выбирается стадо коров... Первая – с **боталом** на шее. Звенит и звенит (Екимов, с. 337) (*ботало* – «медный, железный или бронзовый колокольчик на шее пасущихся лошадей, коров») (СДГВО, с. 50).

В приведенном примере для семантизации слова *ботало* важную роль играет комплекс факторов, направленных на реализацию образно-конкретизирующей функции художественного текста: сочетаемость с существительным *шея*, выражение корневой морфемой значения образа действия, сходного со значением глагола *мотать* (двигать из стороны в сторону), функциональное назначение предмета (его нахождение на шее животного) и звуковое сопровождение действия (*звенит*).

В прозе писателей такой прием семантизации часто выполняет характерологическую функцию, служа средством создания портрета персонажа, художественного образа героя, например:

(60) Чужому глазу могло показаться, что она спит, шумно посапывая **висловатым** носом (Екимов 1, 228).

В речи диалектоносителей названный прием выполняет номинативно-конкретизирующую, или, с нашей точки зрения, наглядно-конкретизирующую функцию, например:

(61) Серебрятся ряды за рядами на **вешалах**: чехонь, синец, а может быть и рыбец (*вешала* – «перекладина с набитыми на нее гвоздями для сушки или вяления рыбы») (БТСДК, с. 75) (Екимов 1, с. 350);

(62) Молоко цедили, вот **цедилка**... (Смирнова Т.Ф., 1925 г.р., х. Гордеюшка, Алексеевский район) (*цедильник* – «высокий кувшин для молочных продуктов») (СДГВО, с. 641).

Приемом, имплицитно реализующим контекстуальную семантизацию, является непреднамеренное, «замаскированное» введение в художественный текст **семантических диалектизм** (подробно об этом см.: [Не-

расова, 1973, с. 217; Прохорова, 1957, с. 7; Филин, 1961, с. 38]), отличающихся от «однозвучных» им аналогов в литературном языке, то есть омонимов:

(63) **Кидал** умом – нет, не **накину** (Екимов 1, с. 362).

Сюда же можно отнести некоторые местные слова, например:

(64) Костя и Степан – самые старшие в семье – были за то, чтобы родителю поставить, как и всякому прожившему при Советской власти человеку, **призму со звездой**. А вот меньшие – Генка, Сергей и Гриша – уперлись на своем: крест папанька заслужил уже хотя бы потому, что... был крещен в церкви (Кулькин 1, с. 76) (*призма* – «многогранник с двумя равными параллельными основаниями и боковыми гранями-параллелограммами», сочетание *призма со звездой* используется в смысле «солдатский памятник»).

Специфическим приемом семантизации, зафиксированным только в устной речи диалектоносителей, является **апелляция к обыденному знанию собеседника или к практическому опыту**, позволяющему толковать значение диалектного слова (местного названия, обозначения) через сложившиеся представления об окружающей действительности. В этом случае могут использоваться развернутые сравнения, сопоставления, аналогии:

(65) Ну, были такие **рушалки**... Вот эта в частном доме **рушилка**, она... ну, как, она похожа, там, как на мельницу. Два камня круглых, таких круглых, как бы, и вот туда сыпет, и им сам крутишь руками (Петров Н.С., 1940 г.р., х. Деминский, Новоаннинский район);

(66) Козёл – козёл, а если кастрированный козёл – **вал** (Антонова Т.А.).

Употребляются синонимы, одиночные или в составе пояснительного оборота, вопросно-ответного единства:

(67) Вот как **куки закукують**. **Куки** – это лягушки, значит, начнут квакать, и **ширяшок** сойдёт, то есть лед сойдет, нижний лёд, мелочь после льда, и можно рыбалить (Антонова Т.А.) (*кука* – «головастик»; *ширёшь* – «мелкий лед, появляющийся перед ледоставом или идущий по реке весной во время ледохода») (БТСДК, с. 248, 591);

(68) Ну, тогда называли **пятистенки**... Две комнаты обязательно, и обязательно, чтобы была **полата**. Вы не представляете? Это значит, как сказать, ну, допустим, вот русская печь. Это входная дверь. От входной двери как все равно полка такая большая. **Полати** называлась. Вот туды загоняли всю детвору. Там тепло наверху, вон там детвора спали (Лысенко П.А.) (*пятистенки* – «дом, разделенный капитальной стеной на две части; жилой дом с пятью капитальными стенами»; *полать*, *палати* – «настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком») (СДГВО, с. 446–447, 496, 441).

Одним из способов толкования слова на основе обыденного знания выступает указание на функциональную роль предмета, назначение или применение чего-л.:

(69) Вот были такие **чистики** у нас. Тоже вот... тут деревячка, а тут сделана, это, ну вот как лопаточка заостренная. И вот ими ходили мы по полям, и вот так вот под корень сшибали яво, эти, травы разные... **чистик** (Михайлова А.М., 1936 г.р., с. Завязка, Киквидзенский район);

(70) **Грох** – это зерно в нем просеивали... Очищали зерно... Сеяли, очищали от сорняка хлеб, **грох**, эт самое, от сорняка отдевал (Смирнова Т.Ф.) (*грох* – «решето») (БТСДК, с. 119).

Оригинальным приемом объяснения, свойственным речи диалектоносителя, является **описание обыденной ситуации**, включающей последовательность совершаемых действий, которые необходимы для получения собеседником наглядного представления о предмете, процессе, явлении:

(71) **Каймак** – просто: вот вечером подою корову... и в духовку, он **зажарится**, эт **молоко**, чтоб аж дочерна была эта пленка, вынимаю и ставлю ее в холодильник. Постоял он, остыл совсем – вот снимаешь **каймак**, а там остается молоко (Скворцова К.П., 1924 г.р., г. Урюпинск, Урюпинский район) (*каймак* – «густые подрумяненные пенки, снятые с топленого молока») (СДГВО, с. 231).

Графическая семантизация

Графическая семантизация представляет собой способ предупреждения читателя о диалектном элементе в тексте, что характерно только для прозаических произведений писателей.

Приведенные в процессе анализа контексты в полной мере иллюстрируют данный способ «маркировки» диалектизмов с помощью конкретных приемов: **заклучения в кавычки** диалектного слова, **выделения тире** в авторской речи, **употребления в качестве оформленного дефисом приложения после главного слова**, **использования в составе прямой речи**, не принадлежащей собственно авторскому изложению, **одновременного сопряжения нескольких приемов и средств «маркировки» слова** в тексте. Следует только добавить, что рассматриваемый способ, реализованный соответствующими средствами, характерен для введения в текст не только диалектизмов как элементов сложившейся лексической системы диалекта, но и местных наименований реалий и обозначений свойств, признаков. Например, в авторской и прямой речи для создания художественного образа и эмоционально-оценочной экспрессии:

(72) Здесь сомовье **бучило**. **Брунит** и режет воду прочная леса – «*жилка*», а потом рвется со звоном (Екимов 1, с. 35) (*бучило* – «водоворот и глубокая яма под ним»; *брунеть* – «производить звук в результате внешнего воздействия, звенеть») (СДГВО, с. 53, 60);

(73) Мишка Кошкуль, в свое время – по **бежалой** судьбе – оказавшийся в хуторе (Кулькин 1, с. 10);

(74) ...Сначала зашел в летнюю **кухню-стряпку** (Екимов 1, с. 42) (*стряпка* – «отдельное строение для приготовления пищи летом; летняя кухня») (СДГВО, с. 574);

(75) Так **жалковать** надо, пока ноги в размет не пошли, – ответил дед, – потому как знает, что шильце завсегда рядом с мыльцем обретается (Кулькин 2, с. 103) (*жалковать* – «чувствовать жалость, сострадание к кому-либо; жалеть») (СРНГ, вып. 9, с. 65);

(76) Там – дикий барбарис, «**кислятка**», корни «**козелка**» – белой моркови (Екимов 1, с. 338) (*козёлик*, *козелок* – «съедобное дикое травянистое растение козлородник») (СДГВО, с. 251).

Заклучение

Семантизация как процесс сообщения таких «данных» о языковой единице, которые позволяют ей беспрепятственно и гармонично использоваться в качестве строевого материала содержания высказывания в письмен-

ной или устной речи, свидетельствует о «многоканальности» взаимовлияния систем литературного языка и диалектного, местного словоупотребления, территориально ограниченного в своей основе. В региональной художественной прозе диалектизм, будучи средством преднамеренно сниженной, непринужденной речи, выражает самобытное восприятие действительности автором и персонажами произведения – представителей донского казачества, что в то же время свидетельствует о богатстве стилистической и социально-функциональной дифференциации русского языка на современном этапе. В устной речи носителей говоров данный словесный материал указывает на непрерывную живую связь системного и функционального, конкретного и образно-символического в русском языке, которую возможно постичь через семантизацию как «речетворчество» диалектоносителя.

Осуществленный в исследовании анализ способов и приемов толкования значений лексем в контексте позволяет говорить о целесообразности разграничения непосредственных и опосредованных приемов семантизации, определяющих пути взаимодействия семантических систем и обогащения стилистических ресурсов при употреблении диалектного слова в литературно-обработанных контекстах, степень его интегрированности в разговорный, общебытовой обиход, показать специфику тех семантико-смысловых «скреп», которые в конкретно-понятийном, образно-конкретизирующем и наглядно-символическом воплощении действительности соединяют разнонаправленные стихии в многогранный языковой континуум родной русской речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богачева Г. Ф., 2020. Словарная семантизация: цифровой формат // Лексикография и коммуникация – 2020 : сб. материалов VI Междунар. науч. конф. Белгород : Изд-во Белгор. гос. нац. исслед. ун-та. С. 12–19.
- Виноградов В. В., 1961. Проблема авторства и теория стилей. М. : Худож. лит. 613 с.
- Волошина С. В., Демешкина Т. А., 2012. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. № 3 (19). С. 14–20.
- Горшков А. И., 2006. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М. : АСТ : Астрель. 367 с.
- Данилевская Н. В., 2003. Конструктивный прием // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 175–179.
- Касаткин Л. Л., 2007. Фрагмент языкового портрета донской казачки // Язык в движении : К 70-летию Л.П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М. : Яз. слав. культуры. С. 231–240.
- Колесов В. В., 2011. Труды и дни Ф.П. Сороколетова // Избранные труды / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова ; отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Наука. С. 17–27.
- Копнина Г. А., Сковородников А. П., 2005. Стилистический прием // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М. : Флинта : Наука. С. 322–325.
- Коробова В. Н., 2019. Способы семантизации диалектного слова (на материале Словаря русских говоров Приамурья) // Филологический аспект. № 4 (4). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sposoby-semantizatsii-dialektnogo-slova-na-materiale-slovyararusskikh-govorov-priamurya.html>
- Крысин Л. П., 2010. О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 69, № 1. С. 28–43.
- Лопушанская С. П., 2001. Идиостиль Евгения Кулькина в этнолингвистическом освещении // Стрежень : науч. ежегодник. Волгоград : Издатель. Вып. 2. С. 327–330.
- Мерзлякова Е. В., 2022. Трудности семантизации лексики на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Вестник педагогических наук. № 1. С. 164–167.
- Мызникова Я. В., 2014. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 4 (28). С. 66–72.
- Мызникова Я. В., 2015. Лексикографические рефлексии диалектоносителя // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электрон. науч. журн. № 3 (11). С. 151–154. URL: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/20_15_2015.pdf
- Некрасова Е. А., 1973. Семантические диалектизмы в художественных текстах // Исследования по русской диалектологии. М. : Наука. С. 217–221.

- Новиков Л. А., 2003. Художественный текст и его анализ. Изд. 2-е, испр. М. : Едиториал УРСС. 304 с.
- Плотникова А. М., 2013. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции // Филологический класс. № 3 (33). С. 47–50.
- Прохорова В. Н., 1957. Диалектизмы в языке художественной литературы. М. : Учпедгиз. 82 с.
- Романова О. И., 2016. Диалектизмы в лексической структуре художественного текста (на материале произведений Б. Екимова) // Научный диалог. № 9 (57). С. 83–96.
- Ручина Л. И., Горшкова Т. М., 2021. Новые подходы к семантизации лексики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 208–221. DOI: 10.52452/19931778_2021_5_218
- Сороколетов Ф. П., 2011. Словарь современного русского языка и его эмпирическая база // Избранные труды / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова ; отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Наука. С. 373–378.
- Стародубцева Н. А., Харченко С. Ю., Черницына Т. В., 2020. Специфика лексической сочетаемости глаголов эмоционального состояния в региональной художественной прозе // Научный диалог. № 6. С. 162–177. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-162-177
- Супрун В. И., Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., 2013. Донская казачья лингвокультура в произведениях Б.П. Екимова: к юбилею писателя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (81). С. 79–85.
- Тупикова Н. А., 2002. Характерологическая функция именной и глагольной лексики в рассказах Е.А. Кулькина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 2. С. 47–52.
- Тупикова Н. А., 2014. К проблеме полевого описания лексики в речи диалектоносителей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (41), ч. 1. С. 196–200.
- Тупикова Н. А., 2018. О специфике славянской языковой личности в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев на территориях позднего заселения // Slavia Orientalis. Т. LXVII, № 1. С. 117–127.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2020. Отражение тематической области «Работа с животными» в речи носителей донских говоров Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН. С. 774–789.
- Филин Ф. П., 1961. Проект «Словаря русских народных говоров». М. ; Л. : АН СССР. 197 с.
- Черноусова О. Н., 2012. Функционирование образных сравнений в художественном тексте и речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (15). С. 219–223.
- Шмелев Д. Н., 1964. Слово и образ. М. : Наука. 120 с.

ИСТОЧНИКИ

- Кулькин 1 – Кулькин Е. А. Вдовий сенокос : рассказы. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1990. 287 с.
- Кулькин 2 – Кулькин Е. А. Последний день лета : роман. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. 378 с.
- Екимов 1 – Екимов Б. П. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Волгоград : Издатель, 2000. 624 с.
- Екимов 2 – Екимов Б. Пастушья звезда // Роман-газета. 1989. № 24. С. 1–47.
- Терехов – Терехов Н. Ф. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Волгоград : Издатель, 2008. 624 с.

СЛОВАРИ

- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М. : Астрель, 2003. 608 с.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. / СПб. : Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

REFERENCES

- Bogacheva G.F., 2020. Slovarnaya semantizatsiya: tsifrovoy format [Dictionary Semantics: Digital Format]. *Leksikografiya i kommunikatsiya – 2020: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch. konf.* [Lexicography and Communication, 2020. Collection of Materials of the 6th International Scientific Conference]. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo gosudarstvennogo nacionalnogo issledovatel'skogo universiteta, pp. 12-19.
- Vinogradov V.V., 1961. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The Problem of Authorship and the Theory of Styles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 613 p.
- Voloshina S.V., Demeshkina T.A., 2012. Miromodeliruyushchiy potentsial rechevogo zhanra (na materiale dialektnoy rechi) [The World-Modeling Potential of the Speech Genre (Based on the Material of Dialect Speech)].

- Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 3 (19), pp. 14-20.
- Gorshkov A.I., 2006. *Russkaya stilistika. Stilistika teksta i funktsionalnaya stilistika* [Russian Stylistics. Text Stylistics and Functional Stylistics]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ. 367 p.
- Danilevskaya N.V., 2003. Konstruktivnyy priem [Constructive Reception]. M.N. Kozhina, ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 175-179.
- Kasatkin L.L., 2007. Fragment yazykovogo portreta donskoy kazachki [Fragment of the Linguistic Portrait of the Don Cossack]. Zemskaya E.A., Kalenchuk M.L., eds. *Jazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysin* [Language in Motion: To the 70th Anniversary of L.P. Krysin]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 231-240.
- Kolesov V.V., 2011. Trudy i dni F.P. Sorokoletova [Works and Days of F.P. Sorokoletov]. Kuznecova O.D., Sorokoletova E.F., Myznikov S.A., eds. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nauka Publ. pp. 17-27.
- Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P., 2005. Stilisticheskii priem [Stylistic Reception]. Skovorodnikov A.P., ed. *Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik. Vyrazitelnye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 322-325.
- Korobova V.N., 2019. Spособы семантизации диалектного слова (на материале Словаря русских говоров Приамурья) [The Main Methods of Semantization of the Dialectic Word (On the Material Dictionary of Russian Goods Amur Region)]. *Filologicheskii aspekt*, no. 4 (4). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/spособы-семантизации-диалектного-слова-на-материале-словаря-русских-говоров-приамурья.html>
- Krysin L.P., 2010. O slovarnom predstavlenii leksiki nekodificirovannykh podsystem yazyka [On the Vocabulary Representation of the Vocabulary of Uncodified Language Subsystems]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language], vol. 69, no. 1, pp. 28-43.
- Lopushanskaya S.P., 2001. Idiostil Evgeniya Kulkina v etnolingvистическом освещении [Evgeny Kulkin's Idiostyle in Ethnolinguistic Coverage]. *Strezen: nauch. ezhegod.* [Strezen: Scientific Yearbook]. Volgograd, Izdatel Publ., iss. 2, pp. 327-330.
- Merzlyakova E.V., 2022. Trudnosti semantizatsii leksiki na nachalnom etape obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Difficulties of Vocabulary Semantization at the Initial Stage of Learning Russian as a Foreign Language]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk* [Bulletin of Pedagogical Sciences], no. 1, pp. 164-167.
- Myznikova Ya.V., 2014. Kommunikativnye osobennosti dialektного rechevogo zhanra «rasskaz-vospominanie» [Communicative Specificities of the Dialect Speech Genre “Reminiscence Story”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 4 (28), pp. 66-72.
- Myznikova Ya.V., 2015. Leksikograficheskie refleksii dialektonositelya [Lexicographic Reflections of a Dialect Speaker]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektron. nauch. zhurn.* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], no. 3 (11), pp. 151-154. URL: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/20_15_2015.pdf
- Nekrasova E.A., 1973. Semanticheskie dialektizmy v khudozhestvennykh tekstakh [Semantic Dialectisms in Literary Texts]. *Issledovaniya po russkoy dialektologii* [Studies in Russian Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 217-221.
- Novikov L.A., 2003. *Khudozhestvennyy tekst i ego analiz* [Literary Text and Its Analysis]. Moscow, Editorial URSS Publ. 304 p.
- Plotnikova A.M., 2013. Semantizatsiya slova v sovremennykh tolkovykh slovaryakh i slovaryakh kontseptov: novye tendentsii [Semantization Word in Today's Dictionary and Concepts: New Trends]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], no. 3 (33), pp. 47-50.
- Prokhorova V.N., 1957. *Dialektizmy v yazyke khudozhestvennoy literatury* [Dialectisms in the Language of Fiction]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 80 p.
- Romanova O.I., 2016. Dialektizmy v leksicheskoy strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy B. Ekimova) [Dialectisms in the Lexical Structure of a Literary Text (Based on the Material of B. Ekimov's Works)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 9 (57), pp. 83-96.
- Ruchina L.I., Gorshkova T.M., 2021. Novye podkhody k semantizatsii leksiki [New Approaches to Vocabulary Semanticization]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of

- Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 5, pp. 208-221. DOI: 10.52452/19931778_2021_5_218
- Sorokoletov F.P., 2011. Slovar sovremennogo russkogo yazyka i ego empiricheskaya baza [Dictionary of the Modern Russian Language and Its Empirical Base]. Kuznecova O.D., Sorokoletova E.F., Myznikov S.A., eds. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 373-378.
- Starodubtseva N.A., Kharchenko S.Yu., Chernitsyna T.V., 2020. Spetsifika leksicheskoy sochetaemosti glagolov emocionalnogo sostoyaniya v regionalnoy khudozhestvennoy proze [Specifics of the Verbs of the Emotional State Lexical Compatibility in Regional Prose]. *Nauchmy dialog* [Scientific Dialogue], no. 6, pp. 162-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-162-177
- Suprun V.I., Kudryashova R.I., Brysina E.V., 2013. Donskaya kazachya lingvoku'tura v proizvedeniyakh B.P. Ekimova: k yubileyu pisatelya [Don Cossack Linguistic Culture in the Works by B.P. Yekimov: For the Writer's Anniversary]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (81), pp. 79-85.
- Tupikova N.A., 2002. Kharakterologicheskaya funktsiya imennoy i glagolnoy leksiki v rasskazakh E.A. Kulkin [The Characterological Function of Nominal and Verbal Vocabulary in the Stories of E.A. Kulkin]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvenno gouniversiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, iss. 2, pp. 47-52.
- Tupikova N.A., 2014. K probleme polevogo opisaniya leksiki v rechi dialektonositeley [On the Problem of Field Description of the Vocabulary in the Speech of Dialect Speakers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], no. 11 (41), part 1, pp. 196-200.
- Tupikova N.A., 2018. O spetsifike slavyanskoj yazykovoy lichnosti v punktakh smeshannogo prozhivaniya donskikh kazakov i ukraintsev na territoriyakh pozdnego zaseleniya [On Specificity of the Slavic Language Personality in the Areas of Mixed Residency of the Don Cossacks and the Ukrainians in Time of Latest Settlement]. *Slavia Orientalis*, vol. 67, no. 1, pp. 117-127.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2020. Otrazhenie tematicheskoy oblasti «Rabota s zhitvotnymi» v rechi nositeley donskikh govorov Volgogradskoy oblasti [Reflection of the Thematic Area of Animal Management in the Speech of Native Speakers of the Don Dialects (Volgograd Region)]. Myznikov S.A., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2020* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2020]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 774-789.
- Filin F.P., 1961. *Proekt «Slovary russkikh narodnykh govorov»* [The Project of the Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 197 p.
- Chernousova O.N., 2012. Funktsionirovanie obraznykh sravneniy v khudozhestvennom tekste i rechi dialektonositeley [The Functioning of Simile in the Art Text and Speech of Dialectspeakers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvenno gouniversiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 1 (15), pp. 219-223.
- Shmelev D.N., 1964. *Slovo i obraz* [Word and Image]. Moscow, Nauka Publ. 120 p.

SOURCES

- Kulkin E.A. *Vdoviy senokos: rasskazy* [Widow's Haymaking. Stories]. Volgograd, Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990. 287 p.
- Kulkin E.A. *Posledniy den' leta: roman* [The Last Day of Summer. Novel]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 378 p.
- Ekimov B.P. *Sochineniya. V 3 t. T. 3* [Essays. In 3 Vols. Vol. 3]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2000. 624 p.
- Ekimov B. Pastushya zvezda [Shepherd's Star]. *Roman-gazeta*, 1989, no. 24, pp. 1-47.
- Terekhov N.F. *Sobranie sochineniy. V 2 t. T. 2* [Collected Works. In 2 Vols. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2008. 624 p.

DICTIONARIES

- Bolshoy tolkovyy slovar donskogo kazachestva* [A Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Astrel' Publ., 2003. 608 p.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011. 704 p.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad / Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–2021, iss. 1-52.

Information About the Authors

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Natalya A. Starodubtseva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Наталья Анатольевна Стародубцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.2>

UDC 81'37:004.738.5
LBC 81.053.1

Submitted: 14.10.2021
Accepted: 21.03.2022

CORRELATING SENSE COMPONENTS IN MEMES AND DEMOTIVATORS ABOUT MASS SELF-ISOLATION: TYPES OF SEMANTIC RELATIONS¹

Maxim N. Latu

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of semantic components correlation in the content of Russian memes and demotivators about mass self-isolation during the COVID-19 pandemic. The sampling consisted of 1,500 Russian memes and demotivators. The application of a network approach to the analysis of the sense structure of verbal-visual polycode texts has enabled the author to identify the cases of specific semantic components correlation, and describe the types of their semantic relations, including localization, identity, attribution, temporal correlation, opposition, cause-and-effect, subject, object and instrument. The research highlights the fact that the correlation of semantic components by means of a certain type of semantic relations can reflect both objective information, certain trends and patterns observed in society, and subjective ideas about mass self-isolation. The examples of comic effect emergence are described. The cases when the correlation between semantic components is expressed verbally (both semantic components are represented in the verbal part of the polycode text), non-verbally (both semantic components are represented in the iconic part of the polycode text), synsemantically (one of the correlating semantic components is expressed verbally, and the other is depicted iconically) are analyzed. It has been noted that representation form mainly depends on the specificity of the correlated semantic components in the polycode text, and the author's individual preferences. Explicitly and implicitly expressed links between certain semantic components in the analyzed polycode texts devoted to mass self-isolation are considered. The correlation of certain semantic components of polycode texts reveals the peculiarities of perception and understanding of various aspects of this phenomenon.

Key words: polycode text, meme, demotivator, sense component, semantic network, semantic relation, verbal component, non-verbal component.

Citation. Latu M.N. Correlating Sense Components in Memes and Demotivators About Mass Self-Isolation: Types of Semantic Relations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 20-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.2>

УДК 81'37:004.738.5
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 14.10.2021
Дата принятия статьи: 23.03.2022

МЕМЫ И ДЕМОТИВАТОРЫ О САМОИЗОЛЯЦИИ: КОРРЕЛИРУЮЩИЕ СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Максим Николаевич Лату

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию корреляции смысловых компонентов содержания русскоязычных мемов и демотиваторов, иллюстрирующих явление массовой самоизоляции в период пандемии COVID-19. С применением сетевого подхода к анализу смысловой структуры поликодовых текстов установлены коррелирующие смысловые компоненты, охарактеризованы типы семантических отношений между ними: локализация, тождество, атрибуция, противопоставление, временная, причинно-следственная, субъектная, объектная и инструментальная соотнесенности. Обосновано, что корреляция смысловых компонентов, связанных семантическими отношениями определенного типа, может отражать как объективные сведения, тенденции и закономерности, наблюдаемые в социуме, так и субъективные представления о массовой само-

изоляции. Охарактеризованы случаи возникновения комического эффекта. Показано, что связь между смысловыми компонентами может быть выражена вербально (коррелирующие компоненты расположены в вербальной части текста), невербально (коррелирующие компоненты расположены в иконической части текста), синсемантически (один из коррелирующих компонентов расположен в вербальной части, другой – в иконической); форма выражения связи зависит от специфики соотносимых смысловых компонентов и индивидуальных предпочтений автора поликодового текста. Выявлены и описаны случаи эксплицитно и имплицитно выраженных связей между смысловыми компонентами текста. Делается вывод о том, как соотношенность смысловых компонентов поликодовых текстов о самоизоляции раскрывает особенности осмысления и восприятия различных сторон данного феномена.

Ключевые слова: поликодовый текст, мем, демотиватор, смысловой компонент, семантическая сеть, семантическое отношение, вербальный компонент, невербальный компонент.

Цитирование. Лату М. Н. Мемы и демотиваторы о самоизоляции: коррелирующие смысловые компоненты и типы семантических отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 20–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.2>

Введение

Визуализация играет значимую роль при выражении мнений и восприятии информации в процессе коммуникации в Интернете, «основными семиотическими характеристиками которого можно считать гипертекстуальность и поликодовость» [Максименко, 2012, с. 94]. Поликодовость, как отмечает В.Е. Чернявская, представляет собой «сущностный принцип человеческой коммуникации» [Чернявская, 2013, с. 124], при этом «смысл транслируется по множеству каналов» [Чернявская, 2021, с. 101]. Поликодовыми А.Г. Сонин считает «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117]. В настоящем исследовании в фокусе внимания находятся такие поликодовые тексты, как мемы и демотиваторы, представляющие собой вербально-визуальное единство (текст и статическое изображение). При этом их вербальная и иконическая части находятся в тесном взаимодействии [Terskikh, 2019], дополняют и акцентируют друг друга [Szpila, 2017; Пищальникова, Цайся, 2020], образуя визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, способное оказывать комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова, 2013]. Взаимодействие между частями поликодовых текстов может быть разных видов: автосемантическое (когда вербальная и иконическая части текста относительно незави-

симы друг от друга) и синсемантическое (когда вербальная и иконическая части текста находятся в тесном взаимодействии) (подробно об этом см.: [Спешилова, 2010]). В контексте связности вербального и визуального компонентов различают тексты с полной и частичной креолизацией [Анисимова, 2013], в качестве критериев для классификации поликодовых текстов называются также степень гетерогенности, соотношение объема информации и роли изображения, характер связей между вербальным и иконическим компонентом и др. [Пойманова, 1997; Вашунина, 2009]. Как справедливо замечают Ю.М. Сергеева и Е.А. Уварова, «восприятие данных компонентов в комплексе позволяет автору максимально точно передать все те идеи, которые он хотел воплотить в данном тексте» [Сергеева, Уварова, 2014, с. 133]. При этом как информация в тексте может быть проиллюстрирована графическим изображением, так и графическое изображение может быть описано словами и представлено в виде текста.

В мемах и демотиваторах находят отражение текущие события в стране и мире, актуальные вопросы, а также реакция на них представителей социума [Гуськова, 2016], как, например, феномен массовой самоизоляции и его восприятие [John, 2020; McCormick, 2020; Лату, 2021]. Интерпретируя конкретный объект или ситуацию, автор поликодового текста конструирует их в его содержании [Бабина, 2017; Тагильцева, Бабикина, 2018]. Содержание сообщения, которое может отражать мнения и представления об определенном событии, потенциально делимо на составляю-

щие. К одному из наиболее эффективных способов, позволяющих исследовать особенности организации знания в тексте, относится семантическая сеть [Юдина, Дудина, 2016; Light, 2014]. Ее структурными элементами являются вершины (смысловые компоненты содержания текста, понятия, лексические значения) и дуги (семантические отношения между ними) [Рубцов, 2008; Осипов, 2011; Arauz, Faber, 2017]. Таким образом, под семантическим отношением понимается универсальная связь, усматриваемая носителем языка в тексте [Сокирко, 2001], существующая между двумя соотносимыми смысловыми компонентами (элементами смысловой структуры текста), концептами, значениями слов [Khoо, Na, 2006], понятиями в предметной области [Осипов, 2011].

При этом в рамках существующих классификаций семантические отношения могут относиться к разным типам [Xu et al., 2018], в основе выделения которых лежат такие логико-семантические связи, как АКО («a kind of») – родовидовое отношение, РО («part of») – отношение между меронимом и холонимом, Аt («attribute») – отношение атрибутивности, ISA («is a») – отношение совпадения или включения во множество, Loc («location») – отношение между референтами, один из которых является местом локализации другого, If («if») – отношение условия, Тmp – («temporal») темпоральное отношение временной корреляции между двумя референтами и др. (более подробно о типах семантических связей и существующих типологиях см.: [Осипов 2011; Лату 2018]). Семантические отношения разных типов выражаются в тексте определенным набором языковых средств, языковыми маркерами (linguistic markers) или вербализаторами (лексическими, графическими, грамматическими), например: *это, это есть, представляет собой* и др. (отношение тождества ISA), *состоит из, содержит, часть, включает* (партитивное отношение РО), *в, внутри, на* и др. (отношения локализации LocIn и LocOn) и т. д. При установлении семантических отношений также учитывается позиционная близость средств

выражения соотносимых смысловых компонентов в пространстве текста и их лексико-грамматическая сочетаемость [Лату, 2018; Arauz, Faber, 2010]. В рамках исследования рассматриваются коррелирующие смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных массовой самоизоляции в период пандемии COVID-19, особенности их соотносительности на основе семантических отношений разных типов.

Материал и методы

Алгоритм исследования включал несколько этапов. Первым из них стал сбор языкового материала, объем которого составил 1 500 русскоязычных мемов и демотиваторов, посвященных массовой самоизоляции, извлеченных методом сплошной выборки со страниц социальных сетей ВКонтакте, Фейсбук*, а также с информационных и развлекательных сайтов сети Интернет в 2020 году. На втором этапе с использованием методов контент-анализа, дефиниционного анализа языковых единиц и семиотического анализа элементов изображения, представленных в анализируемых текстах, были выделены смысловые компоненты их содержания, а также языковые средства, выступающие в роли вербализаторов семантических отношений между ними. На третьем этапе с опорой на результаты семиотического анализа для репрезентируемых в составе иконической части элементов изображения были установлены их вербальные соответствия. На четвертом этапе с учетом полученных данных вербальный и иконический компоненты были представлены в виде единого текстового фрагмента (с сохранением его разметки на две части). Репрезентация иконической части в виде связного текста позволила установить вербализаторы, показывающие связь между элементами изображения или смысловыми компонентами, один из которых выражен вербально, а другой – иконически.

На пятом этапе в рамках сетевого подхода посредством дистрибутивного анализа с учетом выявленных вербализаторов и лексико-

* Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

грамматической сочетаемости языковых средств были установлены пары смежных смысловых компонентов, соотносимых друг с другом в содержательном пространстве текста. На основе существующей типологии семантических отношений и выявленных вербализаторов связей был определен характер корреляции смежных смысловых компонентов (типы семантических отношений между ними) в каждом тексте. Вышесказанное позволило провести анализ случаев соотносительности конкретных смысловых компонентов, связанных установленными типами семантических отношений, их особенностей при выражении суждений и представлений авторов о массовой самоизоляции. Поскольку соотносимые смысловые компоненты в текстах могут выражаться вербально и/или невербально [Лату, 2020], то нами устанавливались и рассматривались случаи семантических отношений, связывающих смысловые компоненты в составе вербальной части, иконической части, а также между ними. Новизна исследования заключается в применении принципов сетевого подхода, направленного на выявление взаимосвязанных элементов знания, к анализу содержания мемов и демотиваторов, установлению смежных смысловых компонентов, используемых при выражении представлений о феномене массовой самоизоляции, обнаружении особенностей их соотносительности на основе семантических отношений разных типов в вербально-визуальном пространстве текста.

Результаты и обсуждение

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантических отношений LocIn и LocOn

Одним из значимых типов семантических отношений в рассматриваемых поликодовых текстах являются отношения пространственной локализации. Поскольку самоизоляция в первую очередь предполагает пребывание человека дома и ограничение на выход за его пределы, то репрезентация данных связей ожидаема (в составе как вербального, так и иконического компонента) и является характерной особенностью текстов, посвященных этому феномену. Отношения данного типа

связывают определенное действие и место, где оно осуществляется. Например, смысловой компонент 'дом' соединяется с целой группой смысловых компонентов, репрезентирующих действия, которые, согласно выражаемым мнениям авторов текстов, люди выполняют, находясь в домашних условиях во время самоизоляции: 'сидеть', 'лежать', 'спать', 'работать удаленно', 'обучаться удаленно', 'есть', 'выпивать', 'оставаться', 'заказывать еду'. Отметим, что в этих случаях в невербальной части представление о доме актуализируется посредством изображения его отдельных помещений (комнаты, кухни и др.). Так, данные смысловые компоненты и связь между ними репрезентируются в иконической части поликодового текста (см. рис. 1, а): во второй день самоизоляции лежит в комнате (дома). При этом в контексте представленных изображений конкретных помещений упоминаются весьма определенные действия. Так, смысловые компоненты 'лежать', 'спать', 'читать' в данных текстах соотносятся только со смысловыми компонентами 'комната' ('спальня' или 'гостиная'), в то время как смысловые компоненты 'работать удаленно', 'обучаться удаленно', 'есть', 'выпивать' связаны как со смысловым компонентом 'комната', так и со смысловым компонентом 'кухня', поскольку в текстах представлено изображение человека, который работает или присутствует на онлайн-занятии, а также одновременно ест или употребляет алкогольные напитки, сидя за обеденным столом или лежа в кровати, на диване в комнате (см. рис. 1, а). Данная связь обеспечивает в текстах корреляцию смысловых компонентов 'дом' и 'смотреть' (сериалы, в окно), 'играть', 'рисовать', 'гуглить', 'общаться удаленно' и др.

Соотнесенность некоторых смысловых компонентов весьма специфична и отражает частные представления автора о прогнозируемой возможной реальности с использованием гиперболы для достижения комического эффекта. Так, связь между смысловыми компонентами 'застрывать' и 'дверной проем' репрезентируется в текстах, где выражается опасение о наборе лишнего веса во время самоизоляции. Она может воплощаться как вербально, так и иконически (см. рис. 1, б). Актуализация связи таких компонентов создает

комический эффект, поскольку образуется нетипичная корреляция обычно не связываемых данным семантическим отношением смысловых компонентов, например: ‘балкон’ и ‘гулять’, ‘жарить шашлыки’ (рис. 1, в). Также авторами анализируемых текстов транслируется мысль, что во время самоизоляции гулять и жарить шашлыки придется только на балконе. В текстах выборки компонент ‘действие’ выражается преимущественно вербально [Лату, 2020], а смысловой компонент ‘балкон’ как вербально, так и невербально с помощью соответствующего изображения. Отметим, что смысловой компонент ‘гулять’ также соотносится со смысловым компонентом ‘дом’, создавая комический эффект при выражении мысли о том, что отдельные комнаты становятся местами для прогулок во время самоизоляции. При этом смысловой компонент ‘дом’ может репрезентироваться в иконической части с помощью схематического изображения плана расположения комнат и т. д.

Кроме того, смысловой компонент ‘гулять’, включаясь в семантические отношения данного типа, взаимодействует со смысловыми компонентами ‘улица’, ‘двор’, ‘город’ в текстах, посвященных нахождению человека вне дома, соблюдению и нарушению ограничений. В таких текстах выражается мысль о сильном желании выйти на улицу. Смысловой компонент ‘улица’ в них часто эксплицирован именно иконически [Лату, 2020]. Гуляющие люди изображаются в масках, противогазах, костюмах химзащиты. Кроме того, люди на улице репрезентируются в составе иконической части в тех случаях, когда речь идет о нарушении режима самоизоляции (см. рис. 2, а).

Однако изображения гуляющих на улице людей могут отсутствовать, что иллюстрирует представления об ограничениях в период массовой самоизоляции. Оба смысловых компонента могут актуализироваться в вербальной части (см. рис. 2, б). Кроме того, действие может репрезентироваться и в вербальной, и в иконической частях, в то время как смысловой компонент ‘улица’ находит выражение только в невербальной части.

В анализируемых текстах смысловой компонент ‘ношение маски’ соотносится не только со смысловым компонентом ‘улица’, что ожидаемо, но и со смысловым компонентом ‘дом’. Так, в ряде текстов представлено изображение людей или животных, носящих маски дома (см. рис. 2, в). Актуализируя данные смысловые компоненты в рамках одного контекста, авторы добиваются комического эффекта, иронизируя на тему рекомендаций и требований носить маски всем и везде, а также подразумевая, что часть людей сильно напугана и готова носить маски даже дома. Заметим, что соотношенность данных смысловых компонентов и связи между ними эксплицируется только в невербальной части текстов.

Семантические отношения пространственной локализации обнаруживаются между смысловыми компонентами ‘магазин’, ‘аптека’ и ‘соблюдать дистанцию’, ‘покупать’, ‘запасать’. При этом в текстах отмечается, что люди делают запасы на время самоизоляции, покупают определенные продукты, а также указывается на необходимость соблюдения дистанции в местах массового скопления людей.

Рис. 1. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантических отношений LocIn и LocOn

Fig. 1. Sense components correlation by means of LocIn и LocOn semantic relations

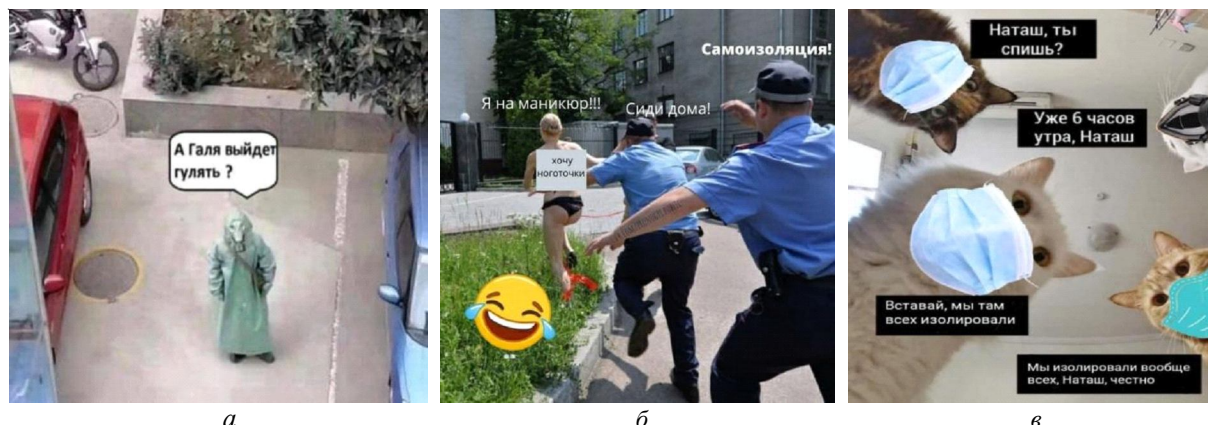

Рис. 2. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантических отношений LocIn и LocOn
 Fig. 2. Sense components correlation by means of LocIn и LocOn semantic relations

Рассматриваемый тип семантических отношений представляет корреляцию смысловых компонентов, отражающих понятия о локациях и субъектах действия. К последним относятся человек или люди в период самоизоляции, домашние животные или животные в роли человека. В вербальной части может указываться, кем является субъект действия. Например, смысловые компоненты 'семья', 'супруги', 'муж', 'жена', 'родители', 'мама', 'дети', 'соседи' преимущественно соотносятся со смысловым компонентом 'дом' в текстах, посвященных трудностям пребывания дома во время самоизоляции (см. рис. 3, а). Соотнесенность смысловых компонентов 'люди', 'дети' и 'улица' наблюдается в текстах о соблюдении и нарушении самоизоляции. Кроме того, субъектом действия могут быть представители определенных профессий или люди, занимающиеся той или иной деятельностью. Так, в рассматриваемых текстах в невербальной части репрезентируется соотнесенность смысловых компонентов 'полицейский' и 'улица'. В текстах, посвященных вопросам дистанционного обучения, актуализирована корреляция смысловых компонентов 'учитель', 'преподаватель', 'ученик', 'студент' и смыслового компонента 'дом'. В ряде случаев соотнесенность смысловых компонентов на основе рассматриваемых семантических отношений создает комический характер. Например, репрезентация связи между смысловыми компонентами 'дом' и 'археолог', 'таксист' и т. д. обусловлена желанием автора указать на нелепость и невозможность

их перехода на удаленный формат работы (см. рис. 3, б). В анализируемых текстах данные семантические отношения могут связывать смысловые компоненты 'кот' и 'дом', 'собака' и 'улица'. При этом в комической форме выражается мысль, что коты устали от постоянного нахождения хозяев дома, а собаки от постоянных прогулок в течение дня.

В анализируемых текстах авторы репрезентируют свои представления о соотнесенности определенных объектов, используемых во время самоизоляции, и конкретных локаций. Так, семантическое отношение LocIn возникает между смысловыми компонентами 'дом' и 'диван', 'холодильник', 'ноутбук', а также смысловыми компонентами, связанными с определенными продуктами питания и товарами ('гречка', 'туалетная бумага' и др.). Последние соотносятся и со смысловым компонентом 'магазин', что воспроизводит стереотипы о закупке продуктов впрок в начале периода самоизоляции. При этом если диван изображается именно в комнате, а холодильник на кухне, то ноутбук и на кухне, и в комнате, что отражает различные представления о рабочем месте во время самоизоляции (см. рис. 3, в). Смысловые компоненты, репрезентирующие продукты питания, входящие в 'карантинные запасы продуктов и товаров', соотносятся со смысловыми компонентами 'кухня', 'холодильник', 'комната' для выражения мысли, что на самоизоляции некоторые люди много едят, в том числе лежа на диване, в кровати (см. рис. 1, а).

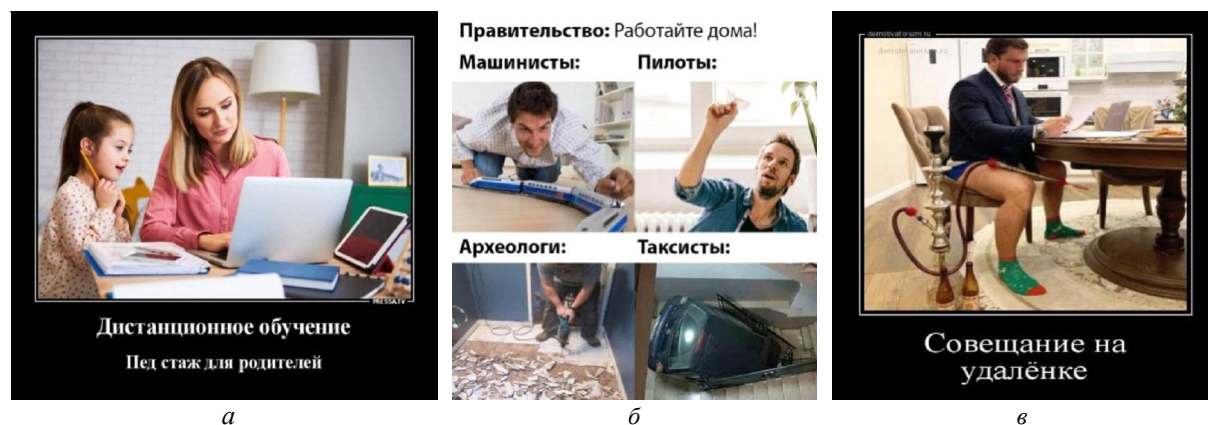

Рис. 3. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантических отношений LocIn и LocOn

Fig. 3. Sense components correlation by means of LocIn and LocOn semantic relations

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения ISA

В анализируемых текстах авторы также выражают мнение о том, что представляют собой определенные явления и объекты, ассоциируемые с самоизоляцией, какими они их видят. Смысловые компоненты в таких текстах вступают в семантические отношения тождества. Как правило, данные связи отражают субъективное, в ряде случаев метафорическое восприятие референта и имеют комический характер. Обычно хотя бы один из соотносимых смысловых компонентов является нечастотным, поскольку представляет собой субъективную ассоциацию автора.

Например, семантическое отношение ISA актуализируется между смысловыми компонентами 'головная боль' и 'дистанционное обучение'. Согласно мнению автора текста, последнее является одним из видов наиболее сильной головной боли (см. рис. 4, а). В другом тексте автор отмечает, что 'дистанционное обучение' – это 'педстаж для родителей' (см. рис. 3, а), тем самым намекая, что родители нередко были вынуждены исполнять роль учителя. Посредством актуализации отношений тождества в поликодовых текстах выражается мнение, что во время самоизоляции 'еда' – это 'развлечение', а также новый 'спорт', 'коронавирус' приравнивается к 'религии' и т. д.

Связь между компонентами является синсемантической. При этом упоминаемый в текстовой части референт отождествляется с изображаемым. Например, репрезентиру-

емый вербально смысловой компонент 'пропуск' сопровождается изображением денежной купюры, посредством чего автор выражает субъективное мнение о возможном возникновении коррупционной схемы при проверке права человека перемещаться по городу. Аналогичным образом в текстах в комической форме выражаются мысли, в основе которых лежат следующие корреляции смысловых компонентов: 'медицинская маска' – 'намордник', а 'сменный фильтр для маски' – 'гигиеническая прокладка', 'колени с нарисованными рожицами' – 'карантинные субутильники', 'пустые бутылки' (из под алкоголя) – 'мусор' после самоизоляции, 'костюм химзащиты' – 'выпускное платье' и т. д. В некоторых текстах семантическое отношение тождества устанавливается между элементами содержания вербального и иконического компонентов в целом. Так, согласно выражаемым представлениям 'клерк 80 lvl на удаленке' – это 'человек в костюме с ноутбуком, лежащий под одеялом на диване' (см. рис. 4, б), 'состоятельный человек 2020' – это 'человек, у которого много туалетной бумаги', 'шпаргалка 2020' – это 'спрятанная под столом с учебником мама, которая подсказывает своему ребенку' и т. д. Отметим, что данное семантическое отношение может быть имплицитным в тех случаях, когда изображенный объект используется вместо другого, который отсутствует, но подразумевается. Например, данная связь актуализируется между смысловыми компонентами 'деньги' (отсутствует) и 'туалетная бумага', 'гречка', 'маска' (репрезентированы), в которых изображение от-

ражает представления автора о том, что данные предметы будут использоваться в качестве платежного средства в будущем ввиду их возросшей ценности и дефицита (рис. 4, в).

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения At

Семантическое отношение атрибуции устанавливается между смысловыми компонентами, один из которых связан с субъектом, а другой – с его признаком, что транслирует представления автора о том, каким является или будет являться субъект во время самоизоляции. Так, это репрезентируется смысловым компонентом ‘человек на самоизоляции’ и смысловыми компонентами ‘располневший’ (см. рис. 5, а), ‘нестриженный (заросший волосами)’, ‘неряшливый’ и др. Последние отражают ставшие стереотипными представления об особенностях внешнего облика человека, которые основываются на транслируемых идеях о том, что, находясь на самоизоляции, люди стали есть больше и чаще, не имея возможности подстричься, зарастают волосами, работая из дома, становятся ленивее и перестают следить за внешностью. Особенности внешнего облика при этом репрезентируются невербально.

Соотнесенность смысловых компонентов, основанная на семантическом отношении данного типа, репрезентирует взгляды о том, какими люди станут через определенный промежуток времени на самоизоляции или после ее окончания. К таковым, например, относятся смысловые компоненты ‘беременный’, ‘грустный’,

‘скучающий’, ‘уставший’, ‘недовольный’, ‘довольный’ (см. рис. 5, б, в) и др., что отражает мнения об особенностях психологического состояния ‘человека на самоизоляции’. Как правило, атрибутивные связи с указанными смысловыми компонентами репрезентируются в невербальной части, посредством характерных поз, мимики, жестов изображаемого субъекта (см. рис. 5, в). Семантическое отношение At также указывает на актуализируемые в текстах признаки определенных объектов и явлений. Так, отмечается, что определенные продукты питания (‘чеснок’, ‘гречка’ и др.) могут стать ‘дорогими’, ‘карантинные запасы’ у некоторых людей – очень ‘большими’ и т. д.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения PO

Семантическое отношение партитивности, раскрывающее связь части и целого, в рассматриваемых текстах возникает между смысловым компонентом ‘карантинный запас’ и смысловыми компонентами ‘гречка’, ‘туалетная бумага’, ‘макароны’, ‘пельмени’ и т. д., отражая предположение о том, какие продукты и товары входили в его состав и являлись предметом повышенного спроса в начале самоизоляции (см. рис. 6, а). Поскольку компонент ‘карантинный запас’ эксплицируется совокупностью изображенных объектов, представленных в большом количестве, то связь в данном случае может характеризоваться как невербально выраженная. Соотнесенность смысловых компонентов ‘план’ и ‘занятие спортом’, ‘изучение иностранного

Рис. 4. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения ISA

Fig. 4. Sense components correlation by means of ISA semantic relation

языка' (рис. 6, б) отражают взгляд автора на то, какие цели ставили перед собой люди в начале самоизоляции. Связь между этими смысловыми компонентами в рассматриваемых текстах выражается только в вербальной части. Соотнесенность смыслового компонента 'дом' и смысловых компонентов, отражающих представления о его составляющих ('гостиная', 'спальня', 'кухня', 'коридор', 'балкон' и др.) может быть выражена имплицитно, но она осознается пользователем, который исходит из понимания того, что если человек изображен на кухне, то он находится дома.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Тпр

Связь некоторых смысловых компонентов основывается на их временной соотнесенности,

что соответствует семантическому отношению. Так, данный тип связи обнаруживается между смысловыми компонентами 'самоизоляция' и 'отпуск', отражая опасения, что отпуск пройдет во время самоизоляции. В ряде текстов транслируются мнения о прогнозируемых событиях во время самоизоляции вообще или в определенный отрезок времени, например: 'самоизоляция' и 'спать' (см. рис. 7); 'апрель' и 'располневший' (о человеке); 'декабрь' и 'бэби бум' и т. д. При этом данная связь репрезентируется либо в вербальной части, либо в совокупности вербального и невербального компонентов. Иногда связи данного типа имплицитны, непосредственно не выражаются в тексте и подразумеваются (в том числе в тех случаях, когда понятие 'самоизоляция' непосредственно не актуализируется в тексте), например между смысловыми компо-

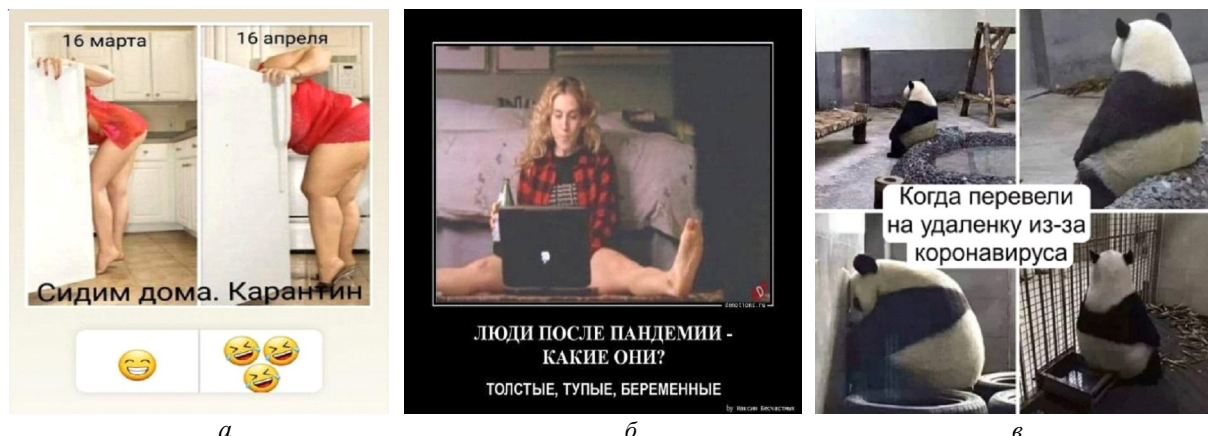

Рис. 5. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения At
 Fig. 5. Sense components correlation by means of At semantic relation

Рис. 6. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения PO
 Fig. 6. Sense components correlation by means of PO semantic relation

нентами 'сидеть дома' и 'самоизоляция', 'онлайн-урок' и 'онлайн-обучение', 'носить маску' и 'масочный режим' и т. д.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Aft

Актуализация семантического отношения следования во времени отражает представления о том, что может быть, случаться или происходить после определенных событий, например 'страх' после 'просмотра новостей'. В анализируемых текстах оно может репрезентироваться для выражения опасений, связанных с будущим, при этом одним из соотносимых смысловых компонентов выступает определенный отрезок времени. Например, посредством актуализации семантического отношения Aft между смысловыми компонентами 'неделя' и 'располневший'; 'месяц' и

'сходить с ума', 'скандалы', 'депрессия'; '2025 год' и 'привыкание' и т. д. в комической форме выражаются мнения, что уже через неделю изменится внешний облик человека и будет набран лишний вес, через месяц на самоизоляции могут возникнуть психологические расстройства (люди могут начать сходить с ума, впасть в депрессию), могут начаться скандалы в семьях, что после 5 лет самоизоляции наступит привыкание. Данное семантическое отношение также связывает смысловой компонент 'самоизоляция' со смысловыми компонентами 'располневший' (рис. 8), 'разводы', 'бедный', 'богатый', 'гулять', 'стричься' и др., отражая опасения, что после самоизоляции люди наберут лишний вес, будут разводиться; мнения, что некоторые люди станут беднее (обычные граждане, работники авиакомпаний, туроператоры, представители малого и среднего бизнеса в целом), а не-

Рис. 7. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Tmp
 Fig. 7. Sense components correlation by means of Tmp semantic relation

Рис. 8. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Aft
 Fig. 8. Sense components correlation by means of Aft semantic relation

которые разбогатеют (директора аптек, производители медицинских масок, гречки, туалетной бумаги, парикмахеры); а также желания людей гулять, подстричься и др.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Ор

Семантическое отношение противопоставления в анализируемых текстах связывает как часто, так и редко актуализируемые смысловые компоненты [Лату, 2020], отражая частные, субъективные представления и мнения. Так, с одной стороны, используется универсальная модель ‘ожидание – реальность’, характерная для мемов и демотиваторов в целом, например планы на время самоизоляции: ‘заниматься спортом’ (ожидание) и ‘лежать’, ‘спать’ (реальность); на выходные на самоизоляции: ‘сидеть дома’ (ожидание) и ‘жарить шашлыки’ (реальность); на весну: ‘жарить шашлыки’ (ожидание) и ‘выпивать (в одиночестве)’ (реальность) (рис. 9, а). При этом речь может идти как о собственных ожиданиях, так и ожиданиях правительства. С другой стороны, реализуется частная модель ‘2020 год – любой год ранее’ (рис. 9, б), характерная для анализируемых поликодовых текстов, например о лежащем человеке: ‘ленивая скотина’ (2019 г.) и ‘ответственный гражданин’ (2020 г.); о погоде: ‘хорошая погода’ (2020 г.) и ‘плохая погода’ (любой

другой год); и др. С наступлением 2021 г. стали появляться поликодовые тексты, где реализуется модель ‘2020 год – 2021 год’, в рамках которой противопоставляются различные стороны жизни до и во время самоизоляции, например особенности внешнего облика: ‘стройный’ и ‘располневший’, ‘опрятный’ и ‘неопрятный’; специфика деятельности: ‘работа в офисе’ и ‘удаленная работа’, ‘сбегание с уроков’ и ‘выключение камеры’ (прогул уроков в феврале и марте); погодные условия: ‘плохая погода’ (весь год) и ‘хорошая погода’ (во время самоизоляции); желания людей: ‘лежать’ и ‘гулять’ (до и во время самоизоляции); и т. д. Кроме того, в анализируемых текстах противопоставляются люди, соблюдающие и несоблюдающие режим самоизоляции. Актуализация данных связей преимущественно способствует возникновению комического эффекта. Указывая на это, следует также отметить, что в ряде текстов, где иллюстрируется жизнь на самоизоляции, содержится намек на противопоставление, когда выражен только один из элементов оппозиции, связь со вторым элементом имплицитна, например: ‘миллионер в наши дни’, ‘шашлыки в 2020’, ‘шпаргалка 2020’, ‘совещание на удаленке’. При этом транслируются мнения, что во время самоизоляции богатство – это ‘запас туалетной бумаги и гречки’ (а не деньги), шашлыки жарят на ‘балконе’ (а не на природе) и т. д.

Рис. 9. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Ор

Fig. 9. Sense components correlation by means of Or semantic relation

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения S

Определенное действие и субъект данного действия связаны посредством субъектного семантического отношения. В рассматриваемых текстах оно, в частности, отражает представления о том, какие действия кем реализуются или могут быть реализованы в период ограничений или после него, с кем или чем ассоциируются или кому приписываются те или иные активность и состояния. Как показывает анализ, в качестве субъекта может выступать усредненный образ 'человека на самоизоляции', с которым соотносится весьма значительный перечень действий, часто совершаемых во время массовой самоизоляции, который представлен такими смысловыми компонентами, как 'лежать', 'спать', 'смотреть сериалы', 'читать', 'удаленно работать', 'есть', 'выпивать', 'играть', 'покупать', 'заказывать', 'делать запасы', 'сходить с ума', 'соблюдать ограничения', 'нарушать ограничения', 'выходить', 'вернуться', 'носить маску', 'надевать маску', 'дезинфицировать', 'обрабатывать', а также не всегда реализуемые действия, которые он хотел бы совершать (например, представленные смысловыми компонентами 'гулять', 'навещать', 'жарить шашлыки') и планировал совершать (например, смысловые компоненты 'заниматься спортом', 'делать ремонт') и т. д. (рис. 10). При этом в невербальной части поликодового текста в качестве такового могут использоваться образы животного, киногероя или персонажа мультфильма, что создает комический эффект. Ряд действий со-

относится с конкретными субъектами в соответствии с их ролью, статусом, родом занятий, что отражается в таких смысловых компонентах, как 'супруги' и 'ссориться', 'разводиться', 'заниматься любовью'; 'ребенок', 'студент' и 'учиться дистанционно'; 'бюджетники' и 'удаленно работать', 'выживать'; 'малый бизнес' и 'погибать'; 'правительство' и 'финансово поддерживать' и т. д.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Obj

Объектное семантическое отношение отражает представления об объекте определенного действия. Например, они возникают между такими смысловыми компонентами, как 'покупать', 'запасать' и 'гречка', 'туалетная бумага', 'макаронны', 'пельмени' и т. д. (см. рис. 11). В рамках одного контекста репрезентируются смысловые компоненты 'выпивать' и 'пиво', 'водка', 'вино', 'мартини', при этом во многих случаях первый смысловой компонент отсутствует и связь с последними имплицитна. В отдельных примерах актуализация таких связей создает комический эффект, например соотнесенность смысловых компонентов 'носить' и 'противогаз', 'костюм химзащиты'; в текстах она выражается только невербально. Объектные семантические отношения возникают между семантическим компонентом 'есть' и 'гречка', 'фаст фуд', 'филе воды' и др. в текстах, где выражено мнение о том, что человек ест или будет есть на самоизоляции или после снятия ограничений. Рассматриваемый тип семантических

Рис. 10. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения S

Fig. 10. Sense components correlation by means of S semantic relation

отношений актуализируется в составе как вербальной, так и иконической части поликодового текста. Иногда в них актуализируется только один смысловой компонент, представляющий объект, соотносимый с действием, в то время как само действие подразумевается, что также может создавать комический эффект.

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Inst

Действие и референт, необходимый или используемый для его реализации, инструмент или предмет, с помощью которого данное действие совершается, соотносятся посредством инструментального семантического отношения. Оно возникает между такими смысловыми компонентами, как 'удаленно работать', 'дистанционно общаться', 'дистанционно учиться' и 'компьютер', 'ноутбук'. Так, в текстах, посвященных удаленной работе, нахождению дома или дистанционному обучению, в состав иконического компонента входит изображение человека, работающего за компьютером или ноутбуком. При этом смысловые компоненты 'компьютер' и 'ноутбук', как правило, репрезентируются только невербально. На основе актуализации связей данного типа выражаются и объективные представления о действительности, например, о том, что для выхода из

дома, передвижения по городу необходим пропуск, QR-код; для дезинфекции используют антисептическое средство; для похода в магазин, сохранения здоровья необходимо пользоваться маской и т. д. В результате актуализации некоторых связей создается комический эффект, при этом они не отражают объективной реальности, например между смысловыми компонентами 'гулять', 'поход в магазин' и 'противогаз', 'костюм химзащиты'. Последние два смысловых компонента репрезентируются только невербально, но их связь с другими смысловыми компонентами как в вербальной, так и иконической части (см. рис. 12).

Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения CR

Каузальное семантическое отношение основано на причинно-следственной связи между смысловыми компонентами. В отдельных случаях она очевидна и ожидаема, например между смысловыми компонентами 'есть', 'сидеть дома' и 'располневший'; 'нарушать' и 'задерживать'. С одной стороны, корреляция некоторых смысловых компонентов может репрезентировать известные, объективные сведения о реальности, которые включены в утвержденный перечень оснований для нахождения вне дома в период самоизоляции, например, в

Рис. 11. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Obj

Fig. 11. Sense components correlation by means of Obj semantic relation

качестве причин для выхода из дома называются поход в магазин, выгул домашнего животного (рис. 13, а). С другой стороны, данная связь отражает частные мнения и представления авторов о причинах или последствиях явлений, действий и т. д., например, среди прочих называются не входящие в данный перечень причины, которые передаются следующими смысловыми компонентами: ‘посещение салона’, ‘встреча с друзьями’, ‘встреча с возлюбленным’; отмечается, что скука является причиной того, что люди начинают много и часто есть и т. д. Корреляция отдельных смысловых компонентов раскрывает причины различных психологических состояний, например, указывается, что одиночество является причиной скуки, грусти, но также радости; причиной тревоги являются неясные сроки самоизо-

ляции; человек чувствует себя уставшим от семьи, детей, постоянного сидения дома. Смысловой компонент ‘сидеть дома’ также соотносится с такими смысловыми компонентами, как ‘сходить с ума’, ‘сумасшедший’, ‘грустный’, ‘сердитый’, ‘радостный’, ‘скучающийся’, ‘недовольный’ и др.

Соотнесенность смысловых компонентов, например ‘располневший’ и ‘застрывать’, может способствовать возникновению комического эффекта. При этом связь может основываться на психологическом механизме проекции, когда в комической форме выражается мнение, что домашние животные испытывают недовольство и усталость от того, что люди сидят дома (рис. 13, б), что причиной усталости собак является то, что на самоизоляции их стали часто выгуливать

Рис. 12. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения Inst
 Fig. 12. Sense components correlation by means of Inst semantic relation

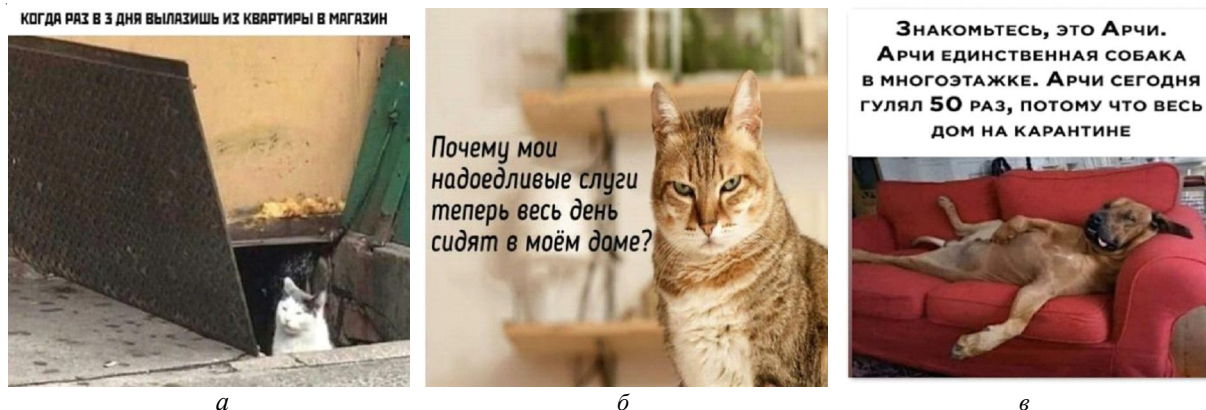

Рис. 13. Соотнесенность смысловых компонентов на основе семантического отношения CR
 Fig. 13. Sense components correlation by means of CR semantic relation

(см. рис. 13, в). Казуальное семантическое отношение репрезентируется в составе как вербальной, так и невербальной частей поликодовых текстов, причем в некоторых случаях читателю предоставляется возможность самому установить причинно-следственную связь между элементами изображения, что также может создавать комический эффект (см. рис. 13, в). Отметим, что один из взаимосвязанных смысловых компонентов (причина или следствие) может подразумеваться, что дает возможность читателю самостоятельно реконструировать имплицитную связь между выраженным и невыраженным компонентами. При этом невыраженный в этом меме смысловой компонент и связь с ним находят выражение в других текстах, посвященных самоизоляции.

Выводы

Как показывают результаты проведенного исследования, соотнесенность смысловых компонентов рассмотренных поликодовых текстов, актуализирующих семантические отношения того или иного типа, может отражать как объективные сведения, тенденции, закономерности, наблюдаемые в социуме, так и субъективные представления о массовой самоизоляции. При этом на основе объективных сведений воссоздается фрагмент объективной действительности, на основе субъективных представлений, а также гиперболизации отдельных объективных тенденций конструируется образ искаженной или же альтернативной, потенциально возможной, вымышленной реальности (что также имеет место быть и в случае конфликтных поликодовых текстов). Выражение субъективных представлений, отражающих нетипичную корреляцию смыслов на базе семантических отношений определенного типа, создает комический эффект, а также эксплицирует частные прогнозы и опасения авторов текстов, в связи с чем отдельные фрагменты конструируемой вымышленной реальности могут быть как комичными, так и трагичными. При этом формирование стереотипных представлений о массовой самоизоляции основывается на гиперболизации наблюдаемых тенденций и закономерностей, характерных для части общества.

В зависимости от того, в какой части текста представлен каждый из соотносимых смысловых компонентов (вербальной и/или иконической), семантические отношения могут быть вербально выраженными (оба смысловых компонента выражены вербально), невербально выраженными (оба смысловых компонента выражены иконически), синсемантическими (один из смысловых компонентов выражен вербально, а другой невербально). Форма выражения смысловых компонентов зависит не от типа семантического отношения, а от специфики соотносимых смысловых компонентов и индивидуальных предпочтений автора.

Семантические отношения между смысловыми компонентами в поликодовых текстах, посвященных самоизоляции, могут быть эксплицитными (оба смысловых компонента выражены в тексте) и имплицитными (компоненты не выражены непосредственно, но подразумеваются). Последнее может быть обусловлено тем, что связь между компонентами очевидна, с большой долей вероятности известна адресату, отсутствующий смысловой компонент легко реконструируется на основе фоновых знаний адресата о самоизоляции или действительности в целом. Необходимо отметить, что в смысловой структуре поликодового текста могут актуализироваться семантические отношения как одного, так и нескольких типов.

Таким образом, актуализируемые связи между конкретными смысловыми компонентами в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции, являются одной из характерных черт, определяющих их специфику, и раскрывают особенности осмысления и восприятия различных сторон данного феномена. Полученные результаты о соотнесенности смысловых компонентов могут быть использованы для моделирования организации знания в мемах и демотиваторах в виде семантической сети, в том числе в текстах конфликтного характера, сравнения и сопоставления обычных (неконфликтных) и конфликтных поликодовых текстов, что выходит за рамки настоящей работы и представляет одно из дальнейших направлений исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-20091 «Конфликтотенные поликодовые тексты как инструмент деструктивного воздействия на общество в социальных сетях: когнитивное исследование и моделирование в рамках сетевого подхода»).

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-20091 “Conflict-generating polycode texts as a tool of destructive impact on society on social networks: cognitive research and modeling within the network approach”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимова Е. Е., 2013. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Тезаурус. 122 с.

Бабина Л.В., 2017. Конфликт через призму демотиватора: интерпретационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 41–46.

Вашунина И. В., 2009. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста : дис. ... д-ра филол. наук. М. 511 с.

Гуськова С. В., 2016. Креолизованный текст в российских масс-медиа (на примере общественно-политических изданий центрального федерального округа России // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 109–116.

Лату М. Н., 2018. Типы системных отношений между терминами в сетевых моделях организации научного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 134–142.

Лату М.Н., 2020. Частотно актуализируемые смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных самоизоляции // Научный диалог. № 12. С. 85–98.

Лату М. Н., 2021. Тематическая стратификация статических поликодовых текстов, посвященных самоизоляции // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 26–38.

Максименко О. И., 2012. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2. С. 93–102.

Осипов Г. С., 2011. Методы искусственного интеллекта. М. : ФИЗМАТЛИТ. 296 с.

Пищальникова В. А., Цайся П., 2020. Антикоррупционная реклама как поликодовый

текст // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 4. С. 80–90.

Пойманова О. В., 1997. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук. М. 237 с.

Рубцов И. Н., 2008. Семантические поля как способ реализации языковых картин мира // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 60. С. 231–236.

Сергеева Ю. М., Уварова Е. А., 2014. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. № 4. С. 128–134.

Сокирко А. В., 2001. Семантические словари в автоматической обработке текста: по материалам системы ДИАЛИНГ: дис. ... канд. техн. наук. М. 120 с.

Сонин А. Г., 2005. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. № 6. С. 115–123.

Спешилова А. Ю., 2010. Виды взаимодействия вербальной и визуальной составляющих креолизованного текста на примере современной печатной рекламы // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 5. С. 136–140.

Тагильцева Ю. Р., Бабилова М. Р., 2018. Тактика «создания образа тяжелого прошлого» как один из основных приемов стратегии запугивания в национальном и религиозном экстремистском дискурсах // Вестник Пятигорского государственного университета. № 2. С. 218–223.

Чернявская В. Е., 2013. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 2. С. 122–127.

Чернявская В. Е., 2021. Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. № 2. С. 96–109.

Юдина Д. И., Дудина В. И., 2016. Семантическая сеть на биграмах как метод валидации результатов тематического моделирования в социологическом исследовании // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 71–82.

Arauz L., Faber P., 2010. Natural and Contextual Constraints for Domain-Specific Relations // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications. Vol. 1. P. 12–17.

John S., 2020. The Ethics of Lockdown: Communication, Consequences, and the Separateness of Persons // Kennedy Institute of Ethics Journal. Vol. 30. P. 265–289.

Khoo C. S. G., Na J.-Ch., 2006. Semantic Relations in Information Science // Annual Review of

- Information Science and Technology. Vol. 40. P. 157–228.
- Light R., 2014. From Words to Networks and Back: Digital Text, Computational Social Science, and the Case of Presidential Inaugural Addresses // *Social Currents*. Vol. 1. P. 111–129.
- McCormick L., 2020. Marking Time in Lockdown: Heroization and Ritualization in the UK During the Coronavirus Pandemic // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. P. 324–351.
- Szpila G., 2017. Polish Paremics Demotivators: Tradition in an Internet Genre // *Journal of American Folklore*. Vol. 130. P. 305–334.
- Terskikh M. V., 2019. Verbal-Visual Means of Representing Gender Stereotypes in Modern Advertising // *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. P. 86–99.
- Xu Y., Wang X., Wang X., Men W., Gao J.-H., Bi Ya., 2018. Doctor, Teacher, and Stethoscope: Neural Representation of Different Types of Semantic Relations // *Journal of Neuroscience*. Vol. 38. P. 3303–3317.
- Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 134–142.
- Latu M.N., 2020. Chastotno aktualiziruemye smyslovye komponenty v memakh i demotivatorakh, posvyashchennykh samoizolyatsii [Frequently Represented Semantic Components in Memes and Demotivators Dedicated to Self-Isolation]. *Nauchnyy dialog*, no. 12, pp. 85–98.
- Latu M.N., 2021. Tematicheskaya stratifikatsiya staticheskikh polikodovykh tekstov, posvyashchennykh samoizolyatsii [Thematic Stratification of Static Polycode Texts Dedicated to Self-Isolation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1, pp. 26–38.
- Maksimenco O.I., 2012. Polikodovyy vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycode vs. Creolized Text: A Problem of Terminology]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], no. 2, pp. 93–102.
- Osipov G.S., 2011. *Metody iskusstvennogo intellekta* [Methods of Artificial Intelligence]. Moscow, FIZMATLIT Publ. 296 p.
- Pishchalnikova V.A., Tsaysya P., 2020. Antikorruptsionnaya reklama kak polikodovyy tekst [Anti-Corruption Advertising as a Polycode Text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 4, pp. 80–90.
- Poymanova O.V., 1997. *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Space of Video-Verbal Text. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 237 p.
- Rubtsov I.N., 2008. Semanticheskie polya kak sposob realizatsii yazykovykh kartin mira [Semantic Fields as a Way of Realizing Linguistic Pictures of the World]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University Named After A.I. Herzen], no. 60, pp. 231–236.
- Sergeeva Yu.M., Uvarova E.A., 2014. Polikodovyy tekst: osobennosti postroeniya i vospriyatiya [Polycode Text: Features of Construction and Perception]. *Nauka i shkola* [Science and School], no. 4, pp. 128–134.
- Sokirko A.V., 2001. *Semanticheskie slovari v avtomaticheskoy obrabotke teksta: po materialam sistemy DIALING: dis. ... kand. tekhn. nauk* [Semantic Dictionaries in Automatic

REFERENCES

- Anisimova E.E., 2013. *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the Text and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts)]. Moscow, Tezaurus Publ. 122 p.
- Babina L.V., 2017. Konflikt cherez prizmu demotivatora: interpretatsionnyy aspekt [Conflict Through the Prism of a Demotivator: An Interpretive Aspect]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], no. 1, pp. 41–46.
- Vashunina I.V., 2009. *Vzaimovliyaniye verbalnykh i neverbalnykh (ikonicheskikh) sostavlyayushchikh pri vospriyatii kreolizovannogo teksta: dis. ... d-ra filol. nauk* [Mutual Influence of Verbal and Non-Verbal (Iconic) Components in the Perception of Creolized Text. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 511 p.
- Gus'kova S.V., 2016. Kreolizovannyi tekst v rossiyskikh mass-media (na primere obshchestvenno-politicheskikh izdaniy tsentralnogo federalnogo okruga Rossii [Creolized Text in Russian Mass Media (On the Example of Socio-Political Publications of the Central Federal District of Russia)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1, pp. 109–116.
- Latu M.N., 2018. Tipy sistemnykh otnosheniy mezhdu terminami v setevykh modelyakh organizatsii nauchnogo znaniya [Types of System Relationships Between Terms in Network Models of Scientific Knowledge Organization].

- Text Processing: Based on the Materials of the Dialing System. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 120p.
- Sonin A.G., 2005. Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya [Experimental Study of Polycode Texts: Main Directions]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 115-123.
- Speshilova A.Yu., 2010. Vidy vzaimodeystviya verbalnoy i vizualnoy sostavlyayushchikh kreolizovannogo teksta na primere sovremennoy pechatnoy reklamy [Types of Interaction of the Verbal and Visual Components of the Creolized Text on the Example of Modern Print Advertising]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of Tver State University. Series "Philology"], no. 5, pp. 136-140.
- Tagiltseva Yu.R., Babikova M.R., 2018. Taktika «sozdaniya obraza tyazhelogo proshlogo» kak odin iz osnovnykh priemov strategii zapugivaniya v natsionalnom i religioznom ekstremistskom diskursakh [Tactics of "Creating an Image of a Difficult Past" as One of the Main Methods of Intimidation Strategy in National and Religious Extremist Discourses]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University], no. 2, pp. 218-223.
- Chernyavskaya V.E., 2013. Medialnyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial Turn in Linguistics: Polycode and Hybrid Texts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], no. 2, pp. 122-127.
- Chernyavskaya V.E., 2021. Vizual'nost' v sotsiokul'turnoy proektsii [Visuality in Sociocultural Projection]. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics], no. 2, pp. 96-109.
- Yudina D.I., Dudina V.I., 2016. Semanticheskaya set' na bigrammakh kak metod validizatsii rezultatov tematicheskogo modelirovaniya v sotsiologicheskom issledovanii [Bigram-Based Semantic Network as a Method for Validating the Results of Thematic Modeling in Sociological Research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], no. 4, pp. 71-82.
- Arauz L., Faber P., 2010. Natural and Contextual Constraints for Domain-Specific Relations. *Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications*, vol. 1, pp. 12-17.
- John S., 2020. The Ethics of Lockdown: Communication, Consequences, and the Separateness of Persons. *Kennedy Institute of Ethics Journal*, vol. 30, pp. 265-289.
- Khoo C.S.G., Na J.-Ch., 2006. Semantic Relations in Information Science. *Annual Review of Information Science and Technology*, vol. 40, pp. 157-228.
- Light R., 2014. From Words to Networks and Back: Digital Text, Computational Social Science, and the Case of Presidential Inaugural Addresses. *Social Currents*, vol. 1, pp. 111-129.
- McCormick L., 2020. Marking Time in Lockdown: Heroization and Ritualization in the UK During the Coronavirus Pandemic. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, pp. 324-351.
- Szpila G., 2017. Polish Paremics Demotivators: Tradition in an Internet Genre. *Journal of American Folklore*, vol. 130, pp. 305-334.
- Terskikh M.V., 2019. Verbal-Visual Means of Representing Gender Stereotypes in Modern Advertising. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, pp. 86-99.
- Xu Y., Wang X., Wang X., Men W., Gao J.-H., Bi Ya., 2018. Doctor, Teacher, and Stethoscope: Neural Representation of Different Types of Semantic Relations. *Journal of Neuroscience*, vol. 38, pp. 3303-3317.

Information About the Author

Maxim N. Latu, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of Western European Languages and Cultures, Director of the Research and Educational Center "Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguocognitive Technologies", Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, Laatu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6313-5637>

Информация об авторе

Максим Николаевич Лату, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, директор НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, Laatu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6313-5637>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>

UDC 811.112.2'42:004.738.5
LBC 81.432.4-51

Submitted: 11.04.2022
Accepted: 18.04.2022

INTERNET MEMES AS A RELEVANT FORMAT OF POLITICAL COMMUNICATION IN GERMANY (THE CASE OF THE THEMATIC GROUP “OLAF SCHOLZ”)¹

Larisa N. Rebrina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents the study of the semantic and functional characteristics of political Internet memes of the thematic group “Olaf Scholz” in 2020–2022 in Germany. The main parameters for characteristics of memes include place and date, types of addressing, origin and initiator, object and subject of ironic-critical interpretation, the level of inclusion in culture, replicated components, functioning specifics of the precedent phenomenon, interaction paths between visual and verbal, patterns of meaning generation, means of creating comic effect, resulting impact, field structure, genre varieties. Most memes about O. Scholz spontaneously originated within the German linguaculture, reflect the reaction to a specific event, and are addressed to a part of society that is informed about the current national political agenda. The object of criticism unite both characteristics of a politician and his actions. The main subjects of criticism include incompetence, bad reputation, denial of the obvious, insufficient attention to national interests, low performance. Memes appeal mainly to actual precedent phenomena. The background of the precedent phenomenon rarely plays a significant role in generating meaning. The visual component is mostly subject to replication. The visual arrangement imminently contains the image of O. Scholz, optionally bearing symbols of certain actions / events / values, other people with stereotyped relationships, spatial objects as signs of properties attributed to the leader. Consonance-and-complementary relations prevail in coordination among visual and verbal representations. The main sources of the comic effect embody dissonance of the verbal and visual components, transfer of the case of the everyday sphere to the political one; visual accentuation of the elements of the verbal component; identification of the object of criticism with a comic character. Relevant genre varieties of memes about O. Scholz are macros, advice and demotivational memes, and IM parodies. A meme has a field organization, including a constant core formed by a visual template and the generalized meaning.

Key words: protest communication, Internet communication, Internet memes, genre varieties, meaning formation, field structure, visual and verbal components, dichotomies.

Citation. Rebrina L.N., Shamne N.L. Internet Memes as a Relevant Format of Political Communication in Germany (The Case of the Thematic Group “Olaf Scholz”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 38-58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>

УДК 811.112.2'42:004.738.5
ББК 81.432.4-51

Дата поступления статьи: 11.04.2022
Дата принятия статьи: 18.04.2022

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ФОРМАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОЛАФ ШОЛЬЦ») ¹

Лариса Николаевна Ребрина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье изложены результаты исследования политических интернет-мемов Германии тематической группы «Олаф Шольц» 2020–2022 гг. в семантическом и функциональном аспектах. К основным параметрам характеристики мемов относятся место и дата размещения, виды адресации, происхождение и инициатор, объект и предмет иронично-критической интерпретации, уровень включенности в культуру, реплицируемые компоненты, специфика функционирования прецедентного феномена, способы взаимодействия визуального и вербального рядов, закономерности смыслопорождения, средства создания комического эффекта, результирующее воздействие, полевая структура, жанровые разновидности. Установлено, что большая часть мемов об О. Шольце самозародилась в рамках германской лингвокультуры, отражает реакцию на конкретное событие, адресуется части общества, информированной об актуальной национальной политической повестке дня. Объектом критики в равной мере выступают качества политика или его действия. Основными предметами критики являются некомпетентность, плохая репутация, отрицание очевидного, недостаточное внимание к национальным интересам, низкая результативность деятельности. Мемы апеллируют преимущественно к актуальным прецедентным феноменам. Фон прецедентного феномена редко играет значимую роль в смыслопорождении. Репликации подвергается чаще всего визуальный компонент. Визуальный ряд обязательно включает изображение О. Шольца, факультативно – символов определенных действий / событий / ценностей, других лиц со стереотипными отношениями, пространственных предметов как знаков приписываемых лидеру свойств. Между визуальным и вербальным рядами превалируют отношения консонанса-комплементарности. Основными источниками комического эффекта являются диссонанс вербального и визуального компонентов, перенос ситуации бытовой сферы на политическую, визуальное акцентирование элементов вербального компонента, отождествление объекта критики с комическим персонажем. Релевантные жанровые разновидности мемов об О. Шольце составляют макросы, эдвайсы, мемы с элементами демотиватора, ИМ-пародии. Мемы имеют полевую структуру, включающую константное ядро – визуальный шаблон и обобщенное значение.

Ключевые слова: протестная коммуникация, интернет-коммуникация, интернет-мемы, жанровые разновидности, смыслообразование, полевая структура, визуальный и вербальный компоненты, дихотомии.

Цитирование. Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Интернет-мем как актуальный формат политической коммуникации Германии (на материале тематической группы «Олаф Шольц») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 38–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>

Введение

Интернет-мемы (далее – ИМ) представляют собой актуальный, быстро развивающийся феномен интернет-коммуникации, оперативно в ироничной форме отражающий настроения в обществе, реакцию на современные события. Особое место в этом ряду занимают политические ИМ. Интерес к ИМ обусловлен перспективами «визуального по-

ворота» в социальных науках; возрастающим вниманием на фоне перенасыщения, невосприимчивости и «информационной усталости» адресатов к новым, реализуемым в данном формате принципам распространения информации и ее новоприобретенным характеристикам (лаконичность формы при усложнении прагматики, эмоциональная привязка, адресность, высокая запоминаемость и воспроизводимость, быстрое вертикальное / горизон-

тальное распространение, интеграция разных кодов и ориентированность на мгновенное восприятие, высокие воздействующий потенциал и способность к преобразуемости [Зиновьева, 2015, с. 196–197; Савицкая, 2013; Hartmann, 2017; Osterroth, 2015; Zidani, 2021]).

Политические ИМ как продукт сетевого фольклора или PR-технологий реализуют плюрализм политических взглядов, широкое креативное участие членов общества в формировании мнений, политической медиаповестки дня (см. об этом: [Глухих, Елисеев, 2017; Axelrod, 2016; Lukacs, 2021]); отражают новое, медиатизированное восприятие политики обществом не только как борьбы за власть, но и как шоу, средства рекреации (см.: [Канашина, 2018; Martynyuk, Meleshchenko, 2022; Mortensen, Neumayer, 2021; Shifman, 2013]) и распространение новых, эффективных политических технологий, форм политической активности граждан. Политические ИМ выполняют совокупность функций: проблематизация фрагментов действительности, снабжение их индексом «угроза»; выражение протеста; высмеивание / дискредитация противника; пропаганда и политическая реклама / антиреклама (подробно см.: [Канашина, 2018; Chmielewski, 2016]).

Мемы в современных исследованиях анализировались с позиций этологии и эволюционной эпистимологии, кибернетики, медиологии, меметики, политической пиарологии, социального компьютеринга, эволюционистской, когнитивной и визуальной социологии, герменевтики культуры, концепции мультимодальности и прецедентности в массовой культуре, транслатологии, лингвокультурологии и лингвокреативности. На фоне существующей исследовательской традиции следует отметить дефицит лингвистических и междисциплинарных исследований, обращаясь к изучению знаковой природы, специфики адресации, информирования, смыслообразования, взаимодействия вербального и визуального рядов при использовании данного формата; к идеографически ориентированному описанию ИМ.

Выполненное исследование нацелено на комплексное изучение политических ИМ Германии тематической группы «Олаф Шольц», появившихся в 2020–2022 гг. в немецкоязычном сегменте сети Интернет. Основными аспектами характеристики отобранных ИМ вы-

ступают место и дата размещения, виды адресации, объект и предмет иронично-критической интерпретации, полевая структура, закономерности смыслопорождения, функционирование прецедентного феномена, способы взаимодействия визуального и вербального рядов, средства создания комического эффекта, жанровые разновидности.

Материал и методы

Предварительный обзор немецкоязычного сегмента интернет-контента позволил выделить наиболее популярные сайты с активно пополняющимися коллекциями политических ИМ Германии: сайт Kekememes (Kekememes), социальная сеть-форум Reddit (Reddit), гибридная развлекательная интернет-платформа с инструментарием социальной сети 9gag (9gag). Эти ресурсы и послужили источниками отбора материала.

Заявленная цель реализуется совокупностью следующих исследовательских задач:

1) определение места и времени размещения, адресации ИМ. При этом мы исходим из того, что пространство функционирования ИМ имеет границы группы «своих» – целевого адресата, задаваемые, как правило, разной узнаваемостью, доступностью для восприятия объекта критической интерпретации и используемого в ИМ прецедентного феномена. Таким образом, ИМ подразделяются: а) на универсальные (имеют максимально широкие границы группы, включающей всех интернет-пользователей; опираются на общекультурные знания и коннотации); б) сепаратные ИМ (имеют ограничения адресации и функционируют как субкультурный маркер), подразделяются на ситуативные (требуют осведомленности о текущем моменте, тематизируемом событии) и узкоцелевые (ориентированы на конкретную социокультурную группу пользователей, знакомых, в отличие от остальных, с включенным в ИМ прецедентным феноменом) (см. о разделении ИМ на универсальные и сепаратные: [Зиновьева, 2015, с. 196; Савицкая, 2013]);

2) характеристика ИМ относительно его «генетики» (отнесение ИМ к созданным в рамках германской лингвокультуры или заимствованным и ассимилированным);

3) описание ИМ в рамках комплексной типологии мемов Н.А. Зиновьевой, выстроенной на шести основаниях-дихотомиях (Д): а) Д «*истина – ложь*» учитывает инициацию ИМ и включает самозарождающиеся (истинные) ИМ – продукты сетевого фольклора, продвижение которых обеспечивается тождественностью переживаний членов сообщества, и намеренно созданные (ложные) ИМ – продукты политтехнологов, политических сил для маркетинговых, PR-целей; б) Д «*персонаж – событие*» учитывает отражаемый объект критики и конституируется ИМ-персонажем (персонаж, ассоциированный с некими свойствами и смыслами, характеризует критикуемый объект посредством отождествления) и ИМ-событием (транслируется взгляд на конкретное событие); в) Д «*традиция – инновация*» учитывает уровень включенности ИМ в культуру и образуется ИМ-традицией (апеллирует к типичным опыту, практикам, известным, неновым прецедентным феноменам) и ИМ-инновацией (обращается к современным прецедентным феноменам, фрагментам текущего момента); г) Д «*фон – фигура*» учитывает смысловые доминанты и состоит из ИМ-фона (персонаж, за которым уже закреплены коннотации, доминирует над фоном) и ИМ-фигуры (персонаж интерпретируется в зависимости от фона, задающего вектор восприятия); д) Д «*изображение – текст*» учитывает узнаваемый, реплицируемый компонент ИМ и образуется ИМ-изображением (реплицируется визуальный элемент) и ИМ-текстом (реплицируется вербальный элемент); е) Д «*мысль – действие*» учитывает результат воздействия и включает ИМ-мысль (инициирует разделение знаний, эмоций) и ИМ-действие (консолидирующий флеш-моб / челендж) [Зиновьева, 2015, с. 197–200];

4) выделение константного ядра ИМ, включающего, по нашему мнению, визуальный шаблон (неизменная часть визуального ряда) и обобщенное значение, свойственное всем вариантам ИМ (см. о константной и изменчивой составляющих ИМ: [Канашина, 2018; Miltner, 2014; Smith, Hemsley, 2021]). Прецедентный феномен в рамках ИМ, как показано исследователями, подвергается трансформации, помещается в новый контекст

и реинтерпретируется, функционирует как средство выразительности, особой эстетической оценки и эстетического воздействия, создания комического эффекта, интеллектуальной игры, диалога с адресатом (обращения к его опыту, идентификация сообщества) [Канашина, 2018; Díaz, Mauricio, 2013; Miltner, 2014]. Популяризация и вариация самого ИМ предполагают его предшествующую деконтекстуализацию и последующие неоднократные реконтекстуализации [Савицкая, 2013] (о когнитивном обосновании вариативности ИМ см.: [Рохлина, 2021]);

5) установление реализующегося в рамках ИМ отношения визуального и вербального компонентов (диссонанс, консонас-комплементарность, консонас-одополнение); предмета иронично-критической интерпретации (тематизируемые признаки объекта критики), предъявляемых адресату посредством ИМ смыслов; закономерностей создания комического эффекта;

6) определение жанра ИМ, отражающего специфику смыслообразования и роли визуального и вербального рядов. Мы выделяем следующие жанры ИМ: а) эдвайсы (изображение животного / человека на цветном фоне с его, как правило, двухчастной остроумной репликой, содержащей совет / вывод / мораль); б) интернет-комиксы (серия из 2–4 минималистичных, схематичных изображений, воспроизводящих в динамике некую историю с простым сюжетом, с репликами персонажей в «речевых пузырях»); в) макросы (изображение, выступающее знаком определенной эмоции / настроения, в комбинации с вербальным указанием на объект оценки; восходят к эмтиконам); г) «аткрытки» (стилизованное под старину изображение в пастельных тонах с ироничным высказыванием); д) демотиваторы (пародия на мотиватор; пессимистическая надпись белым шрифтом на черном фоне / в рамке с изображением или без него) (подробно о перечисленных жанровых разновидностях ИМ см.: [Бабилова, 2019]); е) мотиваторы (картинка / фотография, как правило, в светлой рамке / на светлом фоне с вдохновляющим лозунгом / тезисом и его пояснением); е) ИМ-сравнения (двусоставный визуальный ряд с изображением сопоставляемых объектов и вербальный компонент (одно- / двухча-

стный), транслирующий вывод о сходстве / различии); ж) ИМ-пародии на другие форматы (сохранение визуальной стилистики исходного не комического формата, например, предвыборного плаката, в сочетании с ироничной надписью).

Результаты и обсуждение

Рассмотрим ИМ «Scholzzug» (рис. 1), размещенный на сайте Reddit пользователем u/kumquat в 2020 г. и получивший стопроцентное одобрение проголосовавших на сайте пользователей.

Мем отражает позицию СДПГ и смену лидеров партии, которые выдвигались ею в кандидаты на должность федерального канцлера Германии на двух парламентских выборах. В январе 2017 г. социал-демократы выбрали главой своей партии Мартина Шульца (при опросах 64 % избирателей СДПГ высказались за его кандидатуру), который должен был составить конкуренцию действовавшему канцлеру А. Меркель на выборах в сентябре 2017 года. В Бундестаге в 2017 г. ХДС и СДПГ составили крупнейшие блоки; А. Меркель победила на этих выборах в четвертый раз. За выдвижением М. Шульца последовал быстрый рост популярности СДПГ (за месяц на 7 %) (Eadaily, 09.02.2017). Олаф Шольц в январе 2021 г. стал главой партии и кандидатом на пост канцлера от СДПГ на следующих выборах в сентябре 2021 г., принесших ему по-

беду; А. Меркель впервые начиная с 2005 г. не возглавила ХДС и не выдвинула свою кандидатуру. При этом мэр Гамбурга и бывший министр трудовой и социальной политики Олаф Шольц уже в 2017 г. рассматривался СДПГ как возможный лидер партии, но предпочтение в соответствии с мнением избирателей было отдано Мартину Шульцу. Неологизм-обозначение «Schulzzug» возникло в 2017 г. и представляет собой метафору, как поясняют сами немцы (wikipedia, The_Game): стратеги СДПГ в публичных выступлениях уподобляли Мартина Шульца поезду (нем.: Zug), который никто не в силах остановить на его пути к посту канцлера. С начала по середину 2017 г. в Германии получает широкое распространение и одноименная компьютерная игра «Schulzzug» с незамысловатым и спорным сюжетом: игрок должен привести поезд с машинистом М. Шульцем в резиденцию канцлера, преодолевая препятствия, наезжая на мешающих проезду политиков и собирая монеты (wikipedia, The_Game). Рассматриваемый ИМ является ситуативным, и для его полной интерпретации необходимо знание приведенного культурного, политического контекста. Тем не менее ИМ имеет относительно широкую адресацию, поскольку многие немецкие пользователи обладают необходимыми знаниями о лидерах партий, выдвигаемых кандидатами на пост бундесканцлера. Данный ИМ – это ИМ-мысль, истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ с незначимой

Рис. 1. ИМ «Scholzzug»

Fig. 1. IM “Scholztrain”

Примечание. Источник: https://www.reddit.com/r/Scholzzug/comments/i74w5w/wohin_mit_der_hohen_energie/.

ролью фона, ИМ-инновация (опирается на современные прецедентные феномены: исходный заимствованный ИМ «Distracted Boyfriend» / «Неверный парень»² и возникшее позже обозначение *Schulzzug*). Исходный ИМ «Distracted Boyfriend» / «Неверный парень» представляет собой изображение парня, идущего по улице со своей девушкой и заглядывающегося на прохожую; данный мем стал весьма популярным, деконтекстуализируется, помещается в новые контексты, в результате чего каждый раз реинтерпретируется. Ядро ИМ «Schulzzug» образуют реплицируемый визуальный шаблон (некто в окружении двух объектов, заглядывающийся на дальний объект и игнорирующий ближний объект) и обобщенное значение ИМ (предпочтение нового и привлекательного тому, что имеешь). Визуальный шаблон видоизменяется: появившиеся портреты двух политиков вводят новых конкретных ситуативных участников (двух партийных лидеров), но воспроизводимые отношения, заданные шаблоном, остаются константными. Исходный мем «Distracted Boyfriend» / «Неверный парень» дополняется вербальным компонентом – обозначениями новых участников: вводится участник-партия и дублируется указание на двух ее лидеров. Вариативная часть

актуализирует культурно маркированную информацию, ситуативную привязку мема-макроса «Distracted Boyfriend» / «Неверный парень». Макрос как жанровая разновидность ИМ восходит к эмодиконам и специализирован на транслировании эмоции / отношения (о жанровой специфике макросов см.: [Бабинова, 2019]). Его визуальный компонент (часто персонаж с определенным выражением лица, в эмоциональной ситуации) символизирует определенную эмоцию, переживание; вербальный компонент, как правило, конкретизирует объект оценки. Визуальный и вербальный компонент находятся в отношениях диссонанса (визуальный ряд отсылает к бытовой ситуации, вербальный – к политическим отношениям). В основе создаваемого комического эффекта лежит в первую очередь перенос ситуации из бытовой сферы в политическую.

В 2021 г. в период предвыборной борьбы за пост бундесканцлера появляется серия ИМ, обыгрывающих характеристики О. Шольца в разной тональности (критической, иронической, уничижительной, обвинительной).

ИМ «Mal im Ernst» / «А теперь серьезно» (рис. 2) появился в сентябре 2021 г. на сайте Kekememes.de (*kek* – аналог *lol* / *hah* в интернет-сленге, обозначающий смех).

Рис. 2. ИМ «Mal im Ernst»

Fig. 2. ИМ “Now seriously”

Примечание. Источник: <https://kekememes.de/picture/mal-im-ernst-olaf-scholz-sieht-doch-schon-ein-bisschen-IboLC67x8>.

ИМ юмористически обыгрывает внешность кандидата в канцлеры, сравнивая его с Фантомасом (вербальный компонент: «Mal im Ernst: Olaf Scholz sieht doch schon ein bisschen wie Fantomas aus, oder?») – «А теперь серьезно: Олаф Шольц все же немного напоминает Фантомаса. Или?»), актуализирует также данную ассоциативную связь и по отношению к программе кандидата, которая включала установки на зеленую мобильность, цифровизацию, социально ориентированную защиту климата и честное здравоохранение. Избирателей обеспокоил план О. Шольца по увеличению налогов на недвижимость, для того чтобы владельцы квартир также несли часть расходов по сокращению выбросов двуокиси углерода. Данный мем-сравнение – универсальный, истинный, ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ-традиция (апелляция к известному персонажу фильма 1964 г.), с незначимой ролью фона. ИМ имеет широкую адресацию, не привязан к конкретному событию. Вербальный и визуальный компоненты находятся в отношениях консонанса, актуализируют идею сравнения, дублируют друг друга. Сопоставление политического лидера с киноперсонажем становится источником комического эффекта.

Следует отметить, что тема внешности, отождествления политического деятеля с известными персонажами остается актуальной и позднее. Так, 21.02.2022 г. на существующей с 2008 г. развлекательной интернет-платформе и в социальной сети 9gag появляется еще один ИМ-сравнение: «Omg ein Olaf...» (OMG – инициальное сокращение для «Oh My God!» / «О Боже мой!») (рис. 3).

Вербальный компонент: «Jetzt weiss ich eeeeeendlich, woher ich Olaf Scholz kenne... er ist eine exakte Kopie von Mister Mago» – «Теперь я наконец понимаю, откуда я знаю Олафа Шольца... он просто копия мистера Магу». ИМ «Omg ein Olaf...» – ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ-традиция (апелляция к персонажу мультфильма 1949 г., дважды удостоенного премии «Оскар»). Ядро ИМ составляет визуальный шаблон (изображение двух субъектов) и обобщенное значение (утверждение о сходстве). Данный ИМ не является универсальным, должен рассматриваться как сепаратный (целевой), поскольку прецедентный феномен 1949 г. знаком далеко не всем современным интернет-пользователям. Мультипликационный персонаж Мистер Магу (Мистер Куинси Магу) – маленький, лысый, эксцентричный миллиардер

Рис. 3. ИМ «Omg ein Olaf...»

Fig. 3. ИМ “Omg ... an Olaf”

Примечание. Источник: <https://9gag.com/gag/apg9L6W>.

с плохим зрением, из-за своего нежелания носить очки постоянно попадающий в нелепые ситуации – стал своеобразной «оценочной этикеткой» для тех, кто настойчиво не признает какую-либо проблему. Отождествление политика по внешним признакам с персонажем, за которым ассоциативно закреплены определенная характеристика и оценка, сопрягается с приписыванием политическому деятелю соответствующего свойства и инициацией определенного оценочного восприятия. ИМ-сравнение содержит черты демотиватора (черный фон с белой надписью), что задает негативную оценочную интерпретацию утверждаемого сходства. Таким образом, роль фона в данном ИМ значима. Вербальный компонент дополняет визуальный (комплементарность), выполняя вспомогательную функцию для интернет-пользователей, не угадавших персонажа. Компоненты связаны отношениями консонанса (ироничная надпись поддерживается изображением улыбающихся мультипликационного персонажа и политика). Отождествление политика с комическим персонажем задает вектор оценочного восприятия.

В рамках предвыборной борьбы 04.09.2021 г. на интернет-платформе 9gag появляется и ИМ-пародия на предвыборный плакат «Brilliant» / «Непревзойденный» (рис. 4).

Название ИМ отсылает к А. Меркель: «бриллиант» – обозначение типичного жес-

та Меркель (сложенные ромбом кисти рук на уровне живота), закрепившегося в сознании немцев как атрибут бывшего бундесканцлера. Следует отметить, что сравнения нового канцлера с предыдущим носят регулярный характер и получают свое широкое выражение в ИМ. Стилистика предвыборного плаката полностью сохранена, в том числе цвет фона, который для исходного плаката был значимым элементом (красный – цвет партии СДПГ). Модификации подвергся вербальный компонент. В верхней надписи к существительному *Kompetenz* / «компетентность» добавляется префикс *in-* со значением отрицания; фамилия политика заменена *Scholololo* (футбольная кричалка; обозначение используется также для выражения негативного отношения к чему- / кому-либо как примитивному, легкомысленному). Комбинирование пропагандисткой стилистики плаката и футбольной кричалки становится источником комического эффекта. Описываемый ИМ – истинный, ИМ-мысль, ИМ-изображение-текст, ИМ-персонаж, ИМ-инновация (для дешифровки ИМ, понимания его комизма необходимо знание исходного предвыборного плаката, что обуславливает отнесение ИМ к целевым мемам), ИМ с незначимой ролью фона. Визуальный ряд диссонирует с вербальным компонентом (официальное изображение политика со слоганом СДПГ «*SED. Vorwärts Immer. Rückwärts Nimmer.*»

Рис. 4. ИМ-пародия «Brilliant» (а) и исходный предвыборный плакат (б)

Fig. 4. Parody meme “Brilliant” (a) and original election poster (b)

Примечание. Источники: а – <https://9gag.com/gag/aP3Eyrw>; б – https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcSbcZAZZGl0FGxeXI9urtlvksbO2usVf_LoTQ&usqp=CAU.

Nimmer» – «СДПГ. Всегда вперед, никогда назад» и оценочное переименование политика; ср. возможную передачу переименования на русском языке «Олаф Лалала» / «Олаф Оле-оле-оле»), что также является средством создания комического эффекта. Ядро ИМ образует визуальный шаблон (изображение О. Шольца в деловом костюме на красном фоне с белыми надписями) и обобщенное значение (указание на характеристики изображенного субъекта).

После парламентских выборов появилась целая серия мемов, посвященных критике решения нового коалиционного правительства легализовать продажу марихуаны, в частности, по заявлению коалиции, для рекреационных целей в специальных лицензированных магазинах (ОСН, 24.11.2021). На портале 9gag 27.09.2021 г. появляется ситуативный мем-пародия на предвыборный плакат «Scholz dude, pack das an!» / «Шольц, чувак, давай!» (рис. 5). В ИМ-пародии осуществляется два ряда модификаций: а) изменяется визуальный компонент; отражающие побуждение избирателей к конкретному действию предметы в поднятой руке политика разные – на плакате О. Шольц держит конверт бюллетеня для голосования (реализуемое побуждение «Голосуй!»), на ИМ в руке политика сигарета (побуждение «Закуривай!»); б) исходный вербальный компонент плаката «SED. Jetzt faire Mieten wählen. Scholz packt das an» – «СДПГ. Социальная политика для тебя. Сейчас время выбрать честные цены на съемное жилье. Шольц берется за это» заменяется на «Jetzt Legalisierung

von Cannabis umsetzen. Scholz packt das an» – «Сейчас время для легализации каннабиса. Шольц берется за это». Указанные замены, фамильярное обращение к лидеру в названии ИМ на фоне сохранения стилистики плаката создают диссонанс визуального и вербального рядов, производят комический эффект. Ядро ИМ – визуальный шаблон (фигура О. Шольца с олицетворяющим призыв избирателей к определенному действию предметом в руке на красном фоне) и обобщенное значение «сейчас самое время сделать это вместе со мной». Данный ИМ – истинный, ИМ-мысль, ИМ-событие (реакция на решение коалиционного правительства о легализации марихуаны), ИМ-инновация (опора на прецедентный феномен – исходный предвыборный плакат), ИМ-изображение-текст (реплицируется не только визуальный компонент, но и частично вербальный компонент, а именно часть фразы «Jetzt» – «сейчас время...» и фраза «Scholz packt das an» – «Шольц берется за это»). ИМ имеет достаточно широкую адресацию, но не является универсальным в рамках немецкой лингвокультуры, поскольку для его понимания (помимо знания исходного плаката) необходимо знание ситуации-контекста.

Ситуативный ИМ «Mutti Scholz» / «Мамочка Шольц» появился 10.12.2021 г. в немецкоязычном сегменте сайта Kekememes (см. рис. 6). Обозначение *Mutti Scholz* отсылает к прозвищу А. Меркель, которое для немцев имело неоднозначные, противоположные, обусловленные оценкой ее разных характеристик и решений коннотации: первая

Рис. 5. ИМ-пародия «Scholz dude, pack das an!» (а) и исходный предвыборный плакат (б)

Fig. 5. Parody meme “Scholz dude, get on with it!” (a) and original election poster (b)

Примечание. Источники: а – <https://9gag.com/gag/ad8ZjQM>; б – <https://www.spd-stade.de/wp-content/uploads/sites/1048/2021/08/btw21-spd-olaf-scholz-miete-900x636.jpg>.

бундесканцлер-женщина; берет на себя ответственность за граждан; *Mutti Multikulti* – предпочитает играть роль заботливой матери для беженцев, а не для граждан своей страны. В ИМ «Mutti Scholz» прецедентный феномен – напечатанная 13.08.2020 г. в журнале «Шпигель» вместе с интервью О. Шольца «Das wird ein harter Ritt» / «Это будет тяжелая поездка верхом» фотография политика на фоне бетонной стены и травы, символизировавшей экологическую ориентированность его программы, установку на развитие «зеленой энергетики», – помещается в новый контекст. Вербальный компонент «Mutti Scholz. Macht's Gras legal» «Мамочка Шольц. Сделает травку легальной» содержит употребленное в переносном значении существительное *Gras* «травка»: *Gras*₃ – «Jargon, Haschisch; Marihuana; Gras rauchen» (Duden online). Визуальный ряд, а именно изображение радостного О. Шольца с раскинутыми руками на фоне травы, взаимодействует с вербальным компонентом, отсылает к буквальному значению существительного *Gras*, актуализирует сопоставление О. Шольца и А. Меркель (непринужденное, разговорное

обозначение «Mutti Scholz» и фигура О. Шольца), что создает комический эффект. Данный ИМ – истинный, ИМ-мысль, ИМ-персонаж-событие, ИМ-изображение (ниже будет приведен еще один ИМ с использованием данного визуального шаблона), ИМ-инновация (современный прецедентный феномен, апелляция к современной конкретной ситуации). Данный ИМ можно отнести к жанровой разновидности «эдвайс», в рамках которого смыслопорождение характеризуется использованием цветного изображения персонажа и презентацией некой в форме двучастного высказывания-сентенции, вывода, совета, морали; реализация эдвайса при этом нетипична, поскольку реплика не принадлежит самому персонажу. Как и мем на рисунке 4, данный ситуативный ИМ имеет широкую адресацию, но не обладает характеристиками универсального. Вербальный и визуальный компоненты связаны отношениями консонанса, комплементарности (необычное изображение лидера с раскинутыми руками и довольным выражением лица на фоне бурно растущей травы визуально поддерживает вторую часть вербального компонента).

Рис. 6. ИМ «Mutti Scholz»

Fig. 6. IM “Mom Scholz”

Примечание. Источник: <https://kekememes.de/picture/mutti-scholz-maghts-gras-legbl-VCTJnEM99>.

Следующий ситуативный ИМ-макрос «Ich_iel» (рис. 7) был опубликован в декабре 2021 г. на сайте Reddit интернет-пользователем u/OrcWithFork. *Ich_iel* – акроним для «Ich im echten Leben» / «Я в реальной жизни» (сообщество на гибридном сайте с социальной сетью reddit.com по аналогии с англоязычным сообществом *me_irl* – *me in the real life*). 97 % участников голосования на сайте дали положительную оценку ИМ. Вербальный компонент символизирует конкретную эмоцию (см. расстроенное, обиженное лицо политического деятеля). Вербальный ряд содержит сленгизм из языка реперов *Bubatz, Bobatz / Bobaz / Babak* («сигарета с наркотическим веществом») и производный от него глагол *bubatzten* («выкурить сигарету с наркотическим веществом») (Bedeutung Online). Двухчастный вербальный компонент выстраивается на оппозиции «Alle sagen Aber niemand sagt» – «Все говорят – никто не скажет»; фразы приписываются О. Шольцу («Alle sagen immer: “Scholz macht Bubatz legal”. Aber niemand sagt: “Scholz komm mit bubatzten”» – Все говорят всегда: «Шольц легализовал марихуану». Но никто не скажет: «Шольц, пойдём покурим марихуану вместе»). ИМ «Ich_iel» – истинный, ИМ-мысль, ИМ-событие», ИМ-изображение, ИМ-инновация (отсылка к конкретной актуальной ситуации, изображение современного политика), ИМ с подчиненной ролью фона. Вербальный компонент дополняет, уточняет визуальный, конкретизируя причину передава-

емой эмоции и, тем самым, объект ироничной оценки. Ядро ИМ – визуальный шаблон, включающий изображение О. Шольца с обиженным лицом и белую двухчастную надпись, и обобщенное значение «ситуация кажется печальной мне, но не остальным». Комический эффект возникает в результате использования изображения, передающего эмоцию лица политика, сленгизмов, вербальной оппозиции «все – никто», актуализирующей противопоставление общественного и индивидуального восприятия.

Еще одну серию образуют ИМ, посвященные критике репутации О. Шольца, его участия в аферах и скандальных историях. 19.10.2021 г. в немецкоязычном сегменте сайта Kekememes появляется ИМ-макрос-демотиватор «Olaf Scholz, wenn er zu Cum-Ex befragt wird» / «Олаф Шольц, когда его спрашивают про Cum-Ex» (см. рис. 8). В ИМ используется актуальный прецедентный феномен – узнаваемое изображение рыбки Дори из мультипликационного фильма «В поисках Немо» (2003 г.), по сюжету с детства страдающей тяжелой формой склероза и имеющей всегда удивленный взгляд. Данный ИМ – классический ИМ-персонаж, в котором характеристика критикуемого героя осуществляется посредством его отождествления с узнаваемым персонажем, являющимся эталонным носителем определенного признака, и, следовательно, приписывания ассоциируемого с персонажем признака объекту ироничной кри-

Рис. 7. ИМ «Ich_iel»

Fig. 7. IM “Me_irl”

Примечание. Источник: https://www.reddit.com/r/ich_iel/comments/rd0rey/ich_iel/.

тики. Изображение удивленной рыбки Дорис, актуализирующее ассоциирование политика с главным признаком мультипликационного персонажа (склероз), выступает важным элементом производимого комического эффекта. Упоминаемые аферы Cum-Ex – это нацеленные на уход от налогов финансовые сделки, которые привели к хищениям на десятки миллиардов евро. Совершение этих сделок, квалифицированных ведущими немецкими экспертами в сфере налогообложения как корпоративное мошенничество, совпало по времени с пребыванием О. Шольца на посту мэра Гамбурга и на посту министра финансов в правительстве А. Меркель. Данный ИМ – истинный, ИМ-мысль, ИМ-изображение, ИМ-персонаж, ИМ-инновация (опирается на знание современного прецедентного феномена, ситуации с аферами Cum-Ex), со значимой ролью фона (ИМ оформлен в стиле жанра демотиватора: черный фон / черная рамка и надпись с пессимистическим содержанием, выполненная белым шрифтом). Вербальный компонент находится в отношениях комплементарности с визуальным рядом: называет оцениваемого участника – О. Шольц; причину негативной оценки – О. Шольца подозревают в участии в афере Cum-Ex; негативно оцениваемую ситу-

ацию – при попытках разобраться в данных аферах О. Шольц утверждает, что многого не помнит. Комический эффект создается отождествлением Шольца с забывчивым мультипликационным персонажем, а также визуальным выражением транслируемой эмоции.

Опубликованный 13.10.2021 г. на сайте 9gag.com ситуативный ИМ-эдвайс «Gewählt ist gewählt ihr könnt mich jetzt nicht mehr feuern das ist das geile an Demokratie» / «Выбран – значит, выбран, теперь вы не можете меня уволить, это самое классное в демократии» (см. рис. 9) приписывает соответствующее высказывание и реплику вербального компонента мема О. Шольцу. Вербальный компонент «Schaut mal, wie schön! Über Wirecard, CumEx, Warburg, G20, Staatstrojaner und Nordstream2 ist schon wieder Gras gewachsen...» – «Посмотрите-ка, как чудесно! Wirecard, cum-ex, Варбург, “Большая двадцатка” (G20), федеральный троян и “Северный поток-2” поросли травой...» содержит перечисление претензий избирателей к деятельности О. Шольца: подозрение в участии в налоговых аферах CumEx; попустительство в скандале с банкротством платежной фирмы Wirecard после пропажи 2 миллиардов евро; отказ от претензий к банку «Варбург» (г. Гамбург), имевшему налого-

Рис. 8. ИМ «Olaf Scholz, wenn er zu Cum-Ex befragt wird»

Fig. 8. ИМ “Olaf Scholz when asked about Cum-Ex”

Примечание. Источник: <https://kekememes.de/picture/olaf-scholz-wenn-er-zu-cum-ex-befragt-wird-g4qhKfsA9>.

вые недоимки в 40 миллионов евро; плохие подготовка и проведение в июле 2017 г. саммита «Большой двадцатки» в Гамбурге в период пребывания О. Шольца на посту мера: пренебрежение вопросами безопасности произошло в беспорядках при проведении саммита; активное массовое использование федерального трояна (устанавливаемое в государственных учреждениях программное обеспечение для поиска компьютеров в Интернете при уголовном преследовании); заявление Шольца 27.09.2021 г. о необходимости рассматривать «Северный поток-2» как экономический проект и об обязанности для всех стран-участников взять на себя гарантии по эксплуатации «Северного потока-2». По мнению интернет-пользователей, все это означает репутационные потери для страны, позиционирующей себя как «страна эффективности и честности». ИМ включает элементы демомотиватора (черное поле с белой надписью), задающие вектор оценочного восприятия. Визуальный компонент указывает на автора высказывания – объект оценки, отсылает к буквальному прочтению выражения «über... ist wieder Gras gewachsen» – «травой поросло», каламбурное использование которого (в буквальном и идиоматическом вариантах) способствует созданию комического эффекта. Прецедентный феномен не помещен на особый фон. Вышесказанное свидетельствует об отношениях комплиментарности вербального

и визуального рядов. В ИМ в качестве прецедентного феномена используется представленная выше фотография из журнала «Шпигель» (рис. 6). Рассматриваемый мем является истинным, ИМ-мыслью, ИМ-событием (реакция на выборы О. Шольца бундесканцлером, на информацию о подозрениях в отношении него), ИМ-изображением (см. описанный выше мем с данным визуальным реплицируемым и реконтекстуализируемым шаблоном), ИМ-инновацией (апелляция к актуальной ситуации, к современному прецедентному феномену). Адресация данного ситуативного ИМ ограничена членами немецкого общества, следящими за актуальной политической повесткой дня.

Появившийся на сайте 9gag.com 10.02.2022 г. ИМ «Ein Mann fürs Volk. Wir sind nicht gleich» / «Человек для народа. Мы разные» (см. рис. 10) восходит к заимствованному, вирусному в 2019–2021 гг. в разных сегментах Интернета ИМ-тренду «We are not the same» / Мы разные». ИМ акцентирует различие ценностей и установок персонажа мема, представляемого в роли автора высказывания, и других людей, в ироничной форме обосновывается его непохожесть с другими людьми, превосходство над ними. Изначально в качестве визуального шаблона ИМ-тренда активно используется изображение героя сериала «Во все тяжкие» Гуса Фрига (роль играл американский актер Джанкарло Эспо-

Рис. 9. ИМ «Gewählt ist gewählt ihr könnt mich jetzt nicht mehr feuern das ist das geile an Demokratie»

Fig. 9. IM “Chosen means chosen, now you can’t fire me, that’s the coolest thing about democracy”

Примечание. Источник: <https://9gag.com/gag/awzNnvr>.

зито); впоследствии изображение утрачивает статус шаблона. Мемной, реплицируемой становится фраза *We are not the same / Wir sind nicht gleich / Мы разные* и семантическая схема вербального компонента (указание на характеристику других людей, на свою характеристику, вывод о различии). Ядро ИМ составляет именно мемная фраза и обобщенное значение – «противопоставления себя и других людей». Описываемый ИМ – истинный, ИМ-мысль-действие (вирусными стали также флешмобы с данной мемной фразой и обобщенным значением), ИМ-инновация (отсылка к современному популярному, заимствованному ИМ), ИМ-текст, ИМ-персонаж (не отсылает к конкретному событию). Вербальный компонент: «Schmutzige Hände bedeuten sauberes Geld. Saubere Hände bedeuten schmutziges Geld. Wir sind nicht gleich» – «Грязные руки означают чистые деньги. Чистые руки означают грязные деньги. Мы разные». Данный ИМ представляет собой эдвайс. Исходный заимствованный ИМ с Гусом Фригом содержал признаки макроса, визуальное изображение символизировало высокомерие, чувство собственного превосходства; вербальный компонент указывал на причину / повод для такого отношения к себе и другим. ИМ «Ein Mann fürs Volk. Wir sind nicht gleich» содержит приписываемую персонажу реплику, предъявляемую как важное наблюдение; визуальный компонент не выступает знаком самого оценочного отношения / эмоции. Визуальный ряд дополняет вербальный (содер-

жит указание на автора сентенции и объект оценки, изображение говорящего О. Шольца акцентирует внимание на значимой для смыслообразования и формирования комического эффекта части тела – на руках, что способствует усилению вербального ряда). ИМ имеет широкую адресацию, следовательно, черты универсального мема.

Немецкоязычные интернет-пользователи 04.02.2022 г. запустили в социальных сетях серию ИМ «Wo ist Scholz?» (см. рис. 11), выражая недовольство многочисленными заграничными поездками действующего бундесканцлера и его, по мнению граждан, игнорированием внутривнутриполитической и внутриэкономической повестки Германии. Данные ИМ восходят к постам-головоломкам «Найди на картинке». Визуальный компонент вариативен, визуальный шаблон содержит изображение множества схожих объектов, затрудняющих поиск среди них нужного, часто спрятанного, объекта. Вербальный компонент, представляющий собой вопрос, стал мемной фразой. Он связан отношениями комплементарности с визуальным рядом: указывает на денотат, которому ИМ приписывает признак «сложно найти» / «пропавший». ИМ «Wo ist Scholz?» представляет собой истинный, ситуативный ИМ (предполагает знание контекста – исчезновение Шольца из внутренней жизни страны; при этом, однако, используется универсальный прецедентный феномен с широкой адресацией), ИМ-мысль, ИМ-текст-изображение, ИМ-событие, ИМ-инновацию (реализуется апелляция к

Рис. 10. ИМ «Ein Mann fürs Volk. Wir sind nicht gleich»

Fig. 10. IM “A man for the people. We are not the same”

Примечание. Источник: <https://9gag.com/gag/aXro1R9>.

актуальной ситуации, современному феномену «пост-головомка»). Созданию комического эффекта способствует шутивное задание-головомка, «запрятывание» политического лидера в группу схожих объектов.

Помимо осуществленной правительственной коалицией легализации марихуаны еще ряд действий / решений канцлера вызвали ироничную критику граждан, получив воплощение в ИМ.

ИМ «Endlich mal gute Nachrichten» / «Наконец-то хорошие новости» (опубликован 17.03.2022 г. на сайте 9gag.com; рис. 12) пародирует сообщение в прессе. Вербальный компонент («Eilmeldung: Erdogan und Scholz einig. D;nerpreisbremse beschlossen!» – «Срочное сообщение: Эрдоган и Шольц пришли к единству. Рост цен на кебаб приостановлен!») вступает в диссонанс с изображением (официальная фотография со встречи лидеров двух

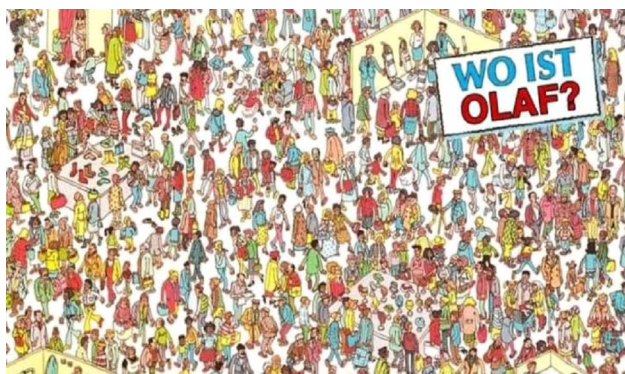

Рис. 11. ИМ «Wo ist Scholz?»

Fig. 11. IM “Where is Scholz?”

Примечание. Источник: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/04/wo-ist-scholz-nemeckie-socseti-ustroili-sholcu-parad-memov-iz-za-zarubezhnyh-turne?>

Eilmeldung:
Erdogan und Scholz
einig. Dönerpreisbremse
beschlossen!

Рис. 12. ИМ «Endlich mal gute Nachrichten»

Fig. 12. IM “Finally some good news”

Примечание. Источник: <https://9gag.com/gag/aM4mQB1>.

стран), неожиданным образом уточняет, интерпретирует изображение, что создает комический эффект и задает вектор оценочного восприятия. В ИМ результат встречи глав двух стран представлен как незначительный факт, что также выражает иронию автора ИМ относительно эффективности деятельности германского политика. ИМ является ситуативным: отражает реакцию на конкретное событие, предполагает наличие знаний о цели встречи двух лидеров для соотнесения с предъявляемым в ИМ малозначимым результатом; при этом адресацию можно охарактеризовать как довольно широкую, поскольку граждане страны имеют достаточное для интерпретации ИМ представление об уровне, масштабности задач и целей действий главы государства. Данный мем является истинным, ИМ-мыслью, ИМ-событием и ИМ-инновацией (апелляция к конкретной актуальной ситуации). ИМ пока не получил вариаций. Следует отметить, что, как правило, визуальный компонент подвергается меньшим модификациям и становится реплицируемым, а вербальный компонент чаще заменяется / дополня-

ется. ИМ восходит к юмористически переосмысливаемым мотиваторам (содержит фотографию в качестве визуального шаблона и позитивную, юмористическую подпись, направленную на то, чтобы показать, что есть и положительная сторона).

Ситуативный ИМ «Kawummmmm» / «Бабах» (рис. 13) появился на сайте 9gag.com 27.02.2022 г. в ответ на сделанное в этот день заявление О. Шольца о принятом на специальном заседании Бундестага решении повысить оборонные расходы Германии на 100 миллиардов евро. Визуальный компонент двухчастный. Верхняя картинка (дети в бассейне) представляет собой самостоятельный заимствованный ИМ «Mother Ignoring Kid Drowning In A Pool» – «Тонуший ребенок». Впервые фотография была размещена на сайте Reddit 11.04.2018 г. пользователем u/ConnorBig, рассказавшем, как его кузены учились плавать в далеких 1980-х гг. (My cousins learning to swim. circa 1980s). В июне 2018 г. на сайте Reddit появляется множество ИМ с данным визуальным шаблоном (женщина поддерживает в бассейне улыбающуюся девочку,

Рис. 13. ИМ «Kawummmmm»

Fig. 13. IM “Kaboom”

Примечание. Источник: <https://9gag.com/gag/aggmAW>.

второй ребенок с трудом держится на воде, а при этом некто еще и делает фотографию). Ядро ИМ – визуальный шаблон и обобщенное значение «Помощь оказывают не тому, кто нуждается, нуждающийся остается без поддержки». Данный ИМ получил множество вариаций и остается до сих пор популярным (Мемедия). В 2020 г. данный ИМ на Reddit обрел вторую жизнь, превратившись в двух- или трехчастный. К первому изображению добавляется картинка со скелетом на стуле / кресле под водой (иногда и третье изображение затонувшего объекта). Вторая часть визуального шаблона нацелена на расширение состава участников ситуации, заданной в верхней картинке, и указывает на участника в наиболее критической ситуации, настоящую жертву пренебрежения. Вербальный компонент связан с визуальным комплементарными отношениями, уточняет участников конкретной ситуации: правительственная коалиция (мама, поддерживающая девочку), новая энергетическая политика, направленная на увеличение доли альтернативных источников энергии Германии (тонуший мальчик), социальная система (скелет под водой). Данный ИМ является истинным мемом, ИМ-мыслью, ИМ-изображением, ИМ-событием (реакция на решение правительства об увеличении трат на оборону), ИМ-инновацией (отсылает к актуальному прецедентному феномену – мему, актуальному событию). Целевая группа ИМ – немецкоязычные интернет-пользователи, следящие за политической повесткой дня Германии. Отнесение ИМ к определенному жанру мемов проблематично, поскольку он сочетает в себе типичные черты нескольких жанровых разновидностей ИМ и отклонения от них: признаки эдвайса (изображение персонажей с экспликацией вывода / морали, но при этом реплики не принадлежат персонажам), демотиватора (пессимистическое содержание, транслируемое визуальным и вербальным компонентами, но отсутствует черный фон / черная рамка), комикса (многочастный характер, неоднородность на хронологической оси частей составляющих изображаемой ситуации, но вербальный компонент не отражает ситуацию как поступательно развивающуюся, а визуальный компонент не характеризуется схематичностью). Перенос ситуации из бы-

товой сферы в политическую, утрирование посредством добавления второй визуальной части, использование в названии звукоподражательного междометия способствуют созданию комического эффекта.

Выводы

В границах периода выборки (2020–2022 гг.) интернет-пользователи Германии наиболее активно размещают ИМ, посвященные О. Шольцу, на гибридной развлекательной интернет-платформе с инструментарием социальной сети с системой онлайн-голосования 9gag.com, основное содержание которой и составляют ИМ; большая часть ИМ о О. Шольце по результатам голосования отнесена к категориям «горячее» (быстро набирающие количество реакций пользователей) и «популярное». Далее по частотности публикации соответствующего ИМ-контента, посвященного О. Шольцу, следуют сайт Kekememes и социальная сеть-форум Reddit. Данные ИМ большей частью возникли в немецкоязычном сегменте Интернета; заимствованные, ассимилированные и реконтекстуализированные мемы составляют около $\frac{1}{3}$ ИМ изучаемой группы. ИМ тематической группы «О. Шольц» являются самозарождающимися, получающими распространение вследствие совпадения переживания с другими членами интернет-сообщества.

Транслирующие ироничную оценку политика ИМ иницируют разделение массовым адресатом определенных знаний, взглядов, эмоций; ИМ-действия имеют периферийный характер в изучаемом подмножестве. Абсолютное большинство ИМ представляют собой ситуативные мемы, поскольку в них отражается реакция на то или иное событие и для их дешифровки требуется наличие у адресата знаний об актуальной политической повестке дня страны. Объектом критики в равной мере выступают либо характеристики политика, либо его поступки / решения. Одинаково часто смыслообразование основывается на отождествлении политического лидера с неким персонажем, за которым в сознании адресатов ассоциативно закреплены некие признаки / эмоции, или на ироничной интерпретации конкретного события с учас-

тием О. Шольца посредством оценки самого действия, его эффективности или последствий. Основными предметами (поводами) ироничной критики являются некомпетентность, плохая репутация, решение легализовать марихуану, отрицание очевидного, низкая результативность деятельности, недостаточное внимание к национальным интересам и потребностям граждан, внешность.

Формирование образа О. Шольца и выражение иронично-критического отношения к лидеру и его действиям осуществляется в ИМ преимущественно посредством апелляции к современным прецедентным феноменам, основывается на предполагаемой информированности адресатов о текущем моменте. Реплицируемым компонентом, как правило, при этом выступает изображение; реже – оба компонента (визуальный и вербальный); мемные фразы в изучаемом подмножестве ИМ представляют периферийное явление. Фон, на который помещается прецедентный феномен, чаще всего отсутствует, либо не играет значимой роли в интерпретации мема. Исключение составляют ИМ-демотиваторы, в которых фон выступает жанровым признаком и задает вектор оценочного восприятия.

Изображение политического лидера является, как правило, обязательным элементом визуального ряда. Отклонения от данной тенденции единичны. Ассоциирование с объектом критики осуществляется посредством предъявления эталонного носителя ситуации, приписываемого политику признака со стереотипными, проецируемыми на его деятельность отношениями. Визуальный шаблон помимо изображения политика может включать изображение символизирующих некие действия / события / ценности предметы, других лиц, характеризующихся закрепленными в общественном сознании определенными ролями, связанные с атрибутируемыми свойствами, поступками пространственные объекты. Визуальный и вербальный ряды ИМ данной тематической группы преимущественно объединены отношениями консонанса и дополняют друг друга; реже (в $\frac{1}{3}$ ИМ) такие ряды диссоциируют.

Основными источниками комического эффекта выступают диссонанс вербального и визуального компонентов, перенос ситуации /

отношений бытовой сферы на политическую, визуальное акцентирование элементов вербального компонента (в том числе в их буквальном прочтении), отождествление объекта критики с комическим персонажем, выразительная мимика героев.

В исследуемой тематической группе одинаково часто представлены такие жанровые разновидности ИМ, как макросы, эдвайсы, ИМ-демотиваторы / ИМ с элементами демотиватора, ИМ-пародии на другие форматы интернет-коммуникации, реже ИМ-сравнения.

В ходе активного использования ИМ создаются его разнообразные вариации, прецедентный феномен и исходный мем реконтекстуализируются и реинтерпретируются, денотат также может изменяться; при этом сохраняется константное ядро ИМ (визуальный шаблон и обобщенное значение), что свидетельствует о полевом характере структуры мема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193.

² Здесь и далее перевод с немецкого наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабикова М. Р., 2019. Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 25, № 2 (186). С. 67–73.
- Глухих В. А., Елисеев С. М., 2017. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. № 4. С. 90–96.
- Зиновьева Н. А., 2015. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 195–201.
- Канашина С. В., 2018. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов // Политическая лингвистика. № 1 (67). С. 67–72.
- Рохлина Т. А., 2021. Семантика мема и репрезентация ситуации (на материале немецкого языка)

- ка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14, вып. 8. С. 2507–2511.
- Савицкая Т. Е., 2013. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. № 3. С. 3.
- Axelrod E., 2016. The Role of Memes in Politics // *Brown Political Review*. 20 March. URL: <https://brownpoliticalreview.org/2016/03/role-memes-politics>
- Chmielewski D., 2016. Internet Memes Emerge as 2016 Election's Political Dog Whistle // *USA TODAY*. 30 Sep. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490>
- Díaz C., Mauricio C., 2013. Defining and Characterizing the Concept of Internet Meme // *CES Psicología*. 6. 2. P. 82–104.
- Hartmann F., 2017. Meme: Die Kunst des Remix. Berlin : Amadeo Antonio Stiftung. 33 S.
- Lukacs G., 2021. Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary // *Visual Anthropology Review*. 37. 1. P. 52–76.
- Martynyuk A., Meleshchenko O., 2022. Socio-Pragmatic Potential of (Verbo)-Visual Metaphonymy in Internet Memes Featuring Donald Trump // *Metaphor and the Social World*. Vol. 12, № 1. P. 69–91.
- Miltner K. M., 2014. There's no Place for Lulz on LOLCats: The Role of Genre, Gender, and Group Identity in the Interpretation and Enjoyment of an Internet Meme // *First Monday*. Vol. 19, № 8. P. 21–43.
- Mortensen M., Neumayer C., 2021. The Playful Politics of Memes // *Information Communication & Society*. Vol. 24, № 6. P. 2367–2377.
- Osterroth A., 2015. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text // *IMAGE*. № 22. S. 26–46.
- Shifman L., 2013. Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker // *Journal of Computer-Mediated Communication*. № 18. P. 362–377.
- Smith A. O., Hemsley J., 2021. Memetics as Informational Difference: Offering an Information-Centric Conception of Memes // *Journal of Documentation*. Vol ahead-of-print. DOI: 10.1108/JD-07-2021-0140
- Zidani S., 2021. Messy on the Inside: Internet Memes as Mapping Tools of Everyday Life // *Information Communication & Society*. Vol. 24, № 16. P. 2378–2402.

ИСТОЧНИКИ

- ОСН – Общественная служба новостей. 24.11.2021. URL: [https://www.osnmedia.ru/world/novaya-](https://www.osnmedia.ru/world/novaya-pravyashhaya-koalitsiya-germanii-dogovorilas-legalizovat-kannabis)

[pravyashhaya-koalitsiya-germanii-dogovorilas-legalizovat-kannabis](https://www.osnmedia.ru/world/novaya-pravyashhaya-koalitsiya-germanii-dogovorilas-legalizovat-kannabis)

- Мемепедия* – Мемотека Мемепедия. URL: <https://memepedia.ru>
- Eadaily* – Информационное агентство EADaily. 09.02.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/09/vybory-v-germanii-merkel-shulc-kto-komu-otrezhet-golovu?>
- 9gag* – 9gag. URL: <https://9gag.com/gag>
- Kekememes* – Kekememes.de. URL: <https://kekememes.de>
- Reddit* – Reddit. URL: <https://www.reddit.com>
- wikipedia, The_Game* – Schulzzug – The Game // Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Schulzzug_%E2%80%93_The_Game

СЛОВАРИ

- Duden online* – Электронный словарь Duden. URL: <https://www.duden.de>
- Bedeutung Online* – Insider, Phänomene und Sprache erklärt // Bedeutung Online. URL: <https://www.bedeutungonline.de/was-bedeutet-bobatz-bobaz-babak-auf-deutsch-uebersetzung-und-bedeutung-erklart>

REFERENCES

- Babikova M.R., 2019. Zhanrovye raznovidnosti internet-memov v sovremennom natsionalisticheskom diskurse [Variety of Genres Regarding the Internet Memes in Modern Nationalistic Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], vol. 25, no. 2 (186), pp. 67-73.
- Gluhih B.A., Eliseev C.M., 2017. Internet-memy kak instrumenty publichnoy politiki [Internet Memes, Social Networks, Public Policy, Electoral Processes, Information Society]. *Diskurs* [Discourse], no. 4, pp. 90-96.
- Zinovyeva N.A., 2015. Vozdeystvie memov na Internet-polzovateley: tipologiya Internet-memov [The Impact of Memes on Internet Users: A Typology of Internet Memes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], no. 1, pp. 195-201.
- Kanashina S.V., 2018. Rol' internet-memov v processe politicheskikh vyborov [The Role of Internet Memes in Political Elections]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (67), pp. 67-72.
- Rokhlina T.A., 2021. Semantika mema i reprezentatsiya situatsii (na materiale nemeckogo yazyka) [Meme Semantics and Situation Representation

- (By the Material of the German Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 14, iss. 8, pp. 2507-2511.
- Savickaya T.E., 2013. Internet-memy kak fenomen massovoy kultury [Internet Memes as a Phenomenon of Popular Culture]. *Kultura v sovremennom mire* [Culture in the Modern World], no. 3, p. 3.
- Axelrod E., 2016. The Role of Memes in Politics. *Brown Political Review*. 20 March. URL: <https://brownpoliticalreview.org/2016/03/role-memes-politics>
- Chmielewski D., 2016. Internet Memes Emerge as 2016 Election's Political Dog Whistle. *USA TODAY*. 30 September. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/.../internet-memes.../91272490>
- Díaz C., Mauricio C., 2013. Defining and Characterizing the Concept of Internet Meme. *CES Psicología*, 6. 2, pp. 82-104.
- Hartmann F., 2017. *Meme: Die Kunst des Remix*. Berlin, Amadeo Antonio Stiftung. 33 S.
- Lukacs G., 2021. Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary. *Visual Anthropology Review*, 37. 1, pp. 52-76.
- Martynyuk A., Meleshchenko O., 2022. Socio-Pragmatic Potential of (Verbo)-Visual Metaphonymy in Internet Memes Featuring Donald Trump. *Metaphor and the Social World*, vol. 12, no. 1, pp. 69-91.
- Miltner K.M., 2014. There's no Place for Lulz on LOLCats: The Role of Genre, Gender, and Group Identity in the Interpretation and Enjoyment of an Internet Meme. *First Monday*, vol. 19, no. 8, pp. 21-43.
- Mortensen M., Neumayer C., 2021. The Playful Politics of Memes. *Information Communication & Society*, vol. 24, no. 16, pp. 2367-2377.
- Osterroth A., 2015. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text. *IMAGE*, no. 22, S. 26-46.
- Shifman L., 2013. Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker. *Journal of Computer-Mediated Communication*, no. 18, pp. 362-377.
- Smith A.O., Hemsley J., 2021. Memetics as Informational Difference: Offering an Information-Centric Conception of Memes. *Journal of Documentation*, volume ahead-of-print. DOI: 10.1108/JD-07-2021-0140
- Zidani S., 2021. Messy on the Inside: Internet Memes as Mapping Tools of Everyday Life. *Information Communication & Society*, vol. 24, no. 16, pp. 2378-2402.

SOURCES

- Obshchestvennaya sluzhba novostey* [Public News Service], 24.11.2021. URL: <https://www.osnmedia.ru/world/novaya-pravyashhaya-koalitsiya-germanii-dogovorilas-legalizovat-kannabis>
- Memoteka Memepedia* [Meme Library Memepedia]. URL: <https://memepedia.ru>
- Informacionnoe agentstvo EADaily* [News Agency EADaily]. 09.02.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/09/vybory-v-germanii-merkelschulc-kto-komu-otrezhet-golovu?9gag>. URL: <https://9gag.com/gag>
- Kekememes.de*. URL: <https://kekememes.de>
- Reddit.com*. URL: <https://www.reddit.com>
- Schulzzug – The Game. *Wikipedia*. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Schulzzug_%E2%80%93_The_Game

DICTIONARIES

- Elektronnyy slovar Duden* [Duden Online Dictionary]. URL: <https://www.duden.de>
- Insider, Phänomene und Sprache erklärt. *Bedeutung Online*. URL: <https://www.bedeutungonline.de/was-bedeutet-bobatz-bobaz-babak-auf-deutsch-uebersetzung-und-bedeutung-erklart>

Information About the Authors

Larisa N. Rebrina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Institute of Philology and Intercultural, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Информация об авторах

Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.4>

UDC 811.111'42:316.472.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 09.08.2021
Accepted: 21.03.2022

NETWORK DISCOURSE ON BRITISH PRIME MINISTER BORIS JOHNSON: POSITIVE VS NEGATIVE SENTIMENTS ON TWITTER¹

Veronika V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Anna A. Gnedash

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article solves the problem of identifying markers of positive or negative sentiment in the network discourse that is formed in social networks in relation to a particular politician. The theoretical and methodological foundations of the study were the basics of network linguistics, the network approach, Big Data. To conduct an empirical study using the method of continuous sampling for the keyword “Boris Johnson”, data from the social network Twitter was uploaded from May 15 to July 15, 2021 through the Twitter API service. The received dataset amounted to 1 million 900 thousand messages which were divided into a dataset of messages with a positive sentiment and a dataset of messages with a negative sentiment. In each dataset, frequently used fragments are identified and subjected to linguistic discursive analysis. As a result of their analysis, markers of the positive and negative sentiment of the online discourse that is emerging in the Internet space in relation to British Prime Minister Boris Johnson have been identified. They reflect public opinion, the level of trust in a politician, the pole of evaluation of his activities. Considering such markers when developing strategies for working with public opinion will allow changes in the image and reputational potential of public figures and organizations both online and offline.

Key words: network discourse, network linguistics, social network Twitter, Boris Johnson, network analysis, linguistic discursive analysis, Big Data.

Citation. Katermina V.V., Gnedash A.A. Network Discourse on British Prime Minister Boris Johnson: Positive vs Negative Sentiments on Twitter. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 59-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.4>

УДК 811.111'42:316.472.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 09.08.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

СЕТЕВОЙ ДИСКУРС В ОТНОШЕНИИ БРИТАНСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА БОРИСА ДЖОНСОНА: ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ VS ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В TWITTER¹

Вероника Викторовна Катермина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Анна Александровна Гнедаш

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье решена задача выявления маркеров положительной или отрицательной тональности в сетевом дискурсе, формирующемся в социальных сетях в отношении конкретного политика. Теоретико-методологическими основами исследования стали положения сетевой лингвистики, сетевой подход, Big Data. Для проведения эмпирического исследования методом сплошной выборки по ключевому слову «Boris

Johnson» были выгружены данные социальной сети Twitter в период с 15 мая по 15 июля 2021 г. через API-сервис Twitter. Полученный датасет составил 1 млн 900 тыс. сообщений, которые были разделены на датасет сообщений с положительной тональностью и датасет сообщений с отрицательной тональностью. В каждом датасете определены и подвергнуты лингводискурсивному анализу часто употребляемые фрагменты. В результате их анализа установлены маркеры положительной и отрицательной тональности сетевого дискурса, складывающегося в интернет-пространстве в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона. Они отражают общественное мнение, уровень доверия политике, полюс оценки его деятельности. Учет таких маркеров при разработке стратегий работы с общественным мнением позволит изменять имиджевый и репутационный потенциал публичных персон и организаций как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве.

Ключевые слова: сетевой дискурс, сетевая лингвистика, социальная сеть Twitter, Борис Джонсон, сетевой анализ, лингводискурсивный анализ, Big Data.

Цитирование. Катермина В. В., Гнедаш А. А. Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.4>

Введение

Усиление влияния социальных сетей на публичную сферу обусловлено несколькими факторами. Во-первых, цифровизация и популяризация цифровых технологий изменили способ создания и потребления новостей: социальные сети все больше монополизируют время человека и становятся для граждан основным каналом новостей (вместо традиционных СМИ) [Luo et al., 2019, p. 150–172; Ernst et al., 2017, p. 1347–1364]. Во-вторых, именно социальные сети стали пространством распространения массовых кампаний микротаргетинга: с 2010-х гг. как бизнес-стратегий, а начиная с президентской кампании Д. Трампа в 2016 г. – как политических стратегий распространения популизма и основного способа работы с электоратом [Катермина и др., 2020; Рябченко, Малышева, Гнедаш, 2019; Lacatus, 2020; Tracey, 2017]. В-третьих, начиная с «Арабской весны» в 2011 г. социальные сети стали играть фундаментальную роль в мобилизации населения на конструктивные и деструктивные социально-политические протесты [Рябченко и др., 2018, с. 139–162; Рябченко, 2011; Cardoso, Lara, Fátima, 2016; Moussa, 2013; Shaw, 2016]. В-четвертых, спонтанность и массовость коммуникации граждан в социальных сетях сменились сложностью, системностью и целенаправленной работой «эхо-камер» и «пузыря фильтров», то есть способами и инструмента-

ми, формирующими как определенное (прогнозируемое и заданное) восприятие пользователями новостей и событий, так и нужное (конструктивное и/или деструктивное) поведение пользователя в онлайн- и офлайн-пространствах [Рябченко, Малышева, 2020; Hart, 2020; Ladner, Ramineni, George, 2019; Ryabchenko, Katермина, Malysheva, 2019]. В-пятых, в 2020 г. роль и значение онлайн-пространства из-за всемирного локдауна по причине пандемии COVID-19 увеличились в разы [Рябченко, Малышева, 2020; Rosenblatt, 2020; Social Media & COVID-19..., 2021; Social Media Use During..., 2021; Abbas et al., 2021, p. 1917–1932].

Результатом действия данных факторов стали: 1) внимание пользователей социальных сетей к политикам, информацию о которых можно получить не только из их персональных аккаунтов на платформах Facebook*, Twitter, Instagram** и т. д., но и через друзей или инфлюенсеров, фоловерами / подписчиками которых являются граждане; 2) развитие (с 2018 г.) сетевого популизма – феномена, когда политики стали активно использовать социальные сети как основной канал распространения своих идей, как способ «удержания» электората, как инструмент получения голосов части «чужого» электората. Причем важным для победы кандидата на главный пост государства становится не партийная принадлежность (левые, центристы, правые) и не программа масштабных обещаний / изменений,

* Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

** Деятельность социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

а сосредоточенность кандидата на одном конкретном / макросегментированном «популистском обещании». Примером такого политика можно считать Бориса Джонсона, в 2019 г. занявшего пост премьер-министра Великобритании.

Как считают эксперты, Борис Джонсон смог выиграть пост премьер-министра в связи с двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство – политическое: оппонент, лидер лейбористской партии Джереми Корбин, провел несфокусированную избирательную кампанию, отдельные инициативы которой пользовались популярностью, но в целом не смогли кристаллизироваться в единую политическую предвыборную повестку дня [Cooper L., Cooper Ch., 2019; UK Election Analysis..., 2019]. Второе обстоятельство – популистское лингвопрагматическое: акцент консерваторов на одном обещании – завершить Брексит. Они использовали накопившуюся у населения усталость от затяжного и непонятного для всех процесса (аналогов в прошлых и современных социально-политических дезинтеграционных процессах пока нет) [Boris Johnson's Conservatives..., 2019; Boris Johnson's First..., 2020].

В современных условиях цифровизации, распространенности социальных сетей как поля социально-политических практик и огромного количества креолизованного контента особое значение приобретают исследования, результаты которых позволяют ответить на вопросы о том, какой сетевой дискурс формируется и продвигается в отношении конкретного политика; какие ключевые маркеры (позитивные и негативные) можно выделить в данном сетевом дискурсе.

Материал и методы

В теоретико-методологическом аспекте наше исследование опирается:

– на положения сетевой лингвистики, для которой основными современными трендами являются исследование социальных сетей и анализ лингвопрагматического потенциала связки «пост в социальной сети – обратная связь» (комментарий онлайн / действие офлайн);

– сетевой подход, позволяющий получить научные данные о комплексных сетях (социальных, экономических, политических, компьютерных, коммуникационных, технологических, биологических, семантических, когнитив-

ных и т. д.), представленных узлами (участники и элементы процесса) и связями / ребрами между узлами (офлайн и онлайн взаимодействиями). Применение данного подхода дает возможность изучить и визуализировать всех пользователей, использовавших точку входа (ключевое слово) в сетевой (глобальный / локальный) дискурс, и оценить / взвесить вклад данного пользователя (узла) в анализируемый социальный граф;

– Big Data – методики сбора и анализа структурированных и неструктурированных данных, которые эффективно собираются и обрабатываются только горизонтально масштабируемыми программными инструментами.

Сетевая лингвистика образует все больше связей с другими науками, в частности, с социологией и психологией, а также уделяет особое внимание прагматическим аспектам речи, следствием чего стало появление междисциплинарных исследований. Так, в языкознании принципы и процедуры прагматического анализа начали применяться с 60–70-х гг. XX в. [Матусевич, 2016, с. 24–25]. Прагматический поворот означал, что теперь в центре внимания оказался живой язык в действии, во всем многообразии его функций и социально-функциональных вариантов. По мнению И.П. Сусова, абстрактный, идеальный говорящий уступил свое место конкретному, реальному говорящему, осуществляющему общение каждый раз в новой обстановке, в новом коммуникативно-прагматическом пространстве [Сусов, 2006]. В условиях лингвистической прагматики ученые стали акцентировать внимание на позиции говорящего, его коммуникативных намерениях, способах их языкового выражения, стратегиях и тактиках коммуникантов для достижения ими определенной цели (см., например: [Винокур, 1993, с. 20]). Следовательно, в центре лингвистической прагматики, как показано Н.И. Формановской, находятся не только адресант, но и адресат общения, а также понятия «смысл говорящего» и «смысл адресата», которые включают в себя целеустановки, интенции, иллокутивные силы, явные и скрытые намерения говорящего, возможности и способы интерпретации явных и скрытых намерений адресатом [Формановская, 1987, с. 33].

Поскольку эмпирической базой нашего исследования стала социальная сеть Twitter,

охарактеризуем ключевые понятия, отражающие специфику этого феномена. Социальные сети – наиболее динамично развивающийся сегмент Интернета, который будучи особым информационным пространством дает представителю массовой аудитории право участвовать в обсуждении любого резонансного события. Возможность оставлять комментарии под публикациями определяет один из основополагающих принципов интернет-общения – его диалогичность (подробно об этом см.: [Фаломкина, 2020, с. 101]). Интернет-комментарий – это особый коммуникативный жанр персонального интернет-дискурса, выполняющий, по мнению В.А. Митягиной, следующие функции: фатическую (удовлетворение потребности в общении и реализация этой потребности в свободной от обязательств форме) и презентационную (самовыражение языковой личности и реализация этой потребности в свободной, не зависящей от правил ритуальной коммуникации, форме) [Митягина, 2012, с. 192].

Анализ интернет-комментария предполагает изучение прагматических параметров (описание участников общения, цели и сферы коммуникации), медийных параметров (описание интерфейса, признака гипертекстуальности, мультимедийности, синхронности / асинхронности, а также количество и эксплицированность коммуникантов), структурно-семантических параметров (темы обсуждения, структура текстового поля, текстовые единицы), а также лингвостилистических параметров (какие языковые средства обеспечивают выполнение коммуникативных действий автора), обусловленных главным образом аффективными коммуникативными действиями личности (подробно о параметрах см.: [Сидорова, 2014, с. 162]).

Комментарий как жанр интернет-коммуникации представляет собой речевую реакцию на некий текст и на событие, отраженное в этом тексте. Т.И. Стексова полагает, что это делает интернет-комментарий жанром оценочным или императивным, а не информативным, в отличие от научного комментария, комментария-примечания [Стеклова, 2014, с. 84]. Характерным признаком интернет-комментария является отрицательная оценочность, транслируемая как имплицитно, так и эксплицитно. При этом исследователи отмечают «тонкую социальную “чувствительность”»

комментария: «любое политическое событие вызывает мгновенную (и множественную) реакцию» [Кирилина, Терентий, 2016, с. 131]. Новость или сообщение в соцсетях служат поводом для обсуждения остросоциальных вопросов, в том числе тех, которые не имеют прямого отношения к основной теме сообщения. Комментарий становится одной из форм проявления общественного мнения. При этом даже позитивные новости могут вызвать речевую агрессию комментатора, что, по мнению А.В. Кириллиной и Л.М. Терентия, определяется отсутствием в интернет-коммуникации целого ряда коммуникативных правил и ограничений, присущих реальному общению, и может свидетельствовать о социальной напряженности [Кирилина, Терентий, 2016, с. 133]. Для проведения эмпирического исследования методом сплошной выборки по ключевому слову *Boris Johnson* были выгружены данные социальной сети Twitter в период с 15 мая по 15 июля 2021 г. через API-сервис Twitter. Полученная выборка (датасет) составила 1 млн 900 тыс. сообщений. Объем выборки определяет эмпирические данные как Big Data. Данные таких масштабов не подлежат обработке «вручную» и требуют разработки новых методов анализа.

Сообщения в полученном датасете были подвергнуты анализу тональности с использованием модели Vader (Valence Aware Dictionary for Sentiment Reasoning), входящей в Python-библиотеку NLTK (Natural Language Toolkit). Применение модели Vader позволило определить тональность текста с чувствительностью к полярности (положительная / отрицательная) и к силе интенсивности (силе) эмоций. В результате были сформированы два эмпирических блока: датасет сообщений с положительной тональностью (compound > 0, 52 % от общей выборки) и датасет сообщений с отрицательной тональностью (compound < 0, 48 % от общей выборки), где compound – это сложный балл, нормализованный показатель тональности между -1 (наиболее экстремально негативно) и +1 (наиболее экстремально позитивно).

В каждом датасете были выявлены и подвергнуты лингводискурсивному анализу часто употребляемые фрагменты (встречаются более чем 100 раз). Анализ таких фрагментов позволил выделить и описать позитивные и

негативные маркеры сетевого дискурса, складывающегося в интернет-пространстве в отношении того или иного политика, в нашем исследовании – британского премьер-министра Бориса Джонсона. Данный сетевой дискурс одновременно и формирует отношение пользователей / граждан к политику, и отражает уже сформированное мнение / эмоции о данном политическом субъекте. Маркеры сетевого дискурса – это «единицы, которые... самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он их оценивает с точки зрения степени важности, правдоподобности» [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 7].

Результаты анализа часто употребляемых единиц дают возможность в дальнейшем корректировать / координировать / трансформировать сетевой политический дискурс в соответствии с заданными целями или, например, формировать позитивный имидж (так и негативный имидж оппонентов) в ходе предвыборных кампаний.

Результаты и обсуждение

На первом этапе лингводискурсивного анализа полученных датасетов нами выбраны и проанализированы часто употребляемые единицы, совпадающие в группах комментариев с положительной и отрицательной тональностью.

Такие единицы, как *Boris Johnson*, *Downing street*, *Matt Hancock*, *Lord Heseltine*, *Ollie Robinson*, *July 19th*, *his Brexit deal*, *his (own) government*, *his party*, *G7 summit*, *New tory nhs act*, *Australian trade deal*, *Delta variant*, зафиксированы в выборке как с отрицательной, так и положительной тональностью; они по сути являются нейтральными, объединяя по некоторому признаку значимые для интерпретации текста слова в смысловые блоки.

Например, антропоним *Boris Johnson* в выборке с положительной тональностью остается нейтральным, в то время как в группе с отрицательной тональностью этот антропоним получает дополнительные коннотации, например: *known liar boris johnson / worst*

prime minister / worst speaker / boris johnson's incompetent handling / boris johnson's conservatives / boris johnson's plans / most corrupt prime minister / useless speaker / boris johnson's shameful and terrible leadership / boris johnson's handling. Имя министра здравоохранения Мэттью Джона Дэвида Хэнкока вызвало следующие реакции: *(health secretary) Matt Hancock / matt hancock affair / matt hancock disaster*. Приведем примеры комментариев:

(1) @SIXTIMES Lord Sumption (historian and former senior judge) described Boris Johnson and Matt Hancock's coronavirus restrictions as the "most significant interference with personal freedom in the history of our country". These two men are totalitarian buffoons who should never be forgiven;

(2) @bonnie54_uk Direct quote from Lord Sumption (historian and former senior judge) on the dystopian coronavirus restrictions: "Sometimes the most public spirited thing that you can do with despotic laws like these is to ignore them". Boris Johnson and Matt Hancock are tyrants.

С именем английского игрока в крикет Олли Робинсона связаны такие реакции, как *suspending bowler ollie robinson*, *Ollie robinson / ollie robinson case*, отмеченные в обоих датасетах:

(3) If you think **Ollie Robinson's** tweets are racist and sexist... wait til you read some of the things Boris Johnson has said;

(4) 'Trial by woke!' Cricketer **Ollie Robinson** should NOT be suspended for old tweets – poll;

(5) Boris Johnson slams decision to suspend **Ollie Robinson** over old racist and sexist tweets.

На втором этапе мы анализировали часто употребляемые единицы как маркеры сетевого дискурса в датасете с положительной тональностью (compound > 0,52 % от общей выборки) и в датасете с отрицательной тональностью (compound < 0,48 % от общей выборки). В результате анализа были выделены следующие группы: 1. Антропонимы, топонимы и этнонимы. 2. Даты и события, важные для Великобритании. 3. Названия партий. 4. Брексит. 5. COVID-19. 6. Сочетания с притяжательным местоимением, отражающие дихотомию «свой – чужие». 7. Расовый дискурс. 8. Фразы на испанском языке.

1. Антропонимы, топонимы и этнонимы. Антропонимы (*Jennifer Arcuri, Lindsay Hole, Peter Stefanovic, Prime minister Imran Khan, Johnson's former race advisor, Different Boris Johnson, Michael Gove, Nigel Farage, Nick Watt, David Cameron, Stephen Lawrence or Jo Cox tragedy, Peter Cruddas, Samuel Casumi, Ivan Duque, Scott Morrison, News chief Dorothy Byrne, Andrew Neil, Rachel Johnson, Matt Hancock, Ian Blackford, Prime minister Boris Johnson, Michael Heseltine, Karl Kraus, Kim Leadbeater, Ollie Robinson, Priti Patel, Lord Heseltine, Lord Sumption, Jo Cox, Labour MP Jess Philipps, Jack Grealish, Keir Starmer, Chris Witty*).

Большую часть антропонимов составляют имена политиков, бизнесменов, спортсменов, политических активистов, а также знаменитых людей шоу-бизнеса². Эти имена фиксируются в датасетах с отрицательной и положительной тональностью и отражают разное отношение, выраженное в комментариях пользователями социальных сетей:

(6) Boris Johnson's Government risks another Jo Cox or Stephen Lawrence tragedy by stoking culture war says man who quit as PM's most senior black adviser very true if his gushing Biden speech more cancel culture more binary more BLM nonsense bowing the knee is about floyd's criminal;

(7) @GBNEWS so... on your scrolling banner it's 'Sturgeon' for the lady but 'Prime Minister Boris Johnson' and 'Cabinet Office Minister Michael Gove' for the gents. Any special reason? Boorish.

Топонимы (*Northern Ireland, Great Britain, Corrupt Britain, Northern Ireland protocol, Cool Britannia, Downing street, UK farming, One Britain one nation, UK's electoral processes, England's knockout match, GB news, UK annual overseas aid budget, Edinburgh students, UK population*).

Этнонимы (*Scottish independence, British TV, British politics, British history, Russian state, Russian interference*).

Результаты анализа датасетов показали, что положительную тональность создают названия государств, призывы к единению (*One Britain one nation, four nations*):

(8) With businesses today calling for an end to trade frictions between Northern Ireland & the rest of the UK why are news shows not playing this

clip of Boris Johnson selling his Brexit deal on the PROMISE OF NO CHECKS on goods going from Great Britain to Northern Ireland on a loop?

Отрицательную тональность формирует фраза, содержащая этноним *Russian (Russian interference)*:

(9) In an 'extraordinary decision' a judge has rejected an attempt by a group of MPs and peers to compel Boris Johnson to investigate Russian interference in UK elections.

2. Даты и события, важные для Великобритании (*1st July, 21st June opening, 2019 tory manifesto, 55 million people's private medical history, over 20 million views, 5th anniversary, July 19th, G7 summit, new UK-Australia trade deal, Australian trade deal, Brexit trade deals*).

В комментариях с положительной тональностью упоминаются события, которые произошли: 19 июля – официальный Лондон снял практически все ранее введенные в стране карантинные ограничения; 1 июля – Уильям и Гарри открыли памятник принцессе Диане; Июль 2021 г. – Великобритания празднует 5-летнюю годовщину решения о Brexit; 15 июня 2021 г. – премьер-министры Великобритании и Австралии Борис Джонсон и Скотт Моррисон утвердили торговую сделку между двумя странами на встрече в Лондоне.

В комментариях с отрицательной тональностью отражена реакция пользователей на событие 21 июня – предварительной дате отмены в Великобритании всех ограничений, связанных с пандемией COVID-19:

(10) Can't believe Boris Johnson may postpone the 21st June opening because of the new variant. He must be furious with the man who refused to put India on the red list for weeks because he needs a trade deal, Boris Johnson.

Трехдневный саммит G7 в английском графстве Корнуолл с 12 по 14 июня 2021 г. комментируется как с положительной, так и отрицательной тональностью:

(11) The Guardian – #BorisJohnson facing humiliation ahead of #G7 summit;

(12) Boris Johnson has the chance to show Britain can still lead by example at the G7 summit / Editorial.

3. Названия партий (*Conservative party (business), Tory elite, White working class, Ethnic minorities, Tory friends, only conservative MPs*).

Только одна единица из данной категории зафиксирована в комментариях с отрицательной тональностью – *Tory elite*.

4. Брексит (*his Brexit deal, very divisive anti-immigrant Brexit campaign, Brexit spirit, Brexit trade deals, EU exit, EU referendum*).

В данной группе ключевым маркером является единица *his Brexit deal* – явно указывающая на сделку по Брекситу Бориса Джонсона. Данная единица встречается в обоих датасетах. Все остальные единицы встречаются в датасете с отрицательной тональностью:

(13) British politics is still drunk on Brexit spirit, and Boris Johnson won't call time;

(14) Boris Johnson's Brexit trade deals are a disaster for British farming;

(15) Six parliamentarians claim Boris Johnson unlawfully failed to act following a report they say found "credible evidence" of attempts to "interfere with the UK's electoral processes from at least the time of the EU referendum in 2016.

5. COVID-19 (*Boris Johnson variant, new variant, Delta variant, Delta farce, Covid packing, over 10 000 cases, emergency covid contracts, Alpha variant extended lockdown, lockdown era, conspiracy theory, focus group testing, Covid restrictions, Covid emergency public funds, emergency covid funding, avoidable deaths, anti-vax conspiracy theories, recent data, our vaxx's success*).

Несмотря на злободневность ситуации, связанной с пандемией COVID-19, количество единиц-маркеров, репрезентирующих ее, невелико.

Положительную тональность в комментариях пользователей выражают сочетания: *Boris Johnson variant, Covid packing, over 10 000 cases, Alpha variant lockdown era, focus group testing, avoidable deaths, recent data*, а отрицательную тональность – *new variant, Delta farce, emergency covid contracts, extended lockdown, Covid restrictions, conspiracy theory, anti-vax conspiracy theories, our vaxx's success*.

Сочетание *Delta variant* зафиксировано в обоих датасетах:

(16) If the Delta variant is ruining the UK's path out of lockdown, the blame for that lies at the Prime Minister's door;

(17) Delta variant could have R number as high as 7 without mitigating measures in place, MPs told.

6. Сочетания с притяжательным местоимением, отражающие дихотомию «свои – чужие» (*his Brexit deal, his past use, his new trade yacht, his most senior black adviser, her position, his wedding, our country, their donors, his (own) government, his team, my answer, my profile, my body, his efforts, his career, his country, their courage, your government, his rampant lying, its knees, his friend, our entire justice system, our democracy, his watch, your expense, our national security, his base, our democracy, his party, his English nationalism, our court case, their beds, his plans, his last election, his failure, his part, our democratic system, his wife, our boastful PM, his corrupt cabal benefit, its failure, his audience, his own country, his mistress, his teeth, their house renovation, his claim, my first death threat, their mates, your job, our vaxx's success, his failed team, your job*).

Отметим, что положительную тональность имеют комментарии, в которых оцениваются усилия Бориса Джонсона (*his efforts*), его сделка по Брекситу (*his Brexit deal*), его страна (*his country*), его друг (*his friend*), его выборы (*his election*), его жена (*his wife*):

(18) #BorisJohnson is leading his country through the most radical reshaping of its economy, electoral map, and international role since #WorldWarII. And he's using controlled #chaos to his political advantage. #Brexit #WWII #BrexitReality П#BrexitBritain.

Отрицательную тональность выражают следующие сочетания: *his past use, his most senior black adviser, his wedding, their donors, my answer, my body, his efforts, his career, your government, its knees, his friend, our entire justice system, his watch, our national security, our democracy, our court case, his plans, his failure, our democratic system, our boastful PM, its failure, his own country, his teeth, his claim, their mates, our vaxx's success, your job*. Например:

(19) People in Chesham and Amersham have a real opportunity to punish Boris Johnson for his failure to deliver on his roadmap. Just imagine if he loses a SAFE Tory seat on Thursday.

Если в датасете с положительной тональностью наблюдается большое количество маркеров, связанных с политикой, то в датасете с отрицательной тональностью доминируют единицы, обозначающие социальные, экономические и личные проблемы (*my body, his teeth, my first death threat, your job, our vaxx's success*):

(20) Yesterday I received my first death threat;

(21) How f...cked up is Parliament? Ian Blackford speaks the truth and is chastised. Boris Johnson repeatedly lies through his teeth and not a word is said. Is The Speaker dumb in more ways than one?

7. Расовый дискурс (*anti-racist gesture, racist language, race report, sexual abuse / sexual violence / child sexual abuse, shamefully low rape prosecutors, criminal justice system, violent crime, reported rapes, narrow, xenophobic, backward-looking thing*).

Данная немногочисленная категория маркеров представлена только в датасете с отрицательной тональностью и характеризует комментарии пользователей, озабоченных проблемами расизма в стране:

(22) @EliModnar Of course Boris Johnson has written countless racist articles and used racist language and he is definitely well grown;

(23) There is a risk that leaving the EU will be globally interpreted as a narrow, xenophobic, backward-looking thing to do.

8. Фразы на испанском языке (*reaçãoã o poderia ser diferente* – реакция не могла быть иной, *4 semanas* – 4 недели, *por manifestantes* – для манифестантов, *por dizer que* – чтобы сказать, что, *pezzo apestã o protestandona frente da sede* – люди протестуют перед штаб-квартирой, *ontem o boris johnson anunciou* – вчера Борис Джонсон объявил, *las cien mil* – сто тысяч, *primeiro-ministro da inglaterra* – премьер-министр Великобритании, *bem diferente de outro sujeito que* – хорошо отличается от другого парня, *se diz conservador* – если говорит консервативное, *y el presidente* – и президент, *ele a trata com respeito* – он относится с уважением).

Данные маркеры отражают политическую реакцию испаноговорящих жителей:

(24) Jornalista da BBC é questionado por manifestantes, por dizer que o Lockdown era legal;

(25) Boris Johnson, primeiro-ministro da Inglaterra, também é cobrado diariamente pela imprensa. Ele a trata com respeito: oferecia xícara de chá;

(26) Ontem o Boris Johnson anunciou que vai adiar o fim das restrições em 4 semanas. A reaçãoã o poderia ser diferente e as pessoas apestã o protestandona frente da sede do governo.

Заключение

Методология сетевой лингвистики в совокупности с методами Big Data позволила осуществить сбор масштабных эмпирических данных и провести исследование сетевого дискурса, формирующегося в отношении социально-политических акторов в социальных сетях. Разработанная и апробированная нами методика анализа сетевого дискурса предполагает изучение прагматических параметров, медийных параметров, структурно-семантических параметров, а также лингвистических параметров. Сетевой дискурс можно характеризовать как одну из форм проявления общественного мнения, которая запускает волну прагматических актов как в онлайн-, так и офлайн-пространстве.

На примере сетевого дискурса в социальной сети Twitter мы выявили положительную и отрицательную тональность комментариев, в которых выражены мнения пользователей о британском премьер-министре Борисе Джонсоне в 2021 г., и выделили маркеры (как совокупности тональностей) сетевого дискурса, структурированные по следующим категориям: антропонимы, топонимы и этнонимы; даты и события, важные для Великобритании; названия партий; Брексит; COVID-19; сочетания с притяжательным местоимением, отражающие дихотомию «свой – чужие»; расовый дискурс; фразы на испанском языке.

Результаты исследований, выполненных с применением представленной методики, могут применяться в ходе предвыборных кампаний для анализа и разработки стратегий работы с общественным мнением, усиления поддержки электората и трансформации мнений и оценок электората соперников и оппонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., руководитель В.В. Катермина).

The study is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 20-012-00033 entitled “Linguistic models of sociopolitical communication in the online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology of network data analysis” (2020–2022, chair V.V. Katermina).

² Jennifer Arcuri – Дженнифер Аркьюри – предпринимательница из Калифорнии, переехавшая в Великобританию в 2012 г., якобы получала правительственные гранты благодаря Джонсону, которого она называла близким другом. Американка, принимавшая участие в избирательной кампании мэра в 2012 г., предположительно получила несколько крупных сумм денег благодаря Борису Джонсону.

Peter Stefanovic – Питер Стефанович – австралийский журналист, репортер и телеведущий. Стефанович в настоящее время является соведущим First Edition на Sky News Australia.

Prime minister Imran Khan – Имран Хан – пакистанский государственный деятель, бывший профессиональный игрок в крикет. Является лидером партии «Движение за справедливость».

Michael Gove – Майкл Эндрю Гоув – британский политик и писатель, занимающий пост канцлера герцогства Ланкастер с 2019 г. и министра кабинета министров с 2020 года.

Nigel Farage – Найджел Пол Фараж – британский политик, с 22 марта 2019 г. – лидер Партии Brexit. В 2006–2016 гг. (с перерывами) был председателем Партии независимости Соединенного Королевства.

Nick Watt – Николас Ватт – британский журналист. В 2016 г. стал политическим редактором Newsnight Би-би-си.

Peter Cruddas – Питер Эндрю Круддас – английский банкир, бизнесмен и филантроп. Он является основателем компании онлайн-трейдинга CMC Markets. В списке богатых людей Sunday Times за 2007 г. он был назван самым богатым человеком в лондонском Сити, состояние которого оценивается в 860 миллионов фунтов стерлингов.

Ivan Duque – Иван Дуке Маркес – колумбийский политический и государственный деятель, Пре-

зидент Колумбии с августа 2018 г., ранее сенатор (2014–2018).

Michael Heseltine – достопочтенный Майкл Рэй Дибдин Хезелтайн, барон Хезелтайн – британский политик и бизнесмен, член Палаты общин (1966–2001), министр обороны Великобритании (1983–1986).

Ollie Robinson – Оливер Джордж Робинсон – известный как Олли Робинсон, является профессиональным игроком в крикет, который играет за Kent County Cricket Club.

Jo Cox – Хелен Джоанн «Джо» Кокс – политик Лейбористской партии Великобритании, член парламента от избирательного округа Батли и Спен. Активный сторонник защиты жертв гражданской войны в Сирии. Выступала против присоединения Великобритании к западной коалиции в Сирии. Была убита ультра националистом за неделю до референдума о членстве Британии в ЕС. Кокс была активной участницей кампании за сохранение членства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., 1993. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры. 207 с.
- Винокур Т. Г., 1993. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М. : Наука. 171 с.
- Катермина В. В., Рябченко Н. А., Липириды С. Х., Гнедаш А. А., Малышева О. П., 2020. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети Twitter в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г. // Политическая лингвистика. № 5 (83). С. 87–107. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-05-09>
- Кирилина А. В., Терентий Л. М., 2016. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психолингвистики. № 27. С. 130–139.
- Матусевич А. А., 2016. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Киров. 190 с.
- Митягина В. А., 2012. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : ОГИИК : Горизонт. С. 188–197.
- Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П., 2000. Модели и практики управления политическим контентом в online-

- пространстве современных государств в эпоху постправды : монография. М. : Флинта. 340 с.
- Рябченко Н. А., 2011. Online социальные сети в публичной политике: «семь мостов» Египта // Человек. Сообщество. Управление : науч.-информ. журн. № 4. С. 92–99.
- Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П., 2018. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. № 3. С. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А., 2019. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. № 2. С. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Рябченко Н. А., Малышева О. П., 2020. Характеристики современной политической коммуникации в online-пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 101–113.
- Сидорова И. Г., 2014. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 249 с.
- Стексова Т. И., 2014. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. № 1–2 (9–10). С. 81–88.
- Сусов И. П., 2006. Лингвистическая прагматика. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/PragmA.html>
- Фаломкина И. П., 2020. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Филология. Серия: Гуманитарные науки. № 8. С. 101–105.
- Формановская Н. И., 1987. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М. : Рус. яз. 156 с.
- Abbas J., Wang D., Su Z., Ziapour A., 2021. The Role of Social Media in the Advent of COVID-19 Pandemic: Crisis Management, Mental Health Challenges and Implications // Risk Management and Healthcare Policy. Vol. 14. P. 1917–1932. DOI: [10.2147/rmhps.284313](https://doi.org/10.2147/rmhps.284313)
- Boris Johnson's Conservatives Win Majority in UK Election – Experts React, 2019. URL: <https://dpspace.stir.ac.uk/bitstream/1893/30965/1/Kippin-Conversation-2019.pdf>
- Boris Johnson's First Year, 2020. URL: <https://www.qmul.ac.uk/mei/media/mei/documents/publications/Boris-Johnson%27s-First-Year.pdf>
- Cardoso G., Lapa T., Fátima D.B., 2016. People are the Message? Social Mobilization and Social Media in Brazil // International Journal of Communication. № 10. P. 3909–3930. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/302956928.pdf>
- Cooper L., Cooper Ch., 2019. ‘Get Brexit Done’: The New Political Divides of England and Wales at the 2019 Election. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106526/2/1467_923X.12918.pdf
- Ernst N., Engesser S., Büchel F., Blassnig S., Esser F., 2017. Extreme Parties and Populism: An Analysis of Facebook and Twitter Across Six Countries // Information, Communication & Society. № 20 (9). P. 1347–1364.
- Hart R., 2020. Trump and Us. What He Says and Why People Listen. Cambridge : Cambridge university press. 280 p.
- Lacatus C., 2020. Populism and President Trump's Approach to Foreign Policy: An Analysis of Tweets and Rally Speeches // Politics. Vol. 41, № 1. P. 31–47. DOI: [10.1177/0263395720935380](https://doi.org/10.1177/0263395720935380)
- Ladner K., Ramineni R., George K.M., 2019. Activeness of Syrian Refugee Crisis: An Analysis of Tweets // Social Network Analysis and Mining. DOI: [10.1007/s13278-019-0606-6](https://doi.org/10.1007/s13278-019-0606-6)
- Luo Y., Burley H., Moe A., Sui M., 2019. A Meta-Analysis of News Media's Public Agenda-Setting Effects, 1972–2015 // Journalism & Mass Communication Quarterly. № 96 (1). P. 150–172. DOI: [10.1177/1077699018804500](https://doi.org/10.1177/1077699018804500)
- Moussa M. B., 2013. Online Mobilization in Times of Conflict: A Framing-Analysis Perspective, Arab Media and Society (Issue 17, Winter 2013). URL: https://www.files.ethz.ch/isn/184967/20130221104809_Ben_Moussa_Mohamed.pdf
- Rosenblatt K., 2020. A Summer of Digital Protest: How 2020 Became the Summer of Activism Both Online and Offline. URL: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/summer-digital-protest-how-2020-became-summer-activism-both-online-n1241001>
- Ryabchenko N. A., Katermina V. V., Malysheva O. P., 2019. Political Content Management: New Linguistic Units and Social Practices // Church, Communication and Culture: Scientific Journal. Vol. 4, № 3. P. 305–322. DOI: <https://doi.org/10.1080/23753234.2019.1664916>
- Shaw A., 2016. Role of Social Media in Social Mobilization (With Special Reference to Shahbag and Hakkolorob Movements) // Global Media Journal – Indian Edition Summer. Vol. 7, № 1. URL: <https://www.caluniv.ac.in/global-media-journal/COMMENT-2016-NOV/C-5-F.pdf>
- Social Media & COVID-19: A Global Study of Digital Crisis Interaction Among Gen Z and Millennials, 2021. URL: <https://www.who.int/news-room/>

- feature-stories/detail/social-media-covid-19-a-global-study-of-digital-crisis-interaction-among-gen-z-and-millennials
- Social Media Use During COVID-19 Worldwide – Statistics & Facts. May 19, 2021. URL: <https://www.statista.com/topics/7863/social-media-use-during-coronavirus-covid-19-worldwide>
- Tracey S., 2017. Trust, Trump, and the Turnout: A Marketers Point of View // *American Behavioral Scientist*. Vol. 61, № 5. P. 526–532. DOI: 10.1177/0002764217701218
- UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign Early Reflections from Leading Academics, 2019. URL: http://eprints.bournemouth.ac.uk/33165/13/UK Election Analysis 2019_Jackson-Thorsen-Lilleker-and-Weidhase_v1.pdf
- REFERENCES**
- Baranov A.N., Plungyan V.A., Rahilina E.V., 1993. *Putevoditel po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A Guidebook on Discourse Words of the Russian Language]. Moscow, Pomovskiy i partner Publ. 207 p.
- Vinokur T.G., 1993. *Govoryashchiy i slushayushchiy: variant rechevogo povedeniya* [Speaking and Listening. Variants of Speech Behavior]. Moscow, Nauka Publ. 171 p.
- Katermina V.V., Ryabchenko N.A., Lipiridi S.Kh., Gnedash A.A., Malysheva O.P., 2020. Issledovanie lingvisticheskoy modeli politicheskikh kommunikatsiy v socialnoy seti Twitter v otnoshenii prezidenta SShA D. Trampa v marte – iyune 2020 g. [The Study of Linguistic Model of Political Communications on Twitter About US President D. Trump in March–June 2020]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (83), pp. 87-107. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-05-09>
- Kirilina A.V., Terenty L.M., 2016. Opyt lingvisticheskoy diagnostiki mezhnatsionalnoy napryazhennosti v internet-diskurse [Experience of Linguistic Diagnostics of Interethnic Tension in Internet Discourse]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], no. 27, pp. 130-139.
- Matusevich A.A., 2016. *Obshchenie v socialnykh setyakh: pragmaticheskyy, kommunikativnyy, lingvostilisticheskyy aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Communication in Social Networks: Pragmatic, Communicative, Linguo-Styletic Aspects. Cand. philol. sci. dis.]. Kirov. 190 p.
- Mityagina V.A., 2012. Internet-kommentariy kak kommunikativnoe deystvie [Internet Commentary as a Communicative Action]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Orel, OGIK, Gorizont Publ., iss. 10, pp. 188-197.
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P., 2000. *Modeli i praktiki upravleniya politicheskim kontentom v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv v epokhu postpravdy: monografiya* [The Models and Practices of Political Content Management in Modern States' Online Space in the "The Post-Truth" Era. Monograph]. Moscow, Flinta Publ. 340 p.
- Ryabchenko N.A., 2011. Online sotsialnye seti v publichnoy politike: «sem' mostov» Egipta [Online Social Networks in Public Policy: "Seven Bridges" of Egypt]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: nauch.-inform. zhurn.* [Human. Community. Management. Scientific and Informational Journal], no. 4, pp. 92-99.
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P., 2018. Politicheskyy content sotsialnykh dvizheniy v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika [Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Analytical Methodology and Research Practice]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], no. 3, pp. 139-162. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A., 2019. Upravlenie politicheskim kontentom v sotsialnykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy [Presidential Campaign in Post-Truth Era: Innovative Digital Technologies of Political Content Management in Social Networks Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. [Polis. Political Studies], no. 2, pp. 92-106. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., 2020. Harakteristiki sovremennoy politicheskoy kommunikatsii v online-prostranstve [Characteristics of Modern Political Communication in the Online Space]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 101-113.
- Sidorova I.G., 2014. *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personalnogo internet-diskursa (sayt, blog, sotsialnaya set', kommentariy): dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and Pragmatic Characteristics of Genres of Personal Internet Discourse (Website, Blog, Social Network, Commentary). Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 249 p.

- Steksova T.I., 2014. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost [Comment as a Speech Genre and Its Variability]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 1-2 (9-10), pp. 81-88.
- Susov I.P., 2006. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/PragmA.html>
- Falomkina I.P., 2020. Rechevaya agressiya v kommentariyakh sotsialnykh setey i monitoring sotsialnoy napryazhennosti (na materiale kommentariyev v profile @kuzbass_news) [Speech Aggression in the Comments of Social Networks and Monitoring of Social Tension (Based on Comments in the @kuzbass_news Profile)]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problem teorii i praktiki. Filologiya. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Topical Problems of Theory and Practice. Philology. Series: Humanities], no. 8, pp. 101-105.
- Formanovskaya N.I., 1987. *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodologicheskiy aspekt* [Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 156 p.
- Abbas J., Wang D., Su Z., Ziapor A., 2021. The Role of Social Media in the Advent of COVID-19 Pandemic: Crisis Management, Mental Health Challenges and Implications. *Risk Management and Healthcare Policy*, vol. 14, pp. 1917-1932. DOI: 10.2147/rmhps.284313
- Boris Johnson's Conservatives Win Majority in UK Election – Experts React*, 2019. URL: <https://dspace.stir.ac.uk/bitstream/1893/30965/1/Kippin-Conversation-2019.pdf>
- Boris Johnson's First Year*, 2020. URL: <https://www.qmul.ac.uk/mei/media/mei/documents/publications/Boris-Johnson%27s-First-Year.pdf>
- Cardoso G., Lapa T., Fátima D.B., 2016. People are the Message? Social Mobilization and Social Media in Brazil. *International Journal of Communication*, no. 10, pp. 3909-3930. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/302956928.pdf>
- Cooper L., Cooper Ch., 2019. 'Get Brexit Done': The New Political Divides of England and Wales at the 2019 Election. URL: http://eprints.lse.ac.uk/106526/2/1467_923X.12918.pdf
- Ernst N., Engesser S., Bichel F., Blassnig S., Esser F., 2017. Extreme Parties and Populism: An Analysis of Facebook and Twitter Across Six Countries. *Information, Communication & Society*, no. 20 (9), pp. 1347-1364.
- Hart R., 2020. *Trump and Us. What He Says and Why People Listen*. Cambridge, Cambridge University Press. 280 p.
- Lacatus C., 2020. Populism and President Trump's Approach to Foreign Policy: An Analysis of Tweets and Rally Speeches. *Politics*, vol. 41, no. 1, pp. 31-47. DOI: 10.1177/0263395720935380
- Ladner K., Ramineni R., George, K. M. Activeness of Syrian Refugee Crisis: An Analysis of Tweets. *Social Network Analysis and Mining*. DOI: 10.1007/s13278-019-0606-6
- Luo Y., Burley H., Moe A., Sui M., 2019. A Meta-Analysis of News Media's Public Agenda-Setting Effects, 1972–2015. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, no. 96 (1), pp. 150-172. DOI: 10.1177/1077699018804500
- Moussa M.B., 2013. *Online Mobilization in Times of Conflict: A Framing-Analysis Perspective, Arab Media and Society (Issue 17, Winter 2013)*. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/184967/20130221104809_Ben_Moussa_Mohamed.pdf
- Rosenblatt K., 2020. *A Summer of Digital Protest: How 2020 Became the Summer of Activism Both Online and Offline*. URL: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/summer-digital-protest-how-2020-became-summer-activism-both-online-n1241001>
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Malysheva O.P., 2019. Political Content Management: New Linguistic Units and Social Practices. *Church, Communication and Culture: Scientific Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 305-322. DOI: 10.1080/23753234.2019.1664916
- Shaw A., 2016. Role of Social Media in Social Mobilization (With Special Reference to Shahbag and Hakkolorob Movements). *Global Media Journal – Indian Edition Summer*, vol. 7, no. 1. URL: <https://www.caluniv.ac.in/global-media-journal/COMMENT-2016-NOV/C-5-F.pdf>
- Social Media & COVID-19: A Global Study of Digital Crisis Interaction Among Gen Z and Millennials*, 2021. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/social-media-covid-19-a-global-study-of-digital-crisis-interaction-among-gen-z-and-millennials>
- Social Media Use During COVID-19 Worldwide – Statistics & Facts. May 19, 2021*. URL: <https://www.statista.com/topics/7863/social-media-use-during-coronavirus-covid-19-worldwide>
- Tracey S., 2017. Trust, Trump, and the Turnout: A Marketers Point of View. *American Behavioral Scientist*, vol. 61, no. 5, pp. 526-532. DOI: 10.1177/0002764217701218
- UK Election Analysis 2019: Media, Voters and the Campaign Early Reflections from Leading Academics*, 2019. URL: http://eprints.bournemouth.ac.uk/33165/13/UK Election Analysis 2019_Jackson-Thorsen-Lilleker-and-Weidhase_v1.pdf

Information About the Authors

Veronika V. Katermina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russia, katermina_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Anna A. Gnedash, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russia, anna_gnedash@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3516-107X>

Информация об авторах

Вероника Викторовна Катермина, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Россия, katermina_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Анна Александровна Гнедаш, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Россия, anna_gnedash@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3516-107X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.5>

UDC 811.111'42:161.225.232
LBC 81.432.1-51

Submitted: 22.07.2021
Accepted: 21.03.2022

EVALUATIVE UTTERANCE IN THE ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE (19th AND THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY)

Olga L. Byessonova

Donetsk National University, Donetsk, DPR;
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Oksana I. Ostashova

Donetsk National University, Donetsk, DPR

Abstract. The article addresses evaluative utterance, which is considered in terms of its subject-matter, semantics and structure on the material of British and American fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th centuries. The classification of value-related objects of evaluation as reflected in the fictional discourse of the selected periods is presented. The suggested classification incorporates evaluative utterances describing two thematic spheres, i.e. “Human being” and “Surrounding world”. The dynamics of positive and negative evaluative utterance types in the period under study is described. The proportion of emotional and rational components in the complex meaning of evaluative utterances is determined. Trends in evolution of semantic types of evaluative utterances in the English fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th centuries are brought into the open. Structural types of sentences, in which evaluative attitude is verbalized, are singled out, with their communicative productivity being identified and compared. The structural components of the evaluative predicate are outlined. Frequency value of morphological-and-semantic evaluative means and means of a mixed type is identified in the fictional discourse under analysis. Means of modifying the expressiveness degree in the evaluative utterances are described. The suggested approach to the evaluative utterances in the fictional discourse demonstrates the dynamics of axiological worldview of the speaking community. The growing trends for communicative compression and transparency, for the increase in emotiveness of evaluative utterances and a greater degree of gradation of the evaluative attribute, as well as the corresponding language changes, related to the phenomenon of evaluative utterance, are reflected in the linguistic worldview.

Key words: diachronic approach, evaluation, evaluative utterance, evaluative predicate, fictional discourse, axiological worldview.

Citation. Byessonova O.L., Ostashova O.I. Evaluative Utterance in the English Fictional Discourse (19th and the First Half of the 20th Century). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 72-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.5>

УДК 811.111'42:161.225.232
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 22.07.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ОЦЕНОЧНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ольга Леонидовна Бессонова

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР;
Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Оксана Игоревна Осташова

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Аннотация. Статья посвящена описанию тематики, семантики и структуры высказываний, выражающих оценочное суждение, в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века. Выделены ценностно-ориентированные объекты оценки в рамках оценочных высказываний и систематизированы в виде классификации, включающей тематические области «Человек» и «Окружающий мир». Показана динамика типов оценочных высказываний по характеру оценки в исследуемые периоды. Определено соотношение эмоционального и рационального компонентов оценочного значения в сложной семантической структуре оценочного высказывания. Выявлены изменения семантических типов оценочных высказываний в художественном дискурсе обоих периодов. Описаны структурные типы предложений, в которых реализуется оценочное высказывание, установлена их коммуникативная продуктивность. Рассмотрены компоненты структуры оценочного предиката, вычислена частотность использования морфолого-семантических и комбинированных средств выражения оценки в его структуре. Охарактеризованы средства модификации степени экспрессивности оценочного суждения в художественном дискурсе изучаемых периодов. Полученные результаты демонстрируют динамику ценностной картины мира англоязычного лингвокультурного сообщества, стремление носителей языка к коммуникативной компрессии и транспарентности, тенденции к ослаблению строгих норм коммуникативного поведения, возрастанию эмотивности оценочных высказываний и большей градуированности степени проявления оценочного признака.

Ключевые слова: диахронический подход, оценка, оценочное высказывание, оценочный предикат, художественный дискурс, ценностная картина мира.

Цитирование. Бессонова О. Л., Осташова О. И. Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 72–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.5>

Введение

В условиях постоянно меняющихся ценностных ориентиров в современном поликультурном социуме языковая категория оценки в силу ее универсального характера обладает стабильностью и богатым потенциалом для изучения. Большинство исследователей предлагают определять оценку через логико-философское понятие ценности, так как именно система ценностей составляет и предопределяет смысл бытия человека. Оценка, являясь антропоцентрической категорией, ориентирована на отражение ценностной сущности предмета или явления с точки зрения взглядов интересов лица или социума [Bessonova, 2018]. Под категорией оценки вслед за А.В. Куниным понимается объективно-субъективное и субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [Кунин, 1986]. При такой интерпретации оценки значимой становится коммуникативная деятельность человека, для которой язык является главной конституирующей характеристикой.

В лингвистических исследованиях представлены разные аспекты изучения оценки [Кошкарева, 2021], подходы к ее толкованию [Вольф, 2002; Кунин, 1986], к определению объема данной категории [Bessonova, 2018],

к проблеме типологии оценочных значений [Huston, 2011; Martin, White, 2005]. Многогранность и сложность рассматриваемого вопроса связана с тем, что проблема оценочности пересекается со множеством других проблем теоретического и прикладного характера: с проблемой соотношения языка и речи [Болдырев, 2017; Apresjan, 2020], субъективного и объективного факторов в языке [Фурс, Худанян, 2016; Conrad, Biber, 2000], с проблемами экспрессивности [Кочетова, 2013], эмоциональности [Волкова, Панченко, 2020; Зайнульдинов, Керо Хервилья, 2019; Шаховский, 2008], градуальности или градации [Ткаченко, 2019]. Следует отметить публикации, в которых обобщается роль оценки в дискурсе [Channell, 2000; Conrad, Biber, 2000; Thompson, Hunston, 2000], работы по функционированию категории оценки в медиадискурсе [Bednarek, 2006; Кокина, 2019], в публичном дискурсе [Шипицина, 2016], в рекламном дискурсе [Кочетова, 2013; Вара, 2013], в воспитательном дискурсе [Цинкерман, 2015], в художественном дискурсе [Волкова, Панченко, 2020], в мультимодальной речи [Huston, 2011], а также работы, посвященные изучению прагматических особенностей оценки в разных коммуникативно-дискурсивных контекстах [Martin, White, 2005]. На современном этапе развития языкознания актуальной является тенденция

к изучению проблем, связанных с раскрытием природы языковых явлений в диахроническом аспекте для установления векторов их развития и направлений эволюции. В данном аспекте несомненный интерес вызывают работы, посвященные исследованию текста и дискурса в диахроническом аспекте [Акимова, 2010; Ильинова, Кочетова, 2016; Раклов, 2018; Цинкерман, 2015].

Диахронический подход перспективен при рассмотрении оценочного высказывания (далее – ОВ) как одного из способов реализации оценочного значения, поскольку позволяет показать эволюцию механизмов репрезентации оценочного отношения в речевых образованиях, используемых участниками коммуникативного процесса для осуществления своих коммуникативных интенций, а также установить изменения в ценностной картине мира в тот или иной период.

Оценочное высказывание – это один из способов реализации оценочного значения и в свете функционально-коммуникативного подхода вслед за Н.И. Формановской [2002] определяется нами как интенционально обусловленное, грамматически, семантически и интонационно организованное речевое образование, с помощью которого субъект выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации.

Цель данного исследования заключается в обнаружении и описании особенностей реализации оценочного отношения в высказываниях различной структуры, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века.

Материал и методы исследования

Художественный дискурс, выступающий источником эмпирического материала исследования, является отражением художественной коммуникации, а также одним из способов ее реализации. Его субъекты – это не только автор и читатель, но и персонажи как языковые личности, которые говорят и слушают, думают и действуют в придуманном мире согласно своим ценностям и принципам. Художественный дискурс, представляя способ познания и переживания мира человеком определенного

общества, отражает универсалии культуры того или иного исторического периода, которые можно установить с помощью комплексного анализа, направленного на исследование эволюции языковых средств, реализующих категорию оценки, и на выявление изменений в ценностной картине мира представителей лингвокультурного сообщества в изучаемые периоды.

Корпус эмпирического материала составили 2817 ОВ, из которых 1871 высказывание извлечено из произведений XIX в., а 946 – из произведений XX века. Одним из основных критериев отбора материала исследования является функционирование оценочной лексической единицы в предикативной позиции по отношению к глаголу-связке (*to be, to seem, to look*) в структуре ОВ. При отборе эмпирического материала также учитывались следующие критерии:

- семантический план содержания высказываний составляет оценка, которая интерпретируется как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф, 2002, с. 12];

- высказывание характеризуется прямой узуальной оценкой, то есть оценочная сема (положительная / отрицательная) является ингерентной частью денотативного или коннотативного значения оценочного предиката (далее – ОП). ОП относятся к предикатам состояния. Как правило, они выступают в контекстах с одним актантом, однако характеризуются многовекторностью и возможностью ориентации на несколько параметров (критериев, мотивировок) оценки;

- инвариантным компонентом синтаксической структуры ОВ является глагол-связка (*to be, to look, to seem* и др.), который предшествует именной части ОВ и указывает на то, что релевантная информация содержится в следующем компоненте высказывания. Кроме того, своей грамматической формой и семантикой связка уточняет значимость именного компонента, актуализирует в нем значение предикативного признака;

- ОВ является фрагментом монологической или диалогической речи персонажей художественных произведений, то есть характеризуется прагматическим потенциалом и воплощает в себе воздействующую функцию языка;

– ОВ может выходить за рамки одного или нескольких предложений, потому что оно квалифицируется в границах коммуникативной ситуации, то есть высказывание не ограничивается в аспекте языковой выраженности и находит свою логическую завершенность в достижении коммуникативной цели. ОВ возможно адекватно интерпретировать исключительно с учетом контекста, в котором они функционируют, поскольку их интерпретация, как правило, требует пояснения и уточнения позиций, с которых дается оценка, а также знания общего фона коммуникации.

Методика анализа ОВ базируется на использовании следующих методов: контекстуального анализа – для комплексного описания эволюции средств выражения оценочных смыслов в речи персонажей в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.; сопоставительного анализа – для выявления общих и отличительных черт в тематике, структуре и семантике оценочных высказываний в исследуемых периодах; лингвокультурологического анализа – для установления взаимосвязи структурных и коммуникативно-прагматических особенностей оценочных высказываний с принципами, ценностями и культурой общения, бытующей в обществе в указанные периоды. Применение метода количественного анализа позволяет описать основные тенденции эволюции категории оценки в художественном дискурсе XIX и первой половины XX века.

Результаты и обсуждение

Тематика ОВ

В художественном дискурсе XIX и первой половины XX в. можно выделить две тематические области, на которые направлена оценка персонажей рассмотренных художественных произведений: «Человек» (1347 контекстов, или 72 %, в художественном дискурсе XIX в. и 615 контекстов, или 65 %, в художественном дискурсе первой половины XX в.) и «Окружающий мир» (524 контекста, или 28 %, в художественном дискурсе XIX в. и 331 контекст, или 35 %, в художественном дискурсе первой половины XX в.).

ОВ тематической области «Человек» разделены на 12 групп, которые соотносятся

с основными характеристиками человека как индивида с определенными социально-культурными и психологическими характеристиками: «внешность», «характер», «умственные способности / талант», «поведение / манеры», «поступки», «профессиональная деятельность», «материальное положение», «статус / популярность», «здоровье», «эмоциональное состояние», «развлечения / занятия», «межличностные отношения». К тематической области «Окружающий мир» относятся ОВ, отражающие оценку объектов и явлений, существующих независимо от субъекта оценки (далее – СО), но так или иначе влияющих на него. Внутри данной тематической области выделены 10 групп: «предметы обихода», «одежда», «еда / напитки», «строения / места», «природа», «погода», «период времени», «событие», «мероприятие», «ситуация». Среди ОВ, функционирующих как в XIX в., так и в первой половине XX в. превалирует тематическая область, связанная с человеком и его особенностями (см. табл. 1).

Как свидетельствуют данные таблицы 1, в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в. представлены все тематические группы. В художественном дискурсе XIX в. превалируют ОВ, относящиеся к тематическим группам «характер» (592 контекста – 44 % от корпуса ОВ, объединенных в тематическую область «Человек»), «внешность» (282 контекста – 21 %), «умственные способности» (145 контекстов – 10 %), «поведение» (105 контекстов – 8 %). В художественном дискурсе первой половины XX в. ОВ, относящиеся к группе «характер», в количественном отношении уступают ОВ данной группы в художественном дискурсе XIX в. (135 ОВ – 22 %). Анализ корпуса эмпирического материала показывает, что для первой половины XX в. значимой категорией становится поведение индивида, в котором проявляется взаимосвязь человека и общества, борьба индивидуальных и общественных ценностей. ОВ группы «поведение» (20 %) количественно превосходят ОВ этой же группы в дискурсе XIX в. (8 %). В первой половине XX в. частотны ОВ типа *You damned swine* (Fitzgerald, p. 97), в которых дается отрицательная оценка поведения человека, характеризующаяся высокой степенью эмоциональ-

ности и выраженная стилистически сниженной лексикой.

ОВ группы «внешность» занимают второе место по количеству в анализируемых текстах XIX в. (282 контекста, или 21 %) и третье место в художественном дискурсе первой половины XX в. (112 контекстов, или 18%), что подчеркивает одинаковую для обоих периодов аксиологическую релевантность внешности в ценностной картине мира. Очевидно, что внешний облик собеседника становится объектом оценки в процессе коммуникации. Однако в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в. имеются особенности в оценке внешности. Например, для XIX в. оценивание внешности осуществляется через призму возраста:

(1) He knows that he is a **very handsome young man**, and a great favourite wherever he goes (Austen).

Такие ОВ часто встречаются в диалогах и монологах персонажей.

В текстах первой половины XX в. оценка внешности с помощью аффективных прилагательных *splendid*, *stunning*, *rotten*, *disgusting* и посредством сравнений, скорее всего, выражает сиюминутное чувство восторга или отвращения при виде собеседника:

(2) You are as beautiful as a Greek god (Galsworthy, 2004, p. 123).

В корпусе эмпирического материала первой половины XX в. встречаются контексты, в которых дается детальная оценка внешности, вследствие этого внешность воспринимается как конструктор, например:

(3) Mouth too large, face too pudding, nose too fleshy. Thank God, I've got good eyes and good legs. Exquisite legs. <...> Damn it all, I don't look so bad (Maugham, 1998, p. 55).

Однако в XIX в. наблюдается уверенность в том, что непривлекательная внешность человека может компенсироваться социально важными чертами характера:

(4) Miss Campbell always was absolutely plain – but extremely elegant and amiable (Austen).

Для художественного дискурса XIX в. характерна также частая оценка умственных способностей человека (145 контекстов – 10 %), что свидетельствует о высокой общественной ценности этого качества, так как ум и интеллигентность соотносились в значительной степени с моралью в социальных отношениях. Эмпирический материал свидетельствует о том, что умственные способности в XIX в. обычно оцениваются положительно с помощью прилагательных *clever*, *intelligent* и т. д., в то время как в первой половине XX в. – чаще всего отрицательно

Таблица 1. Количественная характеристика оценочных высказываний, репрезентирующих тематическую область «Человек» в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.

Table 1. Quantitative characteristics of evaluative utterances representing thematic sphere “Human being” in fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th century

№ п/п	Группа	Период			
		XIX век		I-я половина XX века	
		Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
1	Характер	592	44	135	22
2	Внешность	282	21	112	18
3	Умственные способности / талант	145	10	63	10
4	Поведение / манеры	105	8	124	20
5	Межличностные отношения	56	5	19	3
6	Развлечения / занятия	47	3,4	12	2
7	Эмоциональное состояние	33	2,3	39	6,5
8	Поступки	25	2	38	6,3
9	Материальное положение	21	1,5	27	4,4
10	Здоровье	18	1,2	5	1
11	Статус / популярность	14	1	11	2
12	Профессиональная деятельность	9	0,6	30	4,8
	Всего	1347	100	615	100

посредством оценочных существительных *fool, idiot* и др.

В художественном дискурсе XIX в. почти не встречаются высказывания, в которых оцениваются профессиональные навыки человека (9 ОВ – 0,6 %), хотя в художественном тексте может быть детально описана жизнь представителей таких профессий, как гувернантка или учительница. Зачастую в ОВ с существительными – наименованиями профессий оценивается характер человека (пример (5)) или умственные способности (пример (6)):

(5) Miss Eyre has been... a kind and careful teacher to Adele (Bronte);

(6) “Indeed,” cried Rosamond, she is clever enough to be a governess in a high family, papa (Bronte).

Важно отметить, что в XIX и первой половине XX в. популярными являются разные занятия. В ОВ XIX в. в основном оцениваются такие творческие занятия, как рисование, игра на пианино, пение, чтение, прогулки:

(7) Her performance on the pianoforte is exquisite (Austen, 2009, p. 48).

В фокусе ОВ художественного дискурса XX в. находятся разные виды спорта, занятия искусством, например:

(8) The man of the monocle and bottle spoke suddenly out of the sky above Rosemary. ‘You are a ripping swimmer.’ She demurred (Fitzgerald, p. 10).

В художественном дискурсе первой половины XX в. в сравнении с художественным дискурсом XIX в. возрастает количество высказываний, с помощью которых персонажи оценивают свое эмоциональное состояние (ср.: XIX в. – 33 контекста, или 2,3 %; первая половина XX в. – 39 контекстов, или 6 %). Этот факт объясняется тенденцией в первой половине XX в. распознавать и оценивать эмоциональное состояние, вызванное частую негативным контактом индивида с обществом.

Группы ОВ тематической области «Окружающий мир» в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в. представлены в таблице 2.

В художественном дискурсе XIX в. наибольшее количество ОВ (97 контекстов – 19 %) относится к тематической группе «строения / места». Необходимо отметить, что в корпусе текстового материала первой половины XX в. эта группа занимает третье место по количеству ОВ (43 контекстов – 13 %). Интересным является тот факт, что в XIX в. говорящие часто обращаются к оценке погоды, что делает эту тематическую группу ОВ второй по значимости в художественном дискурсе данного периода (82 контекста – 16 %). Приведем пример:

Таблица 2. Количественная характеристика оценочных высказываний, репрезентирующих тематическую область «Окружающий мир» в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.

Table 2. Quantitative characteristics of evaluative utterances representing thematic sphere “Surrounding world” in fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th century

№ п/п	Группа	Период			
		XIX век		1-я половина XX века	
		Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
1	Строения / места	97	19	43	13
2	Погода	82	16	10	3
3	Мероприятия	70	13	36	11
4	Период времени	63	12	30	9
5	Природа	58	11	16	5
6	Еда/напитки	42	8	13	4
7	События	42	8	73	22
8	Предметы обихода	31	6	23	7
9	Одежда	21	4	21	6
10	Ситуации	18	3	66	20
	Всего	524	100	331	100

(9) “It is a most severe and cold day today! He will not come.” – “Such a sad loss to our party today!” (Austen).

В художественном дискурсе XIX в. частотными являются контексты, относящиеся к тематической группе «мероприятия» (70 контекстов – 13 %). В отличие от этого в художественном дискурсе первой половины XX в. широко представлены тематические группы «события» и «ситуации», актуализируемые в 73 ОВ (22 %) и 66 ОВ (20 %) соответственно. Продуктивность ОВ, входящих в эти группы, объясняется высокой вовлеченностью индивида в социальную жизнь и желанием оценить обстоятельства, в которые он попадает (контекст (10)) и события, происходящие вокруг него (контекст (11)). Например:

(10) She had understood quickly that as the wife of the Government bacteriologist she was of no particular consequence. It made her very angry. “**It’s too absurd,**” she told her husband (Maugham);

(11) I’m not ashamed about last night – **it was the nicest thing** that ever happened to me and even if I never saw you again, Mon Capitaine, I would be glad it happened (Fitzgerald, p. 230).

Типы ОВ по характеру оценки

Классификация ОВ по характеру оценки является одной из наиболее важных, так как позволяет рассмотреть системные изменения оценочного значения в речи и составить представление о ценностной картине мира лингвокультурного сообщества в исследуемые периоды. Количественная характеристика таких типов ОВ показана в таблице 3.

В художественном дискурсе XIX в. отмечено практически одинаковое соотноше-

ние положительно-оценочных (840 контекстов – 45 %) и отрицательно-оценочных (781 контекстов – 42 %) ОВ. Количество отрицательно-оценочных высказываний возрастает в художественном дискурсе первой половины XX в. и составляет 497 контекстов (53 %), что, очевидно, связано с изменениями психологического и эмоционального состояния представителей лингвокультурного сообщества в первой половине XX в., обусловленными политическими, социальными и экономическими переменами. Количественно отрицательно-оценочные высказывания значительно превосходят положительно-оценочные высказывания, которые составляют всего 340 контекстов (36 %). Зафиксировано практически одинаковое количество ОВ с комбинированной оценкой в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.: 250 контекстов (13 %) и 109 контекстов (11 %) соответственно, что обусловлено намерением говорящих ослабить категоричность отрицательного ОВ, подкрепив его положительной характеристикой другого аспекта.

Семантические типы ОВ

Количественное соотношение семантических типов оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX в. представлено в таблице 4.

В художественном дискурсе XIX в. чаще всего отмечаются высказывания с эмоциональной оценкой (50 %), их количество повышается в XX в. (65 %). ОВ эмоционального типа характеризуются большей степенью категоричности и экспрессивности в первой половине XX в., например:

Таблица 3. Типы ОВ по характеру оценки в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.

Table 3. Types of evaluative utterances according to the character of evaluation in fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th century

Тип ОВ	Период			
	XIX век		1-я половина XX века	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Положительно-оценочные	840	45	340	36
Отрицательно-оценочные	781	42	497	53
С комбинированной оценкой	250	13	109	11
Всего	1871	100	946	100

(12) **Ah!** Let's go! It's a **ghastly** show (Galsworthy, 2004, p. 19).

В художественном дискурсе первой половины XX века ОБ рационального типа отмечены реже (40 % – в XIX в., 25 % – в первой половине XX в.), они менее субъективны, и им свойственна мотивированность нормами и стандартами общения, закрепленными в обществе.

Структура ОБ

Структурные типы предложений, в которых реализуется оценочное отношение в художественном дискурсе, систематизированы в таблице 5.

В художественном дискурсе XIX и первой половины XX веков преобладают ОБ, которые соотносятся с простым двусоставным предложением. Например:

(13) That is surely an attractive trait (Maugham).

Такие предложения отличаются многообразием структурных моделей и неограниченными возможностями выражения оценочного смысла. Более частотными являются повествовательные предложения, причем повествовательные восклицательные предложе-

ния подчеркивают спонтанность и ситуативность оценки:

(14) Oh my dear! How marvelous! (Maugham, 1998, p. 175).

Кроме повествовательных предложений отмечены также вопросительные оценочные предложения, которые, как правило, выполняют прагматическую функцию. Например:

(15) Is not she an angel in every gesture? (Austen);

(16) She's extremely beautiful, Jane, isn't she? (Bronte).

В контексте (15) говорящий как бы вовлекает слушающего в разговор, ищет поддержки своего оценочного суждения. В примере (16) используется разделительный вопрос, который снижает категоричность ОБ в целом.

Простые предложения могут иметь усеченную (эллиптическую) структуру, в которых опущен или глагол-связка, или лексема, указывающая на объект оценки. В художественном дискурсе XX в. такая синтаксическая структура свидетельствует о достаточно эмоциональной ситуативной оценке:

(17) "You unsociable devil." George's eyes seemed to answer (Galsworthy, 2004, p. 11).

Таблица 4. Семантические типы оценки в художественном дискурсе XIX и первой половины XX в.

Table 4. Semantic types of evaluation in fictional discourse of the 19th and the first half of the 20th century

Тип оценки	Период			
	XIX век		1-я половина XX века	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Эмоциональная оценка	935	50	615	65
Рациональная оценка	748	40	236	25
Эмоционально-рациональная оценка	188	10	95	10
Всего	1871	100	946	100

Таблица 5. Структурные особенности оценочных высказываний

Table 5. Structural peculiarities of evaluative utterances

Тип предложения	Период			
	XIX век		1-я половина XX века	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Простое	842	45	596	63
Сложноподчиненное	748	40	237	25
Сложносочиненное	281	15	113	12
Всего	1871	100	946	100

В художественном дискурсе XIX в. эллипсис используется также для экономии времени и краткости при выражении рациональной оценки:

(18) I think you good, gifted and lovely (Bronte).

ОВ могут выступать частью сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, имеющих различную синтаксическую структуру, которая обусловлена намерением говорящего, ситуацией в целом, а также оценочным значением, которое реализуется. Сложносочиненные предложения с ОВ составляют незначительную часть контекстов. Средством связи могут выступать союз *and*, реализующий функцию аргументации, и союз *but*, актуализирующий функции противопоставления, каузации и смягчения отрицательной оценки. Количественная представленность сложноподчиненных предложений, включающих ОВ, в художественном дискурсе XIX в. выше, чем в дискурсе первой половины XX в., что объясняется общей тенденцией к использованию сложных структур в коммуникации XIX в. для демонстрации уровня образованности и интеллекта.

Средства выражения оценки в оценочном предикате

Для анализа прагматического потенциала и выявления динамики оценки большое значение имеет систематизация языковых средств, участвующих в ее выражении. Среди них можно выделить: морфолого-семантические средства (прилагательные и существительные с оценочной семой в денотативном или коннотативном значении) и комбинированные средства (разные модели словосочетаний, выражающих оценку).

Прилагательные являются наиболее многочисленным классом из всего ряда средств выражения оценки в англоязычном художественном дискурсе. В выборке ОВ из произведений XIX в. прилагательные составили 45 % (841 контекст), а из произведений первой половины XX в. – 54 % (510 контекстов). В художественном дискурсе первой половины XX в. ОВ содержат прилагательные с семой отрицательной или положительной

оценки, выражающие интенсивность проявления признака. В произведениях XIX в., и первой половины XX в. в оценочных высказываниях персонажей отражается тенденция к соблюдению общественно принятых норм речевого поведения, что выражено в отсутствии табуированных прилагательных и вулгаризмов. Кроме того, установлено, что в художественных текстах первой половины XX в. имеется тенденция с помощью ОВ не только передать отношение к объекту оценки, но и выразить сопутствующие, зачастую отрицательные эмоции – иронию, насмешку, пренебрежение и т. д., например:

(19) Tom? **A poor little snob.** His only ambition in life is to be a gentleman, and he hasn't the sense to see that the more he tries, the more hopeless it is (Maugham, 1998, p. 273).

Иногда в художественном дискурсе как XIX в., так и первой половины XX в. коммуниканты прибегают к использованию оценочных прилагательных в превосходной степени, что увеличивает категоричность всего ОВ. Например:

(20) You will know it all in time. The most unaccountable business! But hush, hush! (Austen);

(21) I suppose he's far and away the most popular man in Hong Kong (Maugham).

Прилагательные в ОВ могут быть частью сравнительных конструкций:

(22) We cannot suppose that she has any great enjoyment at the Vicarage, but it is better than being always at home (Austen);

(23) I would not be so fastidious as you're (Austen, 2009, p. 15).

Посредством высказываний, содержащих сравнение, коммуниканты передают менее ультимативную, но более спонтанную оценку, так как формируют оценочное суждение в процессе общения, а не делятся заранее обдуманным представлением об объекте оценки. Интенсивность оценочного признака может также корректироваться за счет вспомогательных средств – интенсификаторов и деинтенсификаторов. Использование интенсификаторов *too, so, very, most, just, absolutely* повышает экспрессивность, эмоциональность, а также безапелляционность. Спектр интенсифи-

фикаторов в художественном дискурсе первой половины XX в. расширяется за счет использования табуированных слов, таких как *bloody* в сочетании с отрицательно-оценочными прилагательными и *damn* – с прилагательными независимо от аксиологического признака. Для художественного дискурса XIX в. характерно использование оценочных наречий для усиления значения положительно-оценочного или отрицательно-оценочного прилагательного, например:

(24) I am brutally selfish, blindly unjust, or fiendishly ungrateful (Bronte).

ОВ, тяготеющие к рациональности, характеризуются использованием оценочных предикатов в сочетании с деинтенсификаторами, такими как *a bit*, *a little*, *almost*, например:

(25) Lizzy is not a bit better than the others (Austen, 2009, p. 7);

(26) It would be a bit awkward for you to see her just this once now that Jon's father is dead? (Galsworthy, 2004, p. 244).

Необходимо отметить, что набор деинтенсификаторов в ОВ, функционирующих в текстах двух периодов практически совпадает. В монологической и диалогической речи персонажей произведений первой половины XX в. интенсификаторы и деинтенсификаторы используются значительно чаще, чем в произведениях XIX века. Этот факт можно объяснить стремлением коммуникантов в определенной ситуации общения по возможности снизить или повысить отрицательный / положительный тон коммуникации посредством одного слова, долго не раздумывая и не подбирая оценочные прилагательные с более / менее аффективным или интенсивным оценочным значением.

Приемом усиления положительной или отрицательной оценки, который часто встречается в англоязычном художественном дискурсе XIX в., является использование нескольких прилагательных для характеристики лица или объекта окружающей действительности. Например:

(27) A shockingly ugly old creature, miss; almost as black as a crock (Bronte).

В примере (27) используется также стилистический прием сравнения, позволяющий описать уродливую женщину опосредованно, через образ-символ (*a crock*), существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака. Использование сравнения для оценки – характерная черта художественных текстов XIX в., что свидетельствует о высокой степени образности речи коммуникантов в данный исторический период. Эффективным способом значительно повысить общую категоричность ОВ и выразить эмоции коммуникантов в полной мере служит прием концентрации. Существительные с оценочной семой являются наименее продуктивным морфолого-семантическим средством выражения оценки в художественных текстах и XIX в., и первой половины XX в. (12 % от общего числа ОВ в текстах XIX в., 16 % – первой половины XX в.). Эта тенденция объясняется тем, что в процессе диалогического общения говорящий прибегает к использованию оценочных существительных в основном для характеристики человека (адресата, третьего лица, субъекта оценки), зачастую под влиянием сильных эмоций и тех ассоциаций, которые вызывает у него адресат. Например:

(28) "You are an idiot," said he (Fitzgerald, p. 167).

Здесь для прямой оценки адресата используется отрицательно-оценочное существительное *idiot* в функции прямой номинации собеседника, что делает все ОВ более категоричными и экспрессивными. Однако иногда объектом оценки является третье лицо, не участвующее в разговоре:

(29) They say he's like a mummy (Galsworthy, 2004, p. 11).

ОВ в примере (29) можно охарактеризовать как менее ультимативное, поскольку говорящий ссылается на оценочное суждение группы лиц (*they say*), мнение которых он просто разделяет. Для усиления оценки в сочетании с существительными иногда используются интенсификаторы *such*, *rather*, *quite* и др.:

(30) I was such a fool! (Bronte).

Однако такие примеры немногочисленны в художественном дискурсе и XIX в., и первой половины XX века. В указанные периоды особенностью употребления оценочных существительных является их широкое использование в функции обращений. В этом случае оценочный коммуникативный смысл всего высказывания переносится на обособленный член предложения – обращение:

(31) I love you, my angel! (Maugham).

Комбинированные средства выражения оценки в художественном дискурсе как XIX в., так и первой половины XX в. характеризуются большой частотностью: соответственно 43 % и 30 % от общего количества ОВ в выборке. Такие средства представлены разными моделями словосочетаний, где основную оценочную нагрузку несет именно прилагательное или существительное. Представлены следующие модели ОП:

Adj_{eval} (+ Adj) + N

(32) He is a **very likeable young man**, he gives people excellent advice (Fitzgerald, p. 346);

Adj + N_{eval}

(33) He was **really a young gentleman** (Maugham, 1998, p. 5);

Adj_{eval} + N_{eval}

(34) I'm a **trite commonplace sinner** (Bronte);

N_{eval} of N_{eval}

(35) **What a hell of nuisance** it is that one can't go anywhere without people staring at once (Maugham, 1998, p. 99);

as/not so Adj_{eval} as

(36) I would be **not so fastidious as** you're (Austen, 2009, p. 15);

as Adj as a N

(37) You are **as fair as a lily**, and not only the pride of my life (Bronte);

like a N

(38) Christ, the place is **like a pig-stay** (Maugham, 1998, p. 49).

Выводы

Оценочное высказывание – распространенный способ квалификации действительности в художественном дискурсе, поскольку благодаря богатству выразительных средств обеспечивает эффективное понимание мировоззренческих универсалий лингвокультурного сообщества в определенный исторический период. На том основании, что оценка является антропоцентрической категорией и соотносится с человеком и его характеристиками, а также со всеми аспектами действительности, которые затрагивают его интересы, ОВ включаются в одну из фундаментальных тематических областей: «Человек» и «Окружающий мир». В художественном дискурсе обоих периодов количественная представленность ОВ, относящихся к области «Человек», выше, чем количественная представленность ОВ других тематических областей. Тематические области «Человек» и «Окружающий мир» включают 12 и 10 групп ОВ соответственно. В художественном дискурсе XIX в. среди ОВ, относящихся к тематической области «Человек», преобладают тематические группы с оценкой характера, внешности, умственных способностей человека. Наиболее продуктивными группами ОВ в художественном дискурсе первой половины XX в. являются «характер», «поведение / манеры», «внешность». Наиболее представленными группами ОВ тематической области «Окружающий мир» в художественном дискурсе XIX в. являются группы «строение / место», «погода», «мероприятия», а дискурсе первой половины XX в. – «событие», «ситуация», «строение / место».

В художественном дискурсе XIX в. преобладают ОВ с положительной оценкой, а в дискурсе первой половины XX в. – ОВ с отрицательной оценкой. Эмоциональные ОВ преобладают в обоих периодах, причем количество таких ОВ возрастает в произведениях первой половины XX века. Предикат эмоционального ОВ выражается аффективным прилагательным в сочетании со словами-интенсификаторами или существительным. В рациональных ОВ предикат репрезентируется прилагательным в сочетании со словом-деинтенсификатором, собственно оценочная

часть может вводиться аксиологическим предикатом. В отличие от рациональной, эмоциональная оценка часто вербализуется в восклицательных предложениях. Большинство элементов оценочной рамки эмоционального высказывания выражается имплицитно. Эксплицитно выражены только объект оценки и сам оценочный элемент. Рациональная оценка, как правило, объективируется с помощью полных распространенных предложений.

Структура предложений, выражающих оценочное отношение, разнообразна в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века. В художественном дискурсе и XIX в., и первой половины XX в. преобладают ОВ, представленные простыми двусоставными предложениями, которые могут быть повествовательными и вопросительными, иметь полную или усеченную структуру. Сложносочиненные предложения с ОВ немногочисленны в художественном дискурсе обоих периодов.

Оценочный предикат является ключевым элементом любого ОВ, так как реализует положительное или отрицательное отношение к объекту действительности. ОП в высказываниях, составляющих корпус эмпирического материала исследования, соответствует предикативу синтаксической структуры предложения, выраженного следующей формулой: глагол-связка (*to be, to seem, to look*) в сочетании с оценочным прилагательным, существительным или словосочетанием. В художественном дискурсе исследуемых периодов чаще используются ОП с полной структурой, которая предполагает наличие всех компонентов ОП. Морфолого-семантические средства репрезентации оценочного отношения значительно преобладают в текстах исследуемых периодов, что свидетельствует о тенденции к выбору коммуникантами простых средств вербализации оценки для оптимизации процесса понимания сообщения собеседником. Среди морфолого-семантических средств репрезентации оценки наибольшей представленностью в текстах исследуемых периодов отличаются оценочные прилагательные, превосходя по количеству другие средства языковой оценки, включая комбинированные средства. Кроме лексических средств градуирования оценочного признака (интенсификаторов и

деинтенсификаторов) обнаружены и грамматические средства (восклицательные предложения, инверсия).

Рассматриваемые аспекты реализации оценочного высказывания в художественном дискурсе анализируемых периодов демонстрируют динамику ценностной картины мира представителей лингвокультурного сообщества в сторону субъективизма, превосходства индивидуальных ценностей над общечеловеческими, ориентированности на конкретный объект оценки и его эмоциональное переживание. Изменение уклада общественной жизни и усиление взаимосвязи между обществом и индивидом приводят к ослаблению строгих норм коммуникативного поведения, стремлению к коммуникативной компрессии и транспарентности, тенденции к большей градуированности степени проявления оценочного признака, что находит отражение в языковой картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., 2010. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). С. 427–430.
- Болдырев Н. Н., 2017. Проблема вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 5–14.
- Вара Н. Г., 2013. Модусы ценностной концептуализации в английском рекламном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 12, № 2. С. 110–114.
- Волкова Я. А., Панченко Н. Н., 2020. Трансформация коммуникативных и эмоциональных ценностей в русской лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.5>
- Вольф Е. М., 2002. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М.: УРСС. 247 с.
- Зайнульдинов А. А., Керо Хервилья Э. Ф., 2019. Лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики в русском и испанском языках // Вопросы языкознания. № 2. С. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004304-3>
- Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А., 2016. Современные направления изучения текста и дискурса в

- аспекте диахронии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>
- Кокина К. В., 2019. Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 195–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>
- Кошкарева Н. Н., 2021. Лексико-семантические изменения как отражение ценностных приоритетов носителей русского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 89–98.
- Кочетова Л. А., 2013. Динамика оценочной стратегии рекламного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 12, № 1. С. 103–108.
- Кунин А. В., 1986. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Просвещение. 381 с.
- Раклов Ф. В., 2018. Диахронический анализ общечеловеческой ценности «успех» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. Т. 15. С. 92–97. DOI: [10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97](https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97)
- Ткаченко С. Г., 2019. Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект. Донецк : Фолиант. 192 с.
- Формановская Н. И., 2002. Речевое общение : Коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз. 216 с.
- Фурс Л. А., Худянян А. Н., 2016. Оценка межличностных отношений в английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 154–158.
- Цинкерман Т. Н., 2015. Об опыте диахронического подхода к установлению динамики ценностей англоязычного воспитательного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 14, № 5. С. 101–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.11>
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис. 416 с.
- Шипицина Л. Ю., 2016. Использование оценочной лексики в немецких сетевых СМИ и блогах: сравнительный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 3. С. 87–91. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.9>
- Apresjan V. Yu., 2020. Resolving Scope Ambiguity: Lexicon, Pragmatics, Information Structure // Вопросы языкознания. № 2. С. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0008774-0>
- Bednarek M., 2006. Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus. L. ; N. Y. : Continuum. 253 p.
- Bessonova O., 2018. Evaluative Designations of Person in Non-Cognate Languages // Language in the New Millennium: Applied-Linguistic and Cognitive-Linguistic Considerations / ed. by A. Uberman, M. Dick-Bursztyn. Berlin : Peter Lang. Vol. 11. P. 77–94.
- Channell J., 2000. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. Oxford : Oxford University Press. P. 38–54.
- Conrad S., Biber D., 2000. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. N. Y. : Oxford University Press. P. 56–73.
- Hunston S., 2011. Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language. N. Y. : Routledge. 166 p.
- Martin J. R., White P. R. R., 2005. The Language of Evaluation. Appraisal in English. N. Y. : Palgrave Macmillan. 278 p.
- Thompson G., Hunston S., 2000. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. Oxford : Oxford University Press. 225 p.

ИСТОЧНИКИ

- Austen J. Emma. URL: <https://www.gutenberg.org/files/158/158-h/158-h.htm>
- Austen J. Pride and Prejudice. СПб. : КАРО, 2009. 450 p.
- Bronte Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>
- Fitzgerald F. S. Tender is the Night. 459 p. URL: www.planetebook.com/ebooks/Tender-is-the-Night.pdf
- Galsworthy J. To Let. М. : Менеджер, 2004. 287 p.
- Maugham W. S. Theatre. М. : Менеджер, 1998. 304 p.
- Maugham W. S. The Painted Veil. URL: <https://www.gutenberg.ca/ebooks/maughamws-paintedveil/maughamws-paintedveil-00-h.html>

REFERENCES

- Akimova E.N., 2010. Istoricheskaya lingvistika teksta: innovatsionnye podkhody v issledovaniyakh [Diachronic Text Linguistics: A New Trend in Research]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4 (2), pp. 427-430.

- Boldyrev N.N., 2017. Problema verbalnoy kommunikatsii v kognitivnom kontekste [The Problem of Verbal Communication in Cognitive Context]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 2, pp. 5-14.
- Vara N.G., 2013. Modusy tsennostnoy kontseptualizatsii v angliyskom reklamnom diskurse [Modes of Value Conceptualisation in English Advertising Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 12, no. 2, pp. 110-114.
- Volkova Ya.A., Panchenko N.N., 2020. Transformatsiya kommunikativnykh i yemotsionalnykh tsennostey v russkoy lingvokulture [Transformation of Communicative and Emotional Values in Russian Linguoculture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 54-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.5>
- Volf E.M., 2002. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, URSS Publ. 247 p.
- Zaynuldinov A.A., Kero Hervilya Ye.F., 2019. Leksikograficheskoe opisanie yemotsionalno-otsenochnoy leksiki v Russkom i ispanskom yazykakh [Lexicographic Description of Emotional and Evaluative Lexicon in the Russian and Spanish Languages]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 2, pp. 96-110. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004304-3>
- Ilinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Sovremennye napravleniya izucheniya teksta i diskursa v aspekte diakhnologii [Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>
- Kokina K.V., 2019. Vektory yevolyutsii tsennostnykh orientirov personalnoy aksiosfery v sovremennom mediyom diskurse [Vectors of Value Orientation Evolution of Personal Assessment Area in Modern Media Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 195-203. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>
- Koshkareva N.N., 2021. Leksiko-semanticheskie izmeneniya kak otrazhenie tsennostnykh prioritetov nositeley russkogo yazyka [Lexico-Semantic Changes as Reflection of Axiological Priorities of Russian Native Speakers]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 2, pp. 89-98.
- Kochetova L.A., 2013. Dinamika otsenochnoy strategii reklamnogo diskursa [Dynamics of the Evaluation Strategy in Advertising Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 12, no. 1, pp. 103-108.
- Kunin A.V., 1986. *Kurs frazeologii sovremenno angliyskogo yazyka* [The Course of Phraseology of the English Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 381 p.
- Raklov F.V., 2018. Diakhronicheskiy analiz obshchechelovecheskoy tsennosti "uspekha" [Diachronic Analysis of the Universal Value "Success"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyk i spetsialnost* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], vol. 15, pp. 92-97. DOI: [10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97](https://doi.org/10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97)
- Tkachenko S.G., 2019. *Gradualnost v angliyskoy frazeologii: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Graduality in English Phraseology: Linguocultural Aspect]. Donetsk, Foliant Publ. 192 p.
- Formanovskaya N.I., 2002. *Rechevoe obshchenie: Kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Verbal Interaction: Communicative and Pragmatic Approach]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 216 p.
- Furs L.A., Khudanyan A.N., 2016. Otsenka mezhlchnostnykh otnosheniy v angliyskom yazyke [Evaluation of Interpersonal Relations in the English Language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 3, pp. 154-158.
- Tsinkerman T.N., 2015. Ob opyte diahnicheskogo podkhoda k ustanovleniyu dinamiki cennostey anglojazychnogo vospitatelnogo diskursa [Dynamics of Values in English Educative Discourse via Diachronic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 14, no. 5, pp. 101-107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.11>
- Shakhovskii V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii: monografiya* [Linguistic Theory of Emotions. Monograph]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Shipitsina L.Yu., 2016. Ispolzovanie otsenochnoy leksiki v nemetskikh setevykh SMI i blogakh: sravnitelnyy analiz [The Use of Evaluative Lexis in German Web Media Sources and Blogs: Comparative Analysis].

- Comparative Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 3. pp. 87-91. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.9>
- Apresjan V.Yu., 2020. Resolving Scope Ambiguity: Lexicon, Pragmatics, Information Structure. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 7-30. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0008774-0>
- Bednarek M., 2006. *Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus*. London, New York, Continuum. 253 p.
- Bessonova O., 2018. Evaluative Designations of Person in Non-Cognate Languages. Uberman A., Dick-Bursztyn M. *Language in the New Millennium: Applied-Linguistic and Cognitive-Linguistic Considerations*. Berlin, Peter Lang, vol. 11, pp. 77-94.
- Channell J., 2000. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford, Oxford University Press, pp. 38-54.
- Conrad S., Biber D., 2000. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. New York, Oxford University Press, pp. 56-73.
- Hunston S., 2011. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language*. New York, Routledge. 166 p.
- Martin J.R., White P.R.R., 2005. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. New York, Palgrave Macmillan. 278 p.
- Thompson G., Hunston S., 2000. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford, Oxford University Press. 225 p.

SOURCES

- Austen J. *Emma*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/158/158-h/158-h.htm>
- Austen J. *Pride and Prejudice*. Saint Petersburg, KARO Publ., 2009. 450 p.
- Bronte Ch. *Jane Eyre*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>
- Fitzgerald F.S. *Tender is the Night*. 459 p. URL: www.planetebook.com/ebooks/Tender-is-the-Night.pdf
- Galsworthy J. *To Let*. Moscow, Menedzher Publ., 2004. 287 p.
- Maugham W.S. *Theatre*. Moscow, Menedzher Publ., 1998. 304 p.
- Maugham W.S. *The Painted Veil*. URL: <https://www.gutenberg.ca/ebooks/maughamws-paintedveil/maughamws-paintedveil-00-h.html>

Information About the Authors

Olga L. Byessonova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English Philology, Donetsk National University, Universitetskaya St, 24, 283001 Donetsk, DPR; Professor, Department of British and American Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Nam. Herdu 2, 91701 Trnava, Slovakia, olgabessonova@mail.ru, olga.byessonova@ucm.sk, <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Oksana I. Ostashova, Senior Lecturer, Department of English Philology, Donetsk National University, Universitetskaya St, 24, 283001 Donetsk, DPR, oksanaostashova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2981-0018>

Информация об авторах

Ольга Леонидовна Бессонова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, ДНР; профессор кафедры англистики и американистики, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, пл. Херду 2, 91701 г. Трнава, Словакия, olgabessonova@mail.ru, olga.byessonova@ucm.sk, <https://orcid.org/0000-0002-5171-9790>

Оксана Игоревна Осташова, старший преподаватель кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, ДНР, oksanaostashova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2981-0018>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.6>

UDC 811.112.2'42:001
LBC 81.432.4-51

Submitted: 09.03.2022
Accepted: 18.04.2022

LINGUACULTURAL DETERMINATION OF GERMAN SCIENTIFIC LINGUISTIC DISCOURSE IN THE GENRE “SCIENTIFIC ARTICLE”

Elina Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The research focuses on the relevant linguistic problem of scientific texts genre organization analysis aimed at identification of their common and distinctive features in different languages, and specifics of their linguistic means determination. The article represents the peculiarities of research paper carried out in the frameworks of German scientific discourse by a native German speaker and a non-native one. The research material is comprised of the German-language scientific articles on linguistics published in the collection of scientific works of an international conference. Three categories of scientific articles underwent the analysis: the article written by a native German speaker; the article written by a non-native German speaker; the co-authored article by native and non-native German speakers. The text array of the considered discourse has been studied in order to identify structural and verbal peculiarities of the text of scientific article, written by the representatives of different linguacultures – a native or a non-native speaker. Similarities and differences in dictum and modus components, thematic affiliation, research paradigm are established. The communicative purpose, the image of the author and the addressee, the elements of formal organization of the scientific text are determined. The most frequent verbal means, which indicate discursive parameters of a scientific article, are revealed. The analysis showed significant divergences in the use of linguistic means. The author argues that the articles of non-native German speakers demonstrate grammatical and genre interference of their native language: the author of a scientific publication in a foreign language applies linguistic means peculiar to the language system of the native language and adjusts their use to the genre conventions of the native language. It signifies linguacultural determination of scientific discourse and holds out prospects for further studies.

Key words: scientific discourse, scientific article, genre, linguistics, native speaker, scientific speech style, Russian language, German language.

Citation. Novikova E. Yu. Linguacultural Determination of German Scientific Linguistic Discourse in the Genre “Scientific Article”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 87-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.6>

УДК 811.112.2'42:001
ББК 81.432.4-51

Дата поступления статьи: 09.03.2022
Дата принятия статьи: 18.04.2022

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ЖАНР «НАУЧНАЯ СТАТЬЯ»)

Элина Юрьевна Новикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме установления общих и отличительных черт внутрижанровой организации научных текстов на разных языках, определения особенности использования вербальных средств. В статье показана специфика научной статьи немецкоязычного научного дискурса, реализованного носителем и неносителем немецкого языка. Материалом исследования послужили научные статьи по лингвистике, опубликованные в сборнике научных трудов – материалов междуна-

родной научной конференции на немецком языке. К анализу привлекались научные статьи трех категорий: статья носителя немецкого языка как родного; статья носителя немецкого языка как иностранного; совместная статья носителя немецкого языка как иностранного и носителя немецкого языка как родного. Текстовый массив рассматриваемого дискурса изучен с целью выявления структурных и вербальных особенностей научной статьи, написанной носителями и неносителями языка, то есть представителями различных лингвокультур. Установлены сходства и различия диктумной и модусной составляющих, тематической принадлежности, исследовательской парадигмы. Определены коммуникативная цель, образ автора и адресата, элементы формальной организации научного текста, наиболее частотные речевые средства, маркирующие дискурсивные параметры жанра научной статьи. Результаты анализа позволили констатировать значительные расхождения в использовании вербальных средств. Показано, что в статьях неносителей немецкого языка проявляется грамматическая и жанровая интерференция родного языка: автор научной публикации на иностранном языке оперирует языковыми средствами, свойственными языковой системе родного языка и подстраивает их употребление под жанровые конвенции родного языка. Это дало основание предположить лингвокультурную детерминацию научного дискурса, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: научный дискурс, научная статья, жанр, лингвистика, носитель языка, научный стиль речи, русский язык, немецкий язык.

Цитирование. Новикова Э. Ю. Лингвокультурная детерминация немецкоязычного научного лингвистического дискурса (жанр «научная статья») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.6>

Введение

Научный дискурс в настоящее время представляет собой феномен, который заслуживает пристального внимания и подробного анализа. Данный вид дискурса сформировался как институциональный, нацеленный на выявление и популяризацию нового знания посредством диалога. В.И. Карасик, исследуя институциональную природу научного дискурса, говорит о его функции обмена знаниями, знакомства научного сообщества с новыми научными явлениями и исследованиями [Карасик, 2004, с. 45].

Мейнстрим научной деятельности в условиях глобального транскультурного взаимодействия формирует публикационная активность ученых, изменение ландшафта российских и зарубежных изданий, входящих в известные международные базы научного цитирования и индексации: Scopus, Web of Science (WoS), Directory of Open Access Journals (DOAJ), ERIH Plus, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и др. Согласимся с В.В. Дементьевым в том, что кроме систем индексации вектор представления научного знания задают и трансформационные процессы в системах оформления научных публикаций [Дементьев, 2021, с. 14]. При этом важно отметить, что международные издания с высоким рейтингом публикуют работы ученых из разных стран, приобретая транс- и меж-

культурный характер. Это позволяет говорить о научном дискурсе как лингвокультурном трансфере в создании глобального научного знания по конкретным отраслям и сферам деятельности. Глобальные международные процессы обусловили глобализацию науки, то есть усиление интеграционных научных связей международного научного сообщества. Это, по мнению С.А. Лебедева, приводит к размыванию границ национальных наук в пользу единой мировой науки [Лебедев, 2012].

В настоящее время наиболее цитируемые, а следовательно, успешны англоязычные журналы. Так, О.В. Кириллова подчеркивает приоритет англоязычных журналов и их возрастающие шансы на высокие рейтинговые показатели [Кириллова, 2019, с. 32]. В подтверждение приоритетности английского языка в науке А.О. Стеблецова и А.А. Торубарова утверждают, что для авторитетных изданий значимым фактором остается симбиоз качества исследований и уровня лингвистической презентации публикаций [Стеблецова, Торубарова, 2019, с. 158]. Другими словами, написанные статьи на английском языке уже почти автоматически свидетельствуют о высоком качестве публикации.

Необходимость и возможность опубликования результатов научной деятельности в международных научных журналах на английском языке детерминируют востребованность переводческих услуг в письменном научном

дискурсе. Для оказания таких переводческих услуг требуется развитие специфических дискурсивных компетенций современных межкультурных посредников – переводчиков. Переводческие услуги в научной сфере – это отдельная тема для научной дискуссии, выходящей за рамки предлагаемого исследования. Мы упоминаем о них лишь для того, чтобы указать на существующую проблему качества научных текстов на иностранном языке, созданного носителем языка, в том числе и переводчиком.

На фоне доминирования английского языка как *lingua franca* во всех сферах международной коммуникации, включая и науку, последнее время намечаются тенденции к многоязычию в научном дискурсе, отражающие попытки изменить доксу: английский язык – международный язык науки. Проблеме многоязычия в науке посвящена коллективная монография «*Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs. Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten*» / «Многоязычие в научном дискурсе. Панорама возможностей и сложностей» (перевод наш. – Э. Н.) под редакцией докторов наук, профессоров Ханса В. Гиссена, Арно Краузе, Патриции Остер-Штирле, Альберта Раша. Немецкие и французские ученые на примере функционирования немецкого и французского языков обсуждают пути сохранения и стимулирования многоязычия в европейском научном коммуникативном пространстве [Giessen et al., 2018]. Так, в немецкоязычном научном дискурсе даже в тех сферах науки, представители которых предпочитают публиковать результаты своих исследований на английском языке – математика, психология, естественные науки – сохраняются традиции немецкой науки и продолжается использование родного немецкого языка в качестве рабочего. Однако интересен и тот факт, что немногие ученые Германии могут выражать свои мысли по-английски, поэтому прибегают к услугам переводчиков [Clune, 1987], при этом написанные немцами научные тексты на английском языке, по мнению Г. Грэфен, имеют такие свойства и особенности, которые позволяют определить, что они написаны немцами как носителями английского языка [Graefen, 1997, p. 81].

В российском научном сообществе также наблюдается интернационализация научного знания: все чаще российские ученые публикуют результаты своих исследований на иностранных языках, прежде всего английском. Одну из проблем в этой связи представляет написание статей на иностранном языке носителями языка, которые, даже при условии оптимального владения иностранным языком, подвержены языковой и культурной интерференции, что в свою очередь не только отражается на качестве текста, но и формирует определенную исследовательскую проблему.

Каждое издание имеет особые требования для авторов к оформлению статей, тем не менее, наблюдается некоторая культурно-обусловленная разрозненность в вербальном наполнении статей, написанных носителями и носителями рабочего языка, например, научного сборника статей. В связи с этим целями нашего исследования становятся выявление структурных и вербальных особенностей текста научной статьи, написанной носителями и носителями языка, то есть представителями разных лингвокультур, и ответ на вопрос о том, обусловлены ли различия в научных статьях по лингвистике, написанных носителями языка как родного и носителями языка как иностранного, лингвокультурным / социокультурным фактором или зависят от речевого поведения конкретного ученого.

Материал и методы исследования

В настоящее время для лингвистического описания научного дискурса и одного из его основных жанров – научной статьи – применяются разнообразные методы и теории. При этом приходится констатировать, что широта данной области обуславливает фрагментарное, фокусное исследование, сконцентрированное на конкретном ракурсе дискурса.

Методология нашего исследования основывается на анализе научной статьи как жанра научного дискурса. Материалом исследования стали научные публикации по лингвистике, изданные в сборнике научных трудов по итогам работы международной научно-практической конференции «Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии = Deutsch-

Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft», проходившей в Архангельске 15–19 октября 2014 года. В нем представлены статьи не только на русском, но и на иностранных языках, написанные как их носителями, так и неносителями, что и определило выбор этого сборника как источника. Критериями отбора эмпирического материала послужили: тематическая принадлежность публикаций к лингвистическим исследованиям; язык публикации (немецкий); авторство публикации (носитель немецкого языка как родного и носитель немецкого языка как иностранного). В качестве иллюстрации результатов проведенного исследования в статье рассмотрим немецкоязычные публикации трех категорий: 1) статья носителя немецкого языка как родного (далее – СНЯ); 2) статья носителя немецкого языка как иностранного (далее – СННЯ); 3) совместная статья носителя немецкого языка как иностранного и носителя немецкого языка как родного (далее – СНЯ+СННЯ).

Для достижения поставленной цели в исследовании применялись методы наблюдения, описания и сплошной выборки, а также модель анализа жанра научного текста CARS (Create a Research Space) Дж. Свейлза, метод контекстуального анализа и метод анализа дискурсивных маркеров (Discourse Markers – термин Д. Шиффрин [Schiffrin, 2001]).

Модель CARS реализуется в ходах и шагах в рамках каждого хода (ход 1 – определение пространства для исследования; ход 2 – определение ниши исследования; ход 3 – заполнение ниши исследования), которые ориентированы на анализ жанровых составляющих: тема исследования, связь с другими исследованиями, место исследования в парадигме существующих исследований, цель исследования и др. [Swales, 1990].

Анализ дискурсивных маркеров ориентирован на поиск и установление языковых единиц, маркирующих смысл иллюстрируемого в научной статье исследования и выполняющих смыслообразующую и коммуникативную функции. Применяя такой метод, мы ориентировались на классификацию С.В. Когут, которая выделяет три группы маркеров: 1) языковые средства связности и цельности научного текста; 2) языковые средства выра-

жения образа автора в научном тексте; 3) языковые средства выражения взаимодействия отправителя и получателя научного текста [Когут, 2014].

Результаты и обсуждение

Научная статья как жанр научного дискурса

Рассмотрим специфику научной статьи как жанра научного дискурса в немецкой и русской лингвокультурах для понимания того, существуют ли на уровне жанра лингвокультурные особенности, которые впоследствии будут релевантны при анализе эмпирического материала.

Научный текст представляет собой сложное явление. С.Н. Бредихин и Р.С. Аликаев определяют научный текст как особый тип дискурса ввиду множества метасвязей и стратегий, смыслов и категориальных признаков [Аликаев, Бредихин, 2015, с. 123]. Текст научной статьи тематически всегда сопряжен с конкретной областью знания. Это авторский продукт, который раскрывает специфику проведенной или проводимой научной работы. Его автор распространяет полученные научно значимые знания и ориентирует их в первую очередь на широкую аудиторию исследователей. Жанровые, текстовые, структурные конвенции текста при этом зависят от прагматики выполняемой научной работы.

В немецкоязычной и русскоязычной научной литературе встречаются различные классификации жанров научных текстов. Так, немецкий лингвист-переводовед К. Гёприх исходит из научного дедуктивного и эмпирического индуктивного подходов и выделяет следующие группы специальных текстов:

– научные тексты с очевидной научной исследовательской новизной (fortschrittsorientiert-aktualisierende Texte);

– научные тексты, констатирующие конкретное научное знание (faktenorientierte wissenzusammenstellende Texte);

– дидактические инструктивные научные тексты (didaktisch-instruktive Texte) [Göpferich, 1995, p. 194].

Е.В. Иваницкая, используя более широкий, чем К. Гёприх, подход, классифицирует

научные статьи иначе: «проблемно-постановочная; научная статья – краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; научно-техническая (собственно-научная) статья с подробным изложением основных результатов исследования; обзорная историко-научная статья; полемическая, или дискуссионная статья; научно-популярная статья; маркетинговая (рекламная, PR-статья) – на границе научного и публицистического стиля» [Иваницкая, 2016, с. 65]. При этом исследователь указывает на трансформацию научного стиля и научной речи под влиянием научно-технического прогресса, который обусловил тренд к объективности повествования, однородности нейтрального лексического пласта с акцентированием терминологической лексики и неологизмов, использованию жесткой логики и структуры повествования.

Следует, однако, отметить, что существуют и противоположные данному утверждению наблюдения. Так, немецкий лингвист Г. Грэфен провела сравнительный анализ научных статей четырех научных направлений: естественные, гуманитарные, математические и социологические науки, и обнаружила существенные различия как на дискурсивном, так и текстовом уровнях, отмечая более «свободный» и гибкий характер статей гуманитарного блока [Graefen, 1997]. Подобные выводы встречаем также в работах В.А. Косовой, которая в результате проведенного ею исследования и на основе практики редактирования научных статей по гуманитарным наукам констатирует значительные расхождения в репрезентации научного стиля. Она четко дифференцирует две разновидности научной статьи: естественнонаучную, которая соответствует традиционным канонам стилистики научной статьи, и гуманитарную, которая обнаруживает автороцентричный характер и тем самым отклоняется от традиционных теоретических описаний [Косова, 2007, с. 225].

Принимая во внимание выводы, сделанные Г. Грэфен и В.А. Косовой, мы можем предположить, что научные статьи по лингвистике и/или переводоведению также обнаруживают ряд отличий от традиционных форматов. С учетом этого рассмотрим вопрос о лингвокультурной детерминации особенностей не-

мецкоязычных научных статей, написанных носителем и неносителем немецкого языка.

Лингвокультурная детерминация текста научной статьи

Жанрообразующие признаки выбранных нами для эмпирического исследования научных статей рассмотрим с опорой на модель жанра, предложенную Т.В. Шмелевой [1997], которая коррелирует с выбранными в качестве основных методами исследования (модель Дж. Свейлза и метод анализа дискурсивных маркеров).

Ход 1. Определение пространства для исследования. Согласно модели Дж. Свейлза, данный ход реализуется тремя шагами: описание значимости темы исследования, выявление маркеров обобщенного описания темы, а также обзор предыдущих исследований, что соответствует диктумной составляющей дискурса, которая включает тематическую принадлежность, структурно-композиционный компонент, факторы прошлого и будущего в фокусе схожих научных исследований.

Тематически анализируемые статьи находятся в одной исследовательской парадигме:

Wissenstransfer durch Internationalisierung.

Статья СНЯ посвящена изучению трансфера знаний через международные контакты и трансфера знаний в соответствии с региональными особенностями и запросами:

Internationaler Wissenstransfer und standortbezogener (Aus-)Bildungsbedarf – ein Spannungsfeld? Perspektiven aktueller Innovationsparadigmen.

В фокусе статьи СННЯ находится обмен знаниями для создания единого научного международного пространства:

Transfer von Wissen als entscheidender Ressource auf dem Weg in eine globale Wissensgesellschaft.

Авторы СНЯ+СННЯ иллюстрируют результаты межвузовского партнерства и конкретные проекты:

Germanistische Institutspartnerschaft: neue Dimensionen und neue Zielsetzungen.

Четкая рубрикация и графически обозначенная структура статьи наблюдается только в случае СНЯ, где автор, следуя существующим в немецкой научной культуре традициям, разделила статью на три логические части: история вопроса, описание исследования, выводы и перспективы. Выводы имеют также четкую структуру и представлены перечислительным рядом из нескольких пунктов, при этом автор убедительно подчеркивает специфику и особенность собственного научного наблюдения, используя прием противопоставления:

Standortbezogener Bildungsbedarf wird hier somit **nicht in Opposition zu tendenziell globalen Wissensinhalten und methodischen Standards gesehen, sondern als** deren reflektierte, aber unverzichtbare und schon insofern unhintergehbare spezifische Fokussierung.

В статьях СННЯ и СНЯ+СННЯ нет рубрики, деление на структурно-композиционные части различается. Если в СННЯ прослеживается стандартная для научного письменного дискурса композиция: введение, основная часть, заключение, то в СНЯ+СННЯ текст статьи состоит из основной части, в которой освещается межвузовское сотрудничество.

Описание **связи проводимого исследования с прошлыми исследованиями** обнаружено только в статье СНЯ. Исследователь ссылается на работы других лингвистов и исследователей – представителей смежных наук:

Die Ansätze jüngerer Datums gehen aber weit über verkürzte Auffassungen mit starken ökonomisch-technischen Akzentuierungen hinaus,

и проводит параллель с актуальными и инновационными подходами:

Aktuelle Ansätze der Innovationsforschung haben demgegenüber eine Neuausrichtung erfahren, wengleich hier sehr wohl auch an frühe Überlegungen der so genannten Gründungsväter der Soziologie, Georg Simmel und Max Weber, angeschlossen werden kann.

Авторы СННЯ и СНЯ+СННЯ концентрируют внимание только на предмете своего исследования без ссылки на уже опубликованные работы. При этом связь с прошлым про-

слеживается в ракурсе личного опыта автора / авторов статей. Например, в СННЯ:

Als Grundlage für **diese Überlegungen dienen meine Erfahrungen**, die ich während zweier langfristiger Forschungsaufenthalte in Deutschland gemacht habe.

Выводы и перспективы исследований в данных статьях не обозначены. Отчасти это можно объяснить тематической принадлежностью и целью статей – познакомить с опытом осуществленных проектов. Затруднительно обосновать это и особой лингвокультурной составляющей подобной структурно-композиционной формы статей, поскольку и для русскоязычного научного дискурса свойственна более четкая структуры статьи, включающая выводы. Однако для немецкоязычного реципиента подобные варианты научного изложения, вероятно, покажутся отклонением от нормы ввиду принадлежности авторов или соавторов публикаций к не немецкой лингвокультуре.

Ход 2. Определение ниши исследования. Анализ статей на предмет выявления особенностей формулирования гипотезы / вопроса исследования (шаг 1) и исследовательской парадигмы (шаг 2) показал, что авторы СНЯ, СННЯ и СНЯ+СННЯ в своих статьях данному параметру не уделили внимания.

Ход 3. Заполнение ниши исследования. Данный параметр анализа жанра включает в себя два шага по модели Дж. Свейлза – формулирование автором цели; личного вклада и перспектив исследования.

Коммуникативная цель. Анализируемый эмпирический материал позволяет говорить о размытой формулировке цели исследования, что свидетельствует о сходстве в вербализации коммуникативной цели. Возможно, это объясняется как форматом самого издания, требования которого не предписывают авторам публикации четко формулировать цель, так и характером иллюстративного материала. В статье немецкоязычного автора (СНЯ) цель сформулирована четко, однако вскользь, как бы мимоходом, не привлекая внимание:

Auch wenn im vorliegenden Beitrag aus Gründen des gegebenen Textumfangs **eine Konzentration auf**

Perspektiven im Bereich der Innovationsforschung mit Blick auf Wissen und Bildung stattfindet, dürfen die vielfältigen Ansätze der Bildungsforschung selbstverständlich nicht unerwähnt bleiben, auf die an dieser Stelle aber nur generell verwiesen werden kann.

Русскоязычный автор (СННЯ), наоборот, фокусирует внимание на цели исследования практически в самом начале статьи:

So wird in diesem Artikel **über die Bedeutung des Wissenstransfers über Staatsgrenzen hinweg nachgedacht**.

Обращает на себя внимание расположение и вербальное представление цели исследования – после небольшого вступления, раскрывающего суть исследований трансфера знаний. Таким образом обычно начинаются русскоязычные статьи: дается краткое описание общего положения дел и вытекающих отсюда частных проблем, которые подлежат детальному рассмотрению.

Авторы совместной (СНЯ+СННЯ) публикации цель не эксплицируют, она становится понятна из общего контекста представленного материала о результатах межвузовского партнерства.

Образ автора. Данный дискурсивный параметр по-разному представлен в анализируемых статьях. В частности, обнаружены очевидные различия в использовании форм местоимений 1-го лица единственного и множественного числа. В статье СНЯ образ автора прямо вербально не выражен (не используются местоимения 1-го лица единственного или множественного числа). Автор для выражения своей позиции использует:

– пассивные конструкции, например, *vor dem Hintergrund dieses konzisen Überblicks kann festgehalten werden*;

– глагол активного залога в устойчивых словосочетаниях: *befanden sich im Fokus der Aufmerksamkeit*.

Автор СННЯ, напротив, использует несколько вариантов выражения образа автора с помощью различных грамматических форм: личного местоимения в единственном и множественном числе, притяжательные местоимения:

ich während zweier langfristiger Forschungsaufenthalte in Deutschland gemacht habe.

Die Rolle **meiner** Erfahrung im Bereich des Wissenstransfers ist für **mich persönlich** sehr wichtig.

Die Integration als die dritte Phase des Wissenstransfers scheint für **uns** am wichtigsten zu sein.

В статье СНЯ+ННЯ образ автора вербализован исключительно формами личного местоимения во множественном числе:

Am wichtigsten scheint **uns**; In **unserer** GIP; Hier hoffen **wir** darauf.

Образ адресата. В анализируемых статьях образ адресата не выражен, авторы публикаций не дают эксплицитного и имплицитного указания на конкретного получателя информации, ориентируясь на широкий круг заинтересованных лингвистов и специалистов в области межкультурной коммуникации.

Дискурсивные маркеры. Одним из наиболее показательных факторов лингвокультурной детерминации научного дискурса является **формальная организация текста**, то есть его вербальная составляющая. Анализ языковых конструкций и лексических единиц обнаружил существенные различия в способах текстопорождения: ни в одной из выделенных нами групп дискурсивных маркеров совпадений в СНЯ, СННЯ и СНЯ+СННЯ не выявлено, что свидетельствует о лингвокультурной детерминации их использования.

А. Маркеры когезии и когерентности текста:

– маркеры порядка следования информации:

СНЯ: **Was das Feld der Innovationsforschung betrifft; Anschaulich wird genannt; In diesem Zusammenhang** ist zu bedenken; **Dies ist im folgenden Teil zu erläutern**;

СННЯ: gehört **also** auch; **So wird in diesem Artikel**.

СНЯ+СННЯ: Eine **entscheidende Rolle spielen** dabei Forschungsprojekte; **Natürlich** sind hier; **In wissenschaftlicher Perspektive** soll das Modell.

– маркеры разъяснения обозначенного утверждения:

СНЯ: **Es geht aber keineswegs** nur um; Dem entspricht.

СННЯ: **Dabei wird** Wissen zur entscheidenden Ressource; **Dabei** konzentrieren sich Historiker; **So wird** in diesem Artikel über die Bedeutung des Wissenstransfers über Staatsgrenzen hinweg nachgedacht; **Man sollte** nicht vergessen.

СНЯ+СННЯ: **Das wären** Ausbau der translationswissenschaftlichen und -praktischen Schwerpunktbildung; haben in dieser kurzen Zeit **folgende Projekte gedient**; **So haben** die Bemühungen zu... gebracht.

В статье, написанной носителем немецкого языка как родного, наблюдаются разнообразные эксплицитные вербальные знаки, маркирующие связность текста (устойчивые выражения, клише), тогда как в статьях, написанных носителями немецкого языка как иностранного, связность текста достигается скорее за счет имплицитных средств контекста, а также наиболее распространенных наречий и вводных слов, что свойственно русскоязычному научному дискурсу.

Б. Маркеры образа автора.

СНЯ: **befanden sich im Fokus** der Aufmerksamkeit; Allerdings **wird** inzwischen sehr wohl auch **die Sicht vertreten**; Es **wird** also das **akzentuiert**; **Vor dem Hintergrund** dieses konzisen Überblicks kann **festgehalten werden**; Es **ist nun zu überlegen**.

СННЯ: Als **Grundlage für diese Überlegungen**; **scheint für uns am wichtigsten** zu sein; **Die Rolle meiner Erfahrung** im Bereich des Wissenstransfers ist **für mich persönlich sehr wichtig**; Es **ist erfreulich**; wo **ich** zur Zeit **tätig bin**.

СНЯ+СННЯ: **Heute ergeben sich aktuelle Probleme**; **Hier hoffen wir** darauf.

Как видим, отличие заключается в вербальном оформлении образа автора. В СНЯ образ автора представлен по принципу «теневого присутствия» (термин Шмелевой), то есть опосредовано, что выражено чаще всего пассивными конструкциями. В СННЯ и СНЯ+СННЯ авторы активно используют формы «Я» и «Мы». Принимая во внимание тот факт, что немецкоязычному научному стилю такие грамматические формы не свойственны, позволим себе предположить, что здесь имеет место интерференция русского языка, в научном стиле которого форма «Мы» встречается достаточно часто.

В. Маркеры взаимодействия отправителя и получателя научной статьи.

СНЯ: Wieder **sei das Wichtigste vorweggenommen**.

СННЯ: Solche Kontakte im Bereich der Bildung und Kultur **tragen zu einer gewissen Stabilität bei**, was gerade **heute—in der Zeit diverser** politischer Widrigkeiten und Unstimmigkeiten – **von wachsender Bedeutung ist**.

СНЯ+СННЯ: **Am wichtigsten scheint uns aber; So soll heute unsere Werbung** für Deutsch, Deutschstudium sowie für Germanistik- und Translationsstudium sein.

Во всех проанализированных статьях не было замечено явной апелляции автора к реципиенту. При этом в СНЯ используется форма сослагательного наклонения в качестве мягкого указания читающему на особо важные моменты исследования, а в статьях СННЯ и СНЯ+СННЯ используются более «агрессивные» формы убеждения в виде устойчивых выражений и модальных глаголов с выраженной семантикой важности и значимости.

Анализ языковых средств в отобранном материале позволил нам выявить следующие наиболее частотные грамматические средства.

В СНЯ:

– пассивные глагольные формы, иногда в сочетании с конъюнктивом:

Standortbezogener Bildungsbedarf wird hier somit nicht in Opposition zu tendenziell globalen Wissensinhalten und methodischen Standards gesehen; Wieder sei das Wichtigste vorweggenommen; Allerdings wird inzwischen sehr wohl auch die Sicht vertreten;

– инфинитивные конструкции долженствования:

Zunächst ist zu klären;

– модальный глагол *lassen*:

die methodisch geleitete Sensibilität für Begriffe lässt erkennen.

В СННЯ:

– инфинитивные конструкции в сочетании с клишированными оборотами:

ist es wichtig, ein klares Konzept der bevorstehenden Arbeit aufzubauen; Dabei ist wichtig, für fremde Konzepte und Meinungen offen zu sein;

– пассивные формы в сочетании с модальным глаголом:

Das transferierte Wissen muss überprüft und angewendet werden;

– сложноподчиненные и сложносочиненные распространенные предложения:

Für die Nördliche (Arktische) Föderale Universität, wo ich zur Zeit tätig bin, hatte die oben beschriebene Kooperation auch eine Bedeutung, denn eine der wichtigsten Perspektivrichtungen der Entwicklung unserer Universität ist die Entwicklung der internationalen Beziehungen;

– калькированные грамматические формы (из русского языка):

In unserer Zeit befindet sich die Welt auf dem Weg in eine globale Wissensgesellschaft.

В НЯ+СННЯ:

– пассивные конструкции и сложноподчиненные предложения:

Diese Partnerschaft wird nach einem Langzeitkonzept 2013–2023 aufgebaut und entwickelt, das neue Dimensionen der Globalisierung in der Bildung und neue Zielsetzungen der Partnerinstitute beachtet.

Выводы

Результаты проведенного анализа эмпирического материала позволили сформулировать следующие выводы:

1. В научных статьях по лингвистике, написанных носителями немецкого языка как родного и носителями немецкого языка как иностранного, существуют различия, прежде всего на уровне структуры, дискурсивных маркеров и использования языковых средств.

2. Статья, написанная носителем языка, имеет четкую структуру с рубрикацией. Автор формулирует цель исследования, характеризует научную проблему и дает обзор исследований по ней, формулирует выводы и намечает перспективы исследования. Статьи, автором или соавтором которых являются носители немецкого как иностранного, представляют собой сплошной текст, не имеют структуры и рубрик, четко сформулированных цели и выводов. Такая тенденция наблюдается в русскоязычных журналах, где не предъявля-

ется строгих требований к оформлению статьи: русскоязычные авторы предпочитают излагать мысли дедуктивным способом. Немецкоязычные исследователи в научном дискурсе соблюдают четкую структуру научной статьи вне зависимости от наличия / отсутствия в издании такого требования. Видимо, это мотивировано особенностями немецкой лингвокультуры.

3. Носители и неносители немецкого языка используют различные дискурсивные маркеры, обнаруживающие языковую интерференцию и лингвокультурную детерминацию. Наиболее ярко это проявляется при использовании маркирующих дискурсивных параметры жанра речевых средств, которые полностью не совпадают в статьях СНЯ и СННЯ и частично совпадают в СНЯ и СНЯ+СННЯ.

Таким образом, можно констатировать различия научных статей по лингвистике, написанных носителями немецкого языка как родного и носителями немецкого языка как иностранного. Выявленные и проанализированные жанровые особенности научного текста позволяют предположить их лингво- и социокультурную детерминацию и открывают дальнейшие перспективы исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аликаев Р. С., Бредихин С. Н., 2015. «Схемы действия» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. Т. 14, № 2 (26). С. 121–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.17>
- Дементьев В. В., 2021. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как... жанр речи? // Жанры речи. № 1 (29). С. 12–33. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
- Иваницкая Е. В., 2016. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи // Язык и текст. Т. 3, № 2. С. 62–75. DOI: 10.17759/langt.2016030207
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Языки славянской культуры. 341 с.
- Кириллова О. В., 2019. О влиянии языка статей на показатели научных журналов в международ-

- ных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. № 4 (1–2). С. 21–33. DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33
- Когут С. В., 2014. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестник Томского государственного университета. № 380. С. 18–23.
- Косова В. А., 2007. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Ученые записки Казанского государственного университета: гуманитарные науки. Т. 149. С. 224–234.
- Лебедев С. А., 2012. Наука в глобальном мире // Век глобализации. № 2 (10). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/147961>
- Стеблецова А. О., Торубарова И. И., 2019. Формальность как стилообразующая характеристика академического английского: синхронический анализ научных медицинских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>
- Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи. № 1. С. 88–98.
- Clyne M., 1987. Cultural Differences in the Organization of Academic Texts // Journal of Pragmatics. № 11. P. 211–247.
- Giessen H. W., Krause A., Oster-Stierle P., Raasch A., 2018. Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten. [S. l.]: Nomos. 318 S.
- Göpferich S., 1995. Textsorten in Naturwissenschaft und Technik : pragmatische Typologie – Kontrastierung – Translation. Tübingen : Narr. 521 S.
- Graefen G., 1997. Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang. 357 S.
- Schiffrin D., 2001. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. The Handbook of Discourse Analysis. Washington DC. Publisher : John Wiley & Sons, Ltd. P. 189–221.
- Swales J., 1990. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press. 288 p.
- ИСТОЧНИКИ**
- СНЯ – Schiewer G. L. Internationaler Wissenstransfer und standortbezogener (Aus-) Bildungsbedarf – ein Spannungsfeld? Perspektiven aktueller Innovationsparadigmen // Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 15–19 октября 2014 г.) / Сев. (Аркт.) федер. ун-т, Ин-т филол. и межкультур. коммуникации, Лекторат Герман. службы академических обменов в Архангельске ; [отв. ред. Б. Линдер, А. М. Поликарпов, Л. Ю. Щипицина]. Архангельск : Пресс-Принт, 2015. С. 161–170.
- СННЯ – Kamkina Zh. Transfer of knowledge as a key resource on the way in a global knowledge society // Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 15–19 октября 2014 г.) / Сев. (Аркт.) федер. ун-т, Ин-т филол. и межкультур. коммуникации, Лекторат Герман. службы академических обменов в Архангельске ; [отв. ред. Б. Линдер, А. М. Поликарпов, Л. Ю. Щипицина]. Архангельск : Пресс-Принт, 2015. С. 211–214.
- СНЯ+СННЯ – Mityagina V., Walter St. Germanistische Institutpartnerschaft: neue Dimensionen und neue Zielsetzungen // Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 15–19 октября 2014 г.) / Сев. (Аркт.) федер. ун-т, Ин-т филол. и межкультур. коммуникации, Лекторат Герман. службы академических обменов в Архангельске ; [отв. ред. Б. Линдер, А. М. Поликарпов, Л. Ю. Щипицина]. Архангельск : Пресс-Принт, 2015. С. 232–235.
- REFERENCES**
- Alikaev R.S., Bredikhin S.N., 2015. «Skhemy deystvovaniya» kak marker diskursivnosti nauchnogo teksta: formalnaya logika vs. germeneytika [“Schemes of Acting” as a Discourse Marker of a Scientific Text: Formal Logics vs. Hermeneutics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 14, no. 2 (26), pp. 121–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.17>
- Demytyev V.V., 2021. Statya po zhanram rechi v zhurnale «Zhanry rechi» kak... zhanry rechi? [An Article on Speech Genres in the “Speech Genres” Journal as... a Speech Genre?]. *Zhanry rechi*

- [Speech Genres], no. 1 (29), pp. 12-33. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
- Ivanitskaya E.V., 2016. Transformatsiya nauchnogo stilya v usloviyakh menyayushcheyasya kommunikatsionnoy sredy. Osobennosti sovremennoy nauchnoy stat'i [The Transformation of Scientific Style in the Changing Communication Environment. Features of the Modern Scientific Article]. *Yazyk i tekst* [Language and Text], vol. 3, no. 2, pp. 62-75. DOI: 10.17759/langt.2016030207
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 341 p.
- Kirillova O.V., 2019. O vliyaniy yazyka statey na pokazateli nauchnykh zhurnalov v mezhdunarodnykh nauko-metricheskikh bazakh dannykh [Publication Language and the Journal Scientometric Indicators in Global Citation Databases]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], no. 4 (1-2), pp. 21-33. DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33
- Kogut S.B., 2014. Diskursivnye markery v russkoyazychnykh i nemetskoyazychnykh geologicheskikh nauchnykh statyakh [Discourse Markers in Russian and German Geological Scientific Papers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 380, pp. 18-23.
- Kosova V.A., 2007. Transformatsiya zhanra nauchnoy stat'i ili vydelenie zhanrovnykh raznovidnostey? [Transformation of the Genre of Scientific Article or Genre Specification?]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta: gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University: Social Sciences], vol. 149, pp. 224-234.
- Lebedev S.A., 2012. Nauka v globalnom mire [Science in the Global World]. *Vek globalizatsii* [The Age of Globalization], no. 2 (10). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/147961>
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., 2019. Formalnost kak stileobrazuyushchaya kharakteristika akademicheskogo angliyskogo: sinkhronicheskiy analiz nauchnykh meditsinskikh tekstov [Formality as a Style-Forming Property of Academic English: Synchronic Analysis of Medical Research Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 157-173. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [A Model of the Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1, pp. 88-98.
- Clyne M., 1987. Cultural Differences in the Organization of Academic Texts. *Journal of Pragmatics*, no. 11, pp. 211-247.
- Giessen H.W., Krause A., Oster-Stierle P., Raasch A., 2018. *Mehrsprachigkeit im Wissenschaftsdiskurs Ein Panorama der Möglichkeiten und Schwierigkeiten*. S. 1., Nomos. 318 S.
- Gupferich S., 1995. *Textsorten in Naturwissenschaft und Technik: pragmatische Typologie – Kontrastierung – Translation*. Tübingen, Narr. 521 S.
- Graefen G., 1997. *Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, Lang. 357 S.
- Schiffrin D., 2001. *Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. The Handbook of Discourse Analysis*. Washington DC, John Wiley & Sons, Ltd., pp. 189-221.
- Swales J., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 288 p.

SOURCES

- Schiewer G.L. Internationaler Wissenstransfer und standortbezogener (Aus-) Bildungsbedarf – ein Spannungsfeld? Perspektiven aktueller Innovationsparadigmen. *Transfer znaniy v nauke, obrazovanii i biznese: puti vzaimodeystviya Rossii i Germanii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Arkhangelsk, 15–19 oktyabrya 2014 g.)* [Knowledge Transfer in Science, Education and Business: Ways of Interaction Between Russia and Germany. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Arkhangelsk, October 15–19, 2014)]. Arkhangelsk, Press-Print Publ., 2015, pp. 161-170.
- Kamkina Zh. Transfer of Knowledge as a Key Resource on the Way in a Global Knowledge Society. *Transfer znaniy v nauke, obrazovanii i biznese: puti vzaimodeystviya Rossii i Germanii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Arkhangelsk, 15–19 oktyabrya 2014 g.)* [Knowledge Transfer in Science, Education and Business: Ways of Interaction Between Russia and Germany. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Arkhangelsk, October 15–19, 2014)]. Arkhangelsk, Press-Print Publ., 2015, pp. 211-214.
- Mityagina V., Walter St. Germanistische Institutspartnerschaft: neue Dimensionen und neue Zielsetzungen. *Transfer znaniy v nauke, obrazovanii i biznese: puti vzaimodeystviya Rossii i Germanii: materialy Mezhdunar.*

nauch.-prakt. konf. (Arkhangelsk, 15–19 oktyabrya 2014 g.) [Knowledge Transfer in Science, Education and Business: Ways of Interaction Between Russia and Germany.

Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Arkhangelsk, October 15–19, 2014)]. Arkhangelsk, Press-Print Publ., 2015, pp. 232-235.

Information About the Author

Elina Yu. Novikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Информация об авторе

Элина Юрьевна Новикова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.7>

UDC 81'42:001
LBC 81.055.51.2

Submitted: 16.12.2021
Accepted: 18.04.2022

INTERACTIONAL METADISOURSE MARKERS IN SCIENTIFIC TEXTS (BASED ON RESEARCH ARTICLES WRITTEN BY NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS)

Leila Ahmadi

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The present research investigated textual representations of writer-reader interaction in academic writing. The focus of the study was on the use of metadiscourse markers, i.e., stance and engagement markers, in applied linguistics research articles (RAs) published in English and Persian, the former written by Persian and English-speaking researchers, and the latter by Persian-speaking researchers. A cross-cultural analysis of RAs revealed similarities and differences in how academic writers express their stance and interact with their readers. Among the stance markers, hedging devices were found to be more frequently used in English RAs for expressing the authors' position, regardless of their native language. Persian RAs, on the other hand, predominantly used attitude markers for that purpose. In terms of the engagement markers, directives were the most prominent linguistic features employed by the writers in their native language. However, they were significantly less frequent in English RAs written by Iranian scholars. Compared to native English writers, Iranian writers showed a slightly stronger tendency to use reader pronouns and personal asides in their native language. This study reinforces the impact of the writers' linguistic and contextual awareness of the first- and second-language academic discourse conventions on the establishment of a successful writer-reader interaction and effective communication of arguments in academic writing.

Key words: metadiscourse, academic writing, research article, academic discourse, writer, reader, English, Persian.

Citation. Ahmadi L. Interactional Metadiscourse Markers in Scientific Texts (Based on Research Articles Written by Native and Non-Native Speakers). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 99-110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.7>

УДК 81'42:001
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 16.12.2021
Дата принятия статьи: 18.04.2022

МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ОТНОШЕНИЯ «ОТПРАВИТЕЛЬ – РЕЦИПИЕНТ» В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ НОСИТЕЛЕЙ И НЕНОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА)

Лейла Ахмади

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению текстовых репрезентаций интенций отправителя по отношению к получателю научного текста. Материалом для работы послужили научные статьи по прикладной лингвистике, написанные носителями английского языка и иранскими англоговорящими авторами, а также

научные статьи на персидском языке, написанные иранскими авторами. Цель исследования заключалась в выявлении метадискурсивных маркеров позиции автора научной статьи и его обращенности к читателю. В результате кросс-культурного анализа научных публикаций на персидском и английском языках установлены сходства и различия в выражении авторской позиции и взаимодействии с читателями. Определено, что для указания на свою позицию по обсуждаемым вопросам англоязычными авторами-носителями языка и иранскими учеными в англоязычных статьях чаще используются средства хеджирования. В научных статьях на персидском языке с этой целью в основном используются средства, выражающие обращение автора публикации к потенциальному читателю. Показано, что привлечение внимания читателя осуществляется авторами научных статей, созданных на их родном языке, посредством директивов. Кроме того, иранскими учеными в статьях на персидском языке часто употребляются личные местоимения, называющие адресата. Проведенное исследование подтверждает важность владения иностранным языком, в частности английским, для успешного взаимодействия между автором и реципиентом научной статьи, а также для адекватного выражения авторской позиции и вербализации авторской аргументации.

Ключевые слова: метадискурс, академическое письмо, научная статья, научный дискурс, адресат, адресант, английский язык, персидский язык.

Цитирование. Ахмади Л. Метадискурсивные маркеры отношения «отправитель – реципиент» в научном тексте (на материале научных статей носителей и неносителей языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 99–110. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.7>

Introduction

Writing has a critical role in the widespread dissemination of knowledge and information in academia; the academic contributions are presented and communicated through research and publication. Research articles (hereinafter RAs) have thus received significant attention in the studies of academic writing during the past decades. These studies are conducted on the grounds of substantiating quality research publication since, as noted by Hyland, it is the discipline-approved social and interactive practices, “not abstract and disengaged beliefs and theories that principally define what disciplines are” [Hyland, 2018, p. 113]; that is to say, successful academic writing is as much achieved by the proper linguistic choices as it is by the quality of content. Academic writers make conscious semantic and syntactic choices to communicate their standpoint effectively and bring the readers into their research. By asserting solidarity with their audience, assessing their writing production, and taking alternative perspectives into consideration, academic writers establish a credible identity, represent themselves, engage their readers, and express their arguments [Hyland, 2001; Yang, 2014].

In the past few decades, the focus of research in academic discourse has shifted from structural to sociocultural aspects; hence more interest in the establishment of writer-reader

relationships and the writers’ linguistic skills to negotiate meaning and propose their arguments in the scientific community. Much research has been carried out in academic discourse, concentrating on its interactive dimension in light of interpersonal, rather than impersonal and ideational, communication (e.g.: [Candlin, Hyland, 2014; Fløttum, Kinn, Dahl, 2006; Hyland, 2000; 2005; 2015; 2019; Schiffrin, 1980; Thompson, Hunston, 2001; Vande Kopple, 1985; White, 2003]). The interaction in academic discourse can be achieved by the writers adopting a standpoint with the consideration of both the arguments and the readers who are of opinion on those arguments [Hyland, 2015]. Metadiscourse deliberates on interpersonal devices (*obviously, it is essential to note*) used in the text to establish interactive meanings. However, these linguistic features do not contribute to the propositional content and semantic meaning of the text; they rather assist the audience to construe and evaluate information [Crismore, Markkanen, Steffensen, 1993]. Therefore, the linguistic functions of metadiscourse can be deduced to be textual and interpersonal, not ideational [Halliday, 1973].

In the age of globalization, English is regarded as the universal bridge language in academia. With the growing number of non-native speakers of English, increasingly more research has been conducted on English writing skills and strategies for academic and research purposes. Previous research has indicated the lack of skills

in academic writing to be a formidable obstacle for non-native writers in the professional, perhaps due to the lack of comprehensive preparations for academic writing [Cargill, O'Connor, 2013; Leki, Carson, 1997]. Making anticipations about the potential rebuttals and approvals of the audience is a pivotal factor in creating interactions and thus communicating arguments more effectively in RAs.

The rapid progress of science and subsequently academic publications gave rise to the amount of research dedicated to the assessment of interactions in academic writing. The theoretical foundation of writer-reader interaction was laid by Halliday [1978; 1985], who proposed three macro-functions for language: ideational, interpersonal, and textual. Based on this classification, Vande Kopple [1985] identified distinctions between the interpersonal and textual functions and the ideational function, postulating the functionality of the former to be in metadiscourse, and develop interaction, and of the latter to be in the primary discourse of the language. Focusing on metadiscourse features, Hyland [1994] studied hedging in academic textbooks and demonstrated that hedging devices reduce writers' commitments to their propositions – a linguistic competence not held by many novice writers. Abdi [2002], using Vande Kopple's [1985] framework, analyzed the interpersonal metadiscourse features in English RAs published in natural and social science journals and found an approximately equal use of emphatics and hedges. Jalilifar [2011] investigated English and Persian RAs in psychiatry and Teaching English as a Foreign Language (TEFL). The results of their study indicated significant variations in the frequency, type, and function of metadiscourse markers between the two sets of RAs. Sultan [2011] examined linguistics RAs in Arabic and English and found an exaggerated inclination among Arab writers to use metadiscourse markers. In his study, Akbas [2014] found that Turkish writers made more use of metadiscourse resources in the RAs written in Turkish compared to the ones written in English.

Hyland proposed a framework of interactions in academic discourse, constituting two primary resources: stance and engagement. He postulated that writers form interactions in academic discourse using stance and engagement

markers (hereinafter SEMs) – the former referring to the 'voice' of the writers, that is, their attitude towards presenting their arguments and judgments, and the latter indicating the way writers connect with their readers, making them engaged with their arguments while "including them as discourse participants, and guiding them to interpretations" [Hyland, 2005, p. 176]. According to him, this interaction helps the success of RAs and the acknowledgment of writers in the related academic communities. Hyland [2005] subcategorized the stance markers into four linguistic features (hedges, boosters, attitude markers, and self-mentions), and the engagement markers into five linguistic features (reader pronouns, directives, appeals to shared knowledge, questions, and personal asides). The subcategories of SEMs are elaborated in the following sections. Using Hyland's [2005] model of academic interaction, Taki and Jafarpour [2012] investigated Persian and English RAs in two disciplines of chemistry and sociology. Their findings indicated a stronger tendency among sociologists to interact with their readers. A more recent study based on this framework was that of Alghazo, Al Salem, and Alrashdan [2021] which indicated less use of hedges and engagement markers by Arabic writers compared to their English counterparts.

Amongst different sections of RAs, discussion is considered to be the most far-reaching and the most challenging part to produce [Basturkmen, 2012; Dudley-Evans, 1994], in which the writers communicate their arguments and establish the importance and contribution of their research findings [Le, Harrington, 2015; Ruiying, Allison, 2003]. Much research has been conducted on RAs discussions, however, mainly to examine the cross-linguistic and cross-disciplinary variations of their generic structures (e.g.: [Hirano, 2009; Hopkins, Dudley-Evans, 1988; Mur Duecas, 2009; Peacock, 2002; Ruiying, Allison, 2003]). Little research evidence is available about comparative, cross-linguistic, and cross-cultural studies to investigate the employment of SEMs in the Discussion sections of applied linguistics RAs written by native English speakers (hereinafter NES) and native Persian speakers (hereinafter NPS).

Considering the above gap in previous research, the present study aimed to investigate similarities and differences in the employment of

SEMs in terms of their frequency and type, using Hyland's [2005] framework, between the Discussions in applied linguistics RAs written in English by NES and NPS, as well as Persian RAs written by NPS. Additionally, attempts were made to analyze significant features from a sociocultural and contextual perspective. The results of this study are expected to have practical implications in the study of textual representation, academic argumentation, and publication of scientific texts by native and non-native English speakers.

Methodology

Data collection

The data for the present corpus-based comparative study consisted of a collection of 75 RAs in the field of applied linguistics published during the eight-year period of 2012 through 2020: 25 English RAs written by native English speakers (ENES), selected from international journals; 25 English RAs written by native Persian speakers (ENPS), selected from Iranian journals; 25 Persian RAs written by native Persian speakers (PNPS), selected from Iranian journals. The selection of Iranian journals was based on their national ranking assessed by the Ministry of Science, Research and Technology in Iran. The PNPS corpus was selected from the following top-ranking peer-reviewed local Iranian journals: *Journal of Language Research*, *Language Related Research*, *Journal of Foreign Language Research*, *Journal of Researches in Linguistics*, *Journal of Teaching Persian to Speakers of Other Languages*. The ENPS corpus was selected from the following top-ranking peer-reviewed local and international Iranian journals: *Journal of Research in Applied Linguistics*, *Iranian Journal of Applied Language Studies*, *Iranian Journal of Language Teaching Research*, *Journal of Modern Research in English Language Studies*, *Applied Research on English*

Language. The selection of international journals was based on their SCImago Journal Rank indicator as of 2020. The ENES corpus was selected from the following first quartile (Q1) journals: *Applied Linguistics*, *Journal of English for Academic Purposes*, *Language Learning & Technology*, *Language Teaching Research*, *The Modern Language Journal*.

The RAs were restricted to empirical studies, which conformed with the IMRDC (Introduction-Method-Results-Discussion-Conclusion) standard. The nationality of authors was judged by the authors' names, when in doubt an online search for their nationality was conducted. In case of uncertainty, the article was ignored. On the occasion that NES and NPS had co-authored with international scholars (other nationalities), the RAs were not selected. To ensure an unbiased sample, simple random sampling was employed. Table 1 presents a summary of the corpora.

Data analysis

To investigate SEMs in RAs discussions, a mixed-method approach including both quantitative and qualitative methods of analysis was employed – the former was used for the analysis of the frequency of occurrence of each feature in the corpora, and the latter was applied to scrutinize the content, find SEMs, and verify their functions. For the identification of SEMs in the corpora, Hyland's [2005] model of interaction in academic discourse was employed (see Fig. 1).

For quantitative analysis of the findings, the total number of effective words was calculated in the corpora. For an accurate calculation of effective words, all the digits and symbols, as well as the non-English words in the English RAs and non-Persian words in the Persian RAs, were removed from the discussions. Given the unequal number of words in the corpora, the frequency counts of SEMs were normalized to 1000 words. To analyze the data, initially, the datasets were

Table 1. Summary of the corpora

Corpus	Language of RA	Writer's first language	Number of RAs	Number of journals	Number of words
ENES	English	English	25	5	33425
ENPS	English	Persian	25	5	29724
PNPS	Persian	Persian	25	5	37641

studied for all the possible linguistic features that equated with SEMs. Accordingly, a list of such linguistic features was created for the Persian and English RAs. Using the lists created, the three corpora were analyzed for the occurrence of SEMs through a concordance program, i.e., *AntConc* [Anthony, 2020]. In addition to computer analysis, all the Discussions were carefully read by the researcher to investigate the implicit instances of SEMs. Even though writers can express their standpoint explicitly using lexical devices, as noted by Hyland [2005], it is also possible for them to do that in a less obvious manner through grammatical constructions such as subordination, contrast, and conjunction. Finally, the frequency of occurrence of SEMs was calculated in the three datasets.

Reliability measures

To establish the reliability of the results, the three corpora were analyzed and coded on two occasions within a one month interval. The intra-rater reliability was measured using Cohen's kappa test for each corpus, both of which were calculated to be above 0.95.

Results and discussion

In this section, the linguistic features employed by the academic writers to express their stance and engage the readers are descriptively analyzed. According to Hyland's [2005] framework, there are four key resources by which the writers' stance is realized: *hedges*, which indicate the writers' decision not to fully commit to their propositions; *boosters*, through which writers express their certainty and maintain their solidarity with their readers; *attitude markers*, which are used to show the writers' emotions such as surprise, agreement, frustration, etc.; *self-*

mention, which refers to the use of first-person pronouns or possessive adjectives by the writers to present their discursal selves and convey interpersonal information. In addition, writers bring readers into the discourse and engage them through five main linguistic elements: *reader pronouns*, including *you*, *your*, as well as the inclusive *we* which sends a "signal of membership" to both the writer and the reader; *directives*, through which they instruct the reader to perform a textual (*see Table 2*), cognitive (*consider it*), or physical (*set the amplitude*) activity; *questions*, which are used to create a dialogue and lead the discussion; *appeals to shared knowledge*, which asserts the notion of shared disciplinary understanding; *personal asides*, through which writers briefly interrupt their argument to offer a view or comment (see Fig. 1). Below are some examples of SEMs found in RAs discussions (Persian examples are literally translated):

(1) Furthermore, the interview findings **suggest** that students in search of a proofreader **may** seek a referral or search online for a proofreader only if they do not already know someone willing to proofread their writing (Hedging – ENES);

(2) **Evidently**, the prevalence of second-person pronouns held a **significant** measurable capacity to predict GMTQ (Booster – ENES);

(3) **Hopefully**, mastering integrated reflective skills in teacher education courses can help EFL teachers to form a productive version of language teacher immunity (Attitude marker – ENPS);

(4) **We** suggest that the source of this problem could be morphological feature combination... (Self-mention – ENPS);

(5) Indeed, it could be the case of not seeing the trees for the forest, in which **you** get the main idea and do not see the small details, such as the vocabulary (Reader pronoun – ENPS);

(6) Then the key question is what are they showing a formulaic advantage to – is this actually authentic language? (Question – ENES);

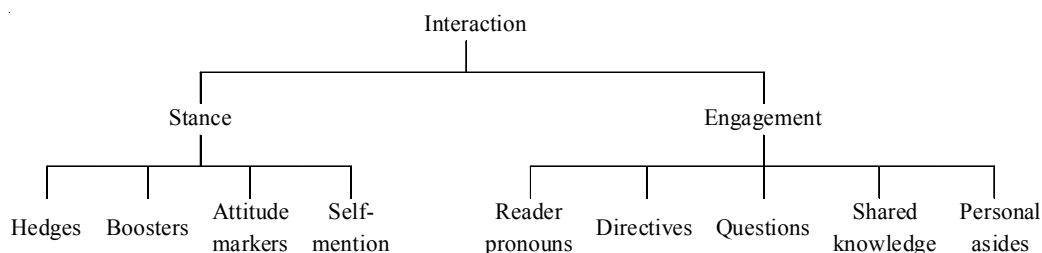

Fig. 1. Hyland's (2005) model of academic interaction

(7) در استفاده از نتایج این پژوهش، سطح توانایی زبانی دانش‌آموزان را نیز باید در نظر گرفت.

‘In using the results of this research, the level of the students’ language ability **should also be considered**’ (Directive – PNPS);

(8) میدانیم که شمار قابل توجهی دانشجوی غیر فارسی‌زبان در دانشگاه‌های کشور به تحصیل علوم گوناگون مشغولند.

‘**We know that** a significant number of non-Persian language students are studying various sciences in the universities of the country’ (Shared knowledge – PNPS);

(9) تنها مولفه‌های موسیقایی متن (که بخشی از سطح ادبی آن را شکل میدهند) مد نظر بوده...

‘Only the musical components of the text (**which form part of its literary level**) have been considered’ (Personal aside – PNPS).

Corpus-based analysis of SEMs

The raw and normalized frequencies of SEMs through which NES interacted with their readers are presented in Table 2. As illustrated, hedges were the most frequent stance features in this corpus, followed by boosters and, slightly less frequently, attitude markers. These findings are in line with that of Hyland [2005]. However, there is a slight difference with the findings of Hyland [2019] which has studied the metadiscourse in the applied linguistics RAs. In his research, hedges – as the most frequent stance

markers across the RAs, were followed by attitude markers and subsequently boosters, in terms of their normalized frequency. As for the engagement markers, the current analysis revealed that NES were more inclined to engage their readers by directing them to get involved in textual and cognitive activities. Even though used considerably less often, reader pronouns were the second most frequent engagement markers employed by NES. Further analysis revealed that they primarily used inclusive *we* to voice solidarity with their readers. This finding is in line with that of Kochetova and Kononova [2018], who indicated that English speakers used inclusive *we* “to construe solidarity based on common background, shared beliefs and opinions” (as cited in: [Kochetova, Ilyinova, 2020, p. 29]).

Table 3 presents the raw and normalized frequencies of SEMs across the ENPS corpus (English articles written by Iranian scholars). It can be seen that similar to NES, Iranian scholars, NPS, utilized hedging devices markedly more than other stance markers and were the least inclined to use self-mentions. With regard to the engagement markers, it was observed that the directives and reader pronouns were the most frequent engagement markers used by NPS in English RAs. Nevertheless, it is important to note the overall low frequency of these markers across the corpus. Previous research has shown that the

Table 2. Stance and engagement markers in the ENES corpus

Stance	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> ₁₀₀₀	Engagement	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> ₁₀₀₀
Hedges	575	54.50	17.20	Reader pronouns	15	20.83	0.45
Boosters	175	16.59	5.24	Directives	39	54.17	1.17
Attitude markers	167	15.83	5.00	Questions	2	2.78	0.06
Self-mentions	138	13.08	4.13	Shared knowledge	12	16.67	0.36
				Personal asides	4	5.56	0.12
<i>Totals</i>	1055	100.00	31.56	<i>Totals</i>	72	100.00	2.15

Note. Tables 2 to 4 use the following symbols: *f* = raw frequency; %*f* = percentage of frequency per category; *f*₁₀₀₀ = frequency per 1000 words.

Table 3. Stance and engagement markers in the ENPS corpus

Stance	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> ₁₀₀₀	Engagement	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> ₁₀₀₀
Hedges	242	51.84	8.15	Reader pronouns	14	41.67	0.46
Boosters	107	22.90	3.60	Directives	12	37.50	0.41
Attitude markers	76	16.27	2.56	Questions	0	0.00	0.00
Self-mentions	42	8.99	1.41	Shared knowledge	3	8.33	0.09
				Personal asides	4	12.50	0.14
<i>Totals</i>	467	100.00	15.72	<i>Totals</i>	33	100.00	1.10

inclination of Iranian scholars toward using engagement markers may depend on the academic discipline. A case in point is Ansarin and Tarlani Aliabdi [2011] who have reported similar findings in the applied linguistics RAs. Contrastingly, Ebadi, Salman Rawdhan, and Ebrahimi Marjal [2015] who have investigated RAs in the field of biology have found NES to use remarkably fewer engagement markers than Iranian writers in the English RAs.

The frequency details of SEMs in the PNPS corpus (Persian articles written by Iranian scholars), are tabulated in Table 4. The findings were indicative of the strong preference of NPS as to the use of attitude markers to express their stance in the Persian RAs. This finding supports previous research indicating attitude markers as the most frequent stance markers used by NPS in Persian RAs (e.g.: [Hashemi, Hosseini, 2019; Taki, Jafarpour, 2012]). As illustrated, NPS writers, primarily tended to direct their readers to engage mainly in textual (*pay attention to*) or cognitive (*it is important to consider*) activities.

The findings evidently demonstrate that NPS generally refrained from posing questions in Discussions. Previous research on argumentative articles has also shown no sign of questions as resources for engaging the readers [Yazdani, Sharifi, Elyassi, 2014]. Ansarin and Tarlani Aliabdi [2011] have also found questions to be the least frequently used linguistic features in their corpus of applied linguistics RAs.

Comparative analysis of SEMs in the corpora

Overall, the results indicated a substantially higher tendency amongst NES to use stance markers in order to put forward their arguments in applied linguistics RAs discussions (Fig. 2). It can be seen that, regardless of the language of RAs, compared to NES, Iranian scholars were less inclined to use these markers. Moreover, the results showed an approximate similarity between the overall use of stance markers by Iranian scholars in English and Persian RAs. This may

Table 4. Stance and engagement markers in the PNPS corpus

Stance	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> / ₁₀₀₀	Engagement	<i>f</i>	% <i>f</i>	<i>f</i> / ₁₀₀₀
Hedges	138	23.39	3.67	Reader pronouns	22	26.83	0.58
Boosters	197	33.39	5.23	Directives	42	51.22	1.12
Attitude markers	234	39.66	6.22	Questions	0	0.00	0.00
Self-mentions	21	3.56	0.56	Shared knowledge	10	12.20	0.27
				Personal asides	8	9.76	0.21
<i>Totals</i>	590	100.00	15.67	<i>Totals</i>	82	100.00	2.18

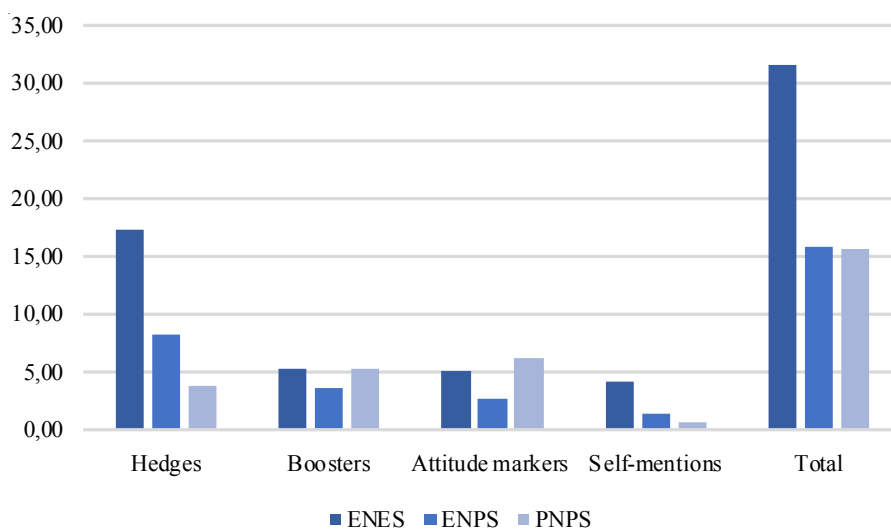

Fig. 2. Frequency of stance markers across the three corpora per 1000 words

reflect the influence of the discursual patterns typical to the writers' first language on their academic writing, irrespective of the language of composition. Previous studies have also found cultural and contextual conventions to be impactful on the written product of Iranian researchers (e.g.: [Marefat, Mohammadzadeh, 2013; Tahririan, Jalilifar, 2004]). Moreover, Zhang [2018] has identified past writing experiences, as well as writing strategies in the first and second language to be influential factors in second language writing.

The use of hedges in the English RAs, both ENES and ENPS, is a case in point for the effect of writing strategies in a given language, both as the writer's first and second language, on the style of writing in that language. As can be seen, hedging devices were the most frequently used stance markers across the English RAs, both by native and Iranian English speakers. This may be due to the English academic writing conventions which expect researchers to use hedging devices in order to address possible oppositions to their new claims and create a negotiating space [Hyland, 2019]. On the other hand, the findings indicated that Iranian scholars used hedges less frequently than attitude markers and boosters in Persian RAs. The low frequency of hedges in Persian RAs may be attributed to contextual conventions. In the Iranian context of scientific publication, writers are mainly expected to sound confident, rather than uncertain, about the results of the research; hence they may not feel the need to address the readers' refutation of their new claims. Undoubtedly, this hypothesis will require further

investigation from cultural and contextual perspectives.

With respect to the least frequent stance markers, as illustrated, academic writers in all the three corpora made the least use of self-mention to express their position in discussions. Nevertheless, it is evident that Iranian writers were significantly less inclined to mention themselves in the description of their arguments. With further analysis, it was observed that the passive voice in a detached impersonal style was more common in RAs written by Iranian scholars, irrespective of the language of writing (ENPS and PNPS corpora). This impersonalized approach to academic writing by Iranian writers has been also identified in other sections of RAs and dissertations by previous researchers. To name a few, Pourmohammdi and Kuhi [2016], Karimi, Maleki, and Farnia [2017], and Keshavarz and Kheirieh [2011] have found a significantly lower tendency among Iranian researchers, compared to their NES counterparts, to use self-mentions in the introduction and discussion sections of PhD dissertations, RA abstracts, and across the entire RAs, respectively.

The analysis revealed that Iranian writers had a stronger tendency to use engagement markers in Discussions written in their native language, i.e., PNPS, compared to the RAs written in their foreign language (see Fig. 3). The underlying reason for this issue may be, to some extent, the undeniable confidence and fluency of the writers in their native language, through which they can competently put forward their arguments

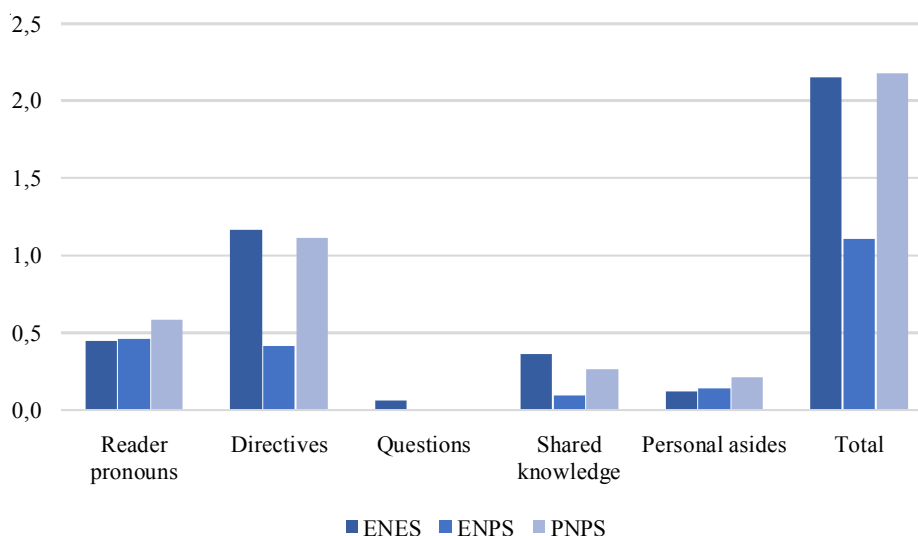

Fig. 3. Frequency of engagement markers across the three corpora per 1000 words

and hold the attention of their readers. This highlights the need for non-native writers to further familiarize themselves with the conventions and style of academic writing in English so that they can engage their readers just as effectively. In general, it can be seen that both NES and NPS used engagement markers in approximately the same proportion in their native languages. This finding is consistent with that of Esmaalizade and Sahraee [2015], who have found that, in a reverse situation, non-native Persian speakers have used engagement markers in RAs written in English notably more than in RAs written in Persian, their foreign language. Nonetheless, since their research has not specified whether non-native Persian speakers were NES, having a corpus of RAs written in Persian as a foreign language by NES would provide a more accurate comparison.

Furthermore, researchers were found to be more inclined to use directives in their native language, which may be due to the reasons discussed above. This is while NPS employed significantly fewer directives in ENPS discussions, even though it is the second most frequent engagement marker in the corpus. This finding is in line with the argument proposed earlier concerning the effect of language proficiency and academic writing competence on creating a writer-reader interaction in the second language. As illustrated, questions were noticeably the least common linguistic features used to raise readers' interests in all three corpora (see Fig. 3). The analysis showed that Iranian writers, regardless of the language of writing, refrained from posing any types of questions, including rhetorical, to engage their readers in Discussions. The findings lend support to previous research which has found questions to be the least frequent engagement markers in English and Persian RAs (e.g.: [Ansarin, Tarlani Aliabdi, 2011; Taki, Jafarpour, 2012]), as well as in other languages (e.g.: [Alghazo et al., 2021; Ma, 2021]).

The findings of the present research indicated both similarities and differences in the use of metadiscourse linguistic features (SEMs), among the three corpora. Regarding the stance markers, there were disagreements between the three sets of data in terms of the most predominant linguistic features employed by the writers to express their position. Both English corpora (ENES and ENPS), featured hedging devices,

whereas the Persian corpus indicated more significant use of attitude markers. Moreover, there were considerable differences in the use of self-mentions amongst the three corpora; ENES employed this linguistic feature remarkably more than the other two datasets (see Fig. 2). As for the engagement markers, it was observed that the RAs written in the writers' native language (ENES and PNPS), made significantly featured directives to engage readers, while the RAs written by non-native speakers (ENPS), showed the tendency of writers to refer to their readers in order to raise their attention (see Fig. 3). The results of the study indicate the need for non-native academic writers to refrain from conveying the writing conventions and styles of their first language to their second-language writing product. Nonetheless, academic writing can be a challenging task for both native and non-native speakers of a language. As noted by Hyland and Milton [1997], the use of linguistic markers to express the agent's confidence presents a challenge to both native and non-native writers.

It is important to acknowledge some limitations in the current study to avoid over-generalization of the findings. The present research focused on English and Persian RAs in one academic discipline (applied linguistics), and analyzed SEMs in one section of published RAs (discussions). Future research may expand upon the inclusion of different academic disciplines and other sections of RAs. In addition, the ENPS and PNPS datasets in this study were restricted to RAs published in local journals. Future research into the locally and internationally published ENPS and PNPS RAs may give better insight into the potential contextual factors affecting the employment of SEMs in presenting arguments in discussions. Moreover, the generalizability of the findings can be increased by expanding the size of the datasets. Future research may study cross-linguistic and cross-cultural variations in the rhetorical structure and discursual patterns of RAs discussions and investigate their connection with the use of metadiscourse features (SEMs). The present research noted the effect of first- and second-language writing conventions on the writing products. Future research may reinforce this notion by including a corpus of RAs written by NES in their second language. Furthermore, interviews can be conducted with the RAs

authors to carry out a comparative analysis on the impact of their educational background, whether they have been taught academic writing, cultural background, and other influential factors on the use of metadiscourse linguistic features to frame their arguments.

Conclusion

Writers employ a variety of linguistic features and devices in their discourse in order to create an academically convincing identity and maintain the writer – reader interaction, with stance and engagement serving as the main resources. The present comparative cross-cultural study was aimed to gain insight into the use of SEMs in English and Persian RAs discussions, the former written by NES and NPS, and the latter written by NPS; the frequency and type of SEMs within the corpora were compared and contrasted.

The findings of this study substantiate the notion that the articulation of arguments in academic writing remains subjected to contextual and sociocultural conventions of the first and second language. To elucidate, the difference in the use of hedging devices suggests that NES are significantly more inclined to weaken the illocutionary force of their statement and are more cautious about making claims, whereas NPS have a higher tendency to avoid uncertainty. Moreover, the higher employment of attitude markers by NPS indicates the affective attitude of Persian writers in making their utterances. This is while they demonstrated a wider acknowledgement of the readers in their native language, which signifies the importance of the writers' awareness and knowledge of the second language conventions for the construction of an effective and persuasive argument.

Based on the empirical findings, we can confidently assert the necessity of building appropriate strategies for achieving a successful writer-reader interaction through the deliberate use of a wide range of linguistic features (SEMs) in agreement with the conventions of the target language, context, and culture. The results of the present research are of practical significance in the areas of textual representation, academic argumentation, and publication of scientific texts. Publishing RAs in English is an academic imperative of the present age for non-native

English-speaking scholars seeking to protect and enhance their professional status. Hence, to ensure effective communication, it is essential to refrain from carrying over the writing conventions of the first language into the second language and be mindful of the metadiscoursal, contextual, and sociocultural variations.

REFERENCES

- Abdi R., 2002. Interpersonal Metadiscourse: An Indicator of Interaction and Identity. *Discourse Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 139-145. DOI: 10.1177/14614456020040020101
- Akbas E., 2014. Are They Discussing in the Same Way? Interactional Metadiscourse in Turkish Writers' Texts. Jyda A., Warchai K., eds. *Occupying Niches: Interculturality, Cross-Culturality and Aculturality in Academic Research*. Cham, Springer International Publishing, pp. 119-133. DOI: 10.1007/978-3-319-02526-1_8
- Alghazo S., Al Salem M.N., Alrashdan I., 2021. Stance and Engagement in English and Arabic Research Article Abstracts. *System*, vol. 103, 102681. DOI: 10.1016/j.system.2021.102681
- Ansarin A.A., Tarlani Aliabdi H., 2011. Reader Engagement in English and Persian Applied Linguistics Articles. *English Language Teaching*, vol. 4, no. 4, pp. 154-164. DOI: 10.5539/elt.v4n4p154
- Anthony L., 2020. *AntConc (3.5.9) (Computer Software)*. S. l., Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software>
- Basturkmen H., 2012. A Genre-Based Investigation of Discussion Sections of Research Articles in Dentistry and Disciplinary Variation. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 11, no. 2, pp. 134-144. DOI: 10.1016/j.jeap.2011.10.004
- Candlin C.N., Hyland K., 2014. *Writing: Texts, Processes and Practices*. London, Routledge. 344 p.
- Cargill M., O'Connor P., 2013. *Writing Scientific Research Articles: Strategy and Steps*. S. l., Wiley-Blackwell. 240 p.
- Crismore A., Markkanen R., Steffensen M.S., 1993. Metadiscourse in Persuasive Writing: A Study of Texts Written by American and Finnish University Students. *Written Communication*, vol. 10, no. 1, pp. 39-71. DOI: 10.1177/0741088393010001002
- Dudley-Evans T., 1994. Genre Analysis: An Approach to Text Analysis for ESP. Coulthard M., ed. *Advances in Written Text Analysis*. London, Routledge, pp. 219-228.

- Ebadi S., Salman Rawdhan A., Ebrahimi Marjal B., 2015. A Comparative Study of the Use of Metadiscourse Markers in Persian and English Academic Papers. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, vol. 2, no. 4, pp. 28-41.
- Esmalazade S., Sahraee R.M., 2015. A Comparison and Investigation of Frequency and Method of Interaction Between the Writer and the Reader in Persian & English Teaching Texts. *Interdisciplinary Studies in the Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 119-143. DOI: 10.7508/isih.2015.25.005
- Flutttum K., Kinn T., Dahl T., 2006. "We Now Report On" Versus "Let Us Now See How": Author Roles and Interaction with Readers in Research Articles. Hyland K., Bondi M., eds. *Academic Discourse Across Disciplines*. Bern, Peter Lang, p. 320.
- Halliday M.A.K., 1973. *Explorations in the Functions of Language*. London, Edward Arnold.
- Halliday M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Edward Arnold. 256 p.
- Halliday M.A.K., 1985. *An Introduction to Functional Grammar*. London, Edward Arnold.
- Hashemi M.R., Hosseini H., 2019. Stance and Culture: A Comparative Study of English and Persian Authorial Stance in Applied Linguistics Research Articles. *Advanced Education*, no. 12, pp. 21-27.
- Hirano E., 2009. Research Article Introductions in English for Specific Purposes: A Comparison Between Brazilian Portuguese and English. *English for Specific Purposes*, vol. 28, no. 4, pp. 240-250. DOI: 10.1016/j.esp.2009.02.001
- Hopkins A., Dudley-Evans T., 1988. A Genre-Based Investigation of the Discussion Sections in Articles and Dissertations. *English for Specific Purposes*, vol. 7, no. 2, pp. 113-121.
- Hyland K., 1994. Hedging in Academic Writing and EAF Textbooks. *English for Specific Purposes*, vol. 13, no. 3, pp. 239-256. DOI: 10.1016/0889-4906(94)90004-3
- Hyland K., 2000. Hedges, Boosters and Lexical Invisibility: Noticing Modifiers in Academic Texts. *Language Awareness*, vol. 9, no. 4, pp. 179-197. DOI: 10.1080/09658410008667145
- Hyland K., 2001. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles. *Written Communication*, vol. 18, no. 4, pp. 549-574. DOI: 10.1177/0741088301018004005
- Hyland K., 2005. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse. *Discourse Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 173-192. DOI: 10.1177/1461445605050365
- Hyland K., 2015. Metadiscourse. Tracy K., Ilie C., Sandel T., eds. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. S. I., Wiley-Blackwell, pp. 997-1006. DOI: 10.1002/9781118611463.wbielsi003
- Hyland K., 2018. *The Essential Hyland: Studies in Applied Linguistics*. London, Bloomsbury Academic. 520 p.
- Hyland K., 2019. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, Bloomsbury Publishing.
- Hyland K., Milton J., 1997. Qualification and Certainty in L1 and L2 Students' Writing. *Journal of Second Language Writing*, vol. 6, no. 2, pp. 183-205.
- Jalilifar A., 2011. World of Attitudes in Research Article Discussion Sections: A Cross-Linguistic Perspective. *Technology of Education Journal (TEJ)*, vol. 5, no. 2, pp. 81-90. DOI: 10.22061/tej.2011.281
- Karimi K., Maleki M., Farnia M., 2017. Metadiscourse Markers in the Abstract Sections of Persian and English Law Articles. *International Journal of Foreign Language Teaching and Research*, vol. 5, no. 18, pp. 69-83.
- Keshavarz M.H., Kheirieh Z., 2011. Metadiscourse Elements in English Research Articles Written by Native English and Non-Native Iranian Writers in Applied Linguistics and Civil Engineering. *Journal of English Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 3-15.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Y., 2020. Angloyazychnyy akademicheskii diskurs v translingval'noy situatsii: korpusno-orientirovannoe izuchenie leksicheskikh markerov [English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus Based Study of Lexical Markers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2018. Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 15 (10), pp. 1-11. DOI: 10.17516/1997-1370-0353
- Le T.N.P., Harrington M., 2015. Phraseology Used to Comment on Results in the Discussion Section of Applied Linguistics Quantitative Research Articles. *English for Specific Purposes*, vol. 39, pp. 45-61. DOI: b10.1016/j.esp.2015.03.003
- Leki I., Carson J., 1997. "Completely Different Worlds": EAP and the Writing Experiences of ESL Students in University Courses. *Tesol Quarterly*, vol. 31, no. 1, pp. 39-69. DOI: 10.2307/3587974

- Ma C., 2021. *Stance and Engagement in Scientific Research Articles. Doctoral Dissertation*. Florida, s. n. 166 p.
- Marefat H., Mohammadzadeh S., 2013. Genre Analysis of Literature Research Article Abstracts: A Cross-Linguistic, Cross-Cultural Study. *Applied Research on English Language*, vol. 2, no. 2, pp. 37-50. DOI: 10.22108/are.2013.15469
- Mur Duecas P., 2009. Logical Markers in L1 (Spanish and English) and L2 (English) Business Research Articles. *English Text Construction*, vol. 2, no. 2, pp. 246-264. DOI: 10.1075/etc.2.2.07mur
- Peacock M., 2002. Communicative Moves in the Discussion Section of Research Articles. *System*, vol. 30, no. 4, pp. 479-497. DOI: 10.1016/S0346-251X(02)00050-7
- Pourmohammadi M., Kuhi D., 2016. A Comparative Analysis of Self-Mentions in Applied Linguistics PhD Dissertations Written by Native and Non-Native English Writers. *The Journal of Applied Linguistics and Applied Literature: Dynamics and Advances*, vol. 4, no. 1, pp. 109-124.
- Ruiying Y., Allison D., 2003. Research Articles in Applied Linguistics: Moving from Results to Conclusions. *English for Specific Purposes*, vol. 22, no. 4, pp. 365-385.
- Schiffrin D., 1980. Metatalk: Organizational and Evaluative Brackets in Discourse. *Sociological Inquiry*, vol. 50, no. 34, pp. 199-236. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1980.tb00021.x
- Sultan A.H.J., 2011. A Contrastive Study of Metadiscourse in English and Arabic Linguistics Research Articles. *Acta Linguistica*, vol. 5, no. 1, pp. 28-41.
- Tahririan M.H., Jalilifar A.R., 2004. Generic Analysis of Thesis and Dissertation Abstracts: Variation Across Cultures. *Iranian Journal of Applied Linguistics*, vol. 7, no. 2, pp. 121-143.
- Taki S., Jafarpour F., 2012. Engagement and Stance in Academic Writing: A Study of English and Persian Research Articles. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 3, no. 1, pp. 157-168.
- Thompson G., Hunston S., 2001. Evaluation: An Introduction. Thompson G., Hunston S., eds. *Evaluation in Text*. Oxford, Oxford University Press, pp. 1-26.
- Vande Kopple W.J., 1985. Some Exploratory Discourse on Metadiscourse. *College Composition and Communication*, vol. 36, no. 1, pp. 82-93. DOI: 10.2307/357609
- White P.R.R., 2003. Beyond Modality and Hedging: A Dialogic View of the Language of Intersubjective Stance. *Text & Talk*, vol. 23, no. 2, pp. 259-284. DOI: 10.1515/text.2003.011
- Yang W., 2014. Stance and Engagement: A Corpus-Based Analysis of Academic Spoken Discourse Across Science Domains. *LSP Journal – Language for Special Purposes, Professional Communication, Knowledge Management and Cognition*, vol. 5, no. 1.
- Yazdani S., Sharifi S., Elyassi M., 2014. Interactional Metadiscourse in English and Persian News Articles About 9/11. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 428-434. DOI: 10.4304/tpls.4.2.428-434
- Zhang Y., 2018. Exploring EFL Learners' Self-Efficacy in Academic Writing Based on Process-Genre Approach. *English Language Teaching*, vol. 11, no. 6, pp. 115-124.

Information About the Author

Leila Ahmadi, Postgraduate Student, Department of Translation Theory and Practice and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, leilaahmadi@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

Информация об авторе

Лейла Ахмади, аспирант кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, leilaahmadi@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-0592-6059>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.8>

UDC 811.111'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 04.07.2021
Accepted: 21.03.2022

IMPLICIT SPEECH AGGRESSION IN THE TEXTS OF THE CONTEMPORARY BRITISH MASS MEDIA

Vladimir M. Maevskiy

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Speech aggression, which is actively used in modern media discourse, is becoming one of the tools for influencing the target audience in “information wars”: the world-famous mass media use a form of implicit speech aggression to manipulate public opinion globally. Research methods include frame analysis, qualitative and quantitative content analysis, and discourse analysis with the subsequent revelation of implicit speech aggression. The research material was 150 articles on foreign and domestic policy issues, which were published in 2019–2020 in the periodicals “The Times”, “The Guardian” and “The Observer”. The article considers the frequency of speech aggression used in the texts of the British mass media as a means of implicit influence on the readership. According to the results of the study, there are trends in the use of implicatures that potentially express verbal aggression. These implicatures are shown to appear mainly in conflictogenic texts, which contain the materials with varying degree of hostility – from insult to verbal extremism. Such frames as “COVID-19 policy”, “Post-Brexit relations with EU”, “Sanctions against the political regime in Russia” are noted to prevail in the publications. The most frequent means of implicit verbal aggression realization in the leading British mass media are false accusation, sarcasm, metaphor, mockery, reproach, irony, and threat.

Key words: implicature, speech aggression, media discourse, British media, thematic frame, communicative linguistics.

Citation. Maevskiy V.M. Implicit Speech Aggression in the Texts of the Contemporary British Mass Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 111-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.8>

УДК 811.111'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 04.07.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ИМПЛИЦИТНАЯ РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ СМИ

Владимир Михайлович Маевский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что речевая агрессия, активно используемая в современном медиадискурсе, становится одним из инструментов воздействия на целевую аудиторию в «информационных войнах»: средства массовой информации, имеющие мировую известность, применяют имплицитную речевую агрессию для глобального манипулирования общественным мнением. В статье предложена методика качественно-количественного анализа новостных фреймов с последующим выявлением имплицитной речевой агрессии. Материалом для анализа послужили статьи по наиболее актуальным вопросам внешней и внутренней политики Великобритании, опубликованные в 2019–2020 гг. авторитетными периодическими изданиями «The Times», «The Guardian» и «The Observer». Проанализированы частотности речевой агрессии как средства имплицитного воздействия на читательскую аудиторию. Установлены тенденции использования импликатур, потенциально выражающих речевую агрессию. Показано, что такие импликатуры представлены преимущественно в конфликтогенных текстах, содержащих материалы, степень враждебности которых варьируется от оскорбления до вербального экстремизма. Установле-

© Маевский В.М., 2022

но, что в публикациях доминируют фреймы «Политика по борьбе с COVID-19», «Отношения с ЕС после Brexit», «Санкции против политического режима в России». При этом из средств реализации имплицитной речевой агрессии в британских СМИ наиболее востребованы такие, как ложное обвинение, сарказм, метафора, насмешка, упрек, ирония, угроза.

Ключевые слова: имплицатура, речевая агрессия, медиадискурс, британские СМИ, тематический фрейм, коммуникативная лингвистика.

Цитирование. Маевский В. М. Имплицитная речевая агрессия в текстах современных британских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 111–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.8>

Введение

В XXI в. к наукам, изучающим агрессию и конфликт, присоединилась, по словам М. Кронгауза, и лингвистика [Кронгауз, 2020, с. 2]: языковеды обратили свое внимание на это явление в аспекте его отражения в речи (см., например: [Ларина, Озюменко, Пономаренко, 2011; Воронцова, 2016; Марзан, 2017; Громова, 2016; Габдрафикова, 2017; 2018; Васенина, Прончев, 2018; Карабань, Дикарева, 2018; Ларионова, 2018; Cap, Dynel, 2017; Piskorska, 2017; Mithun et al., 2020; Faiz-Mazen, Zaheer, Alam, 2021]).

Сфера распространения вербальной агрессии – целенаправленного коммуникативного действия, ориентированного на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия [Седов, 2005, с. 88] – чрезвычайно широка: это самые разные дискурсивные практики (официальные [Cap, Dynel, 2017, с. 102], политические, медийные, а также профессиональные и бытовые [Михайлова, Михайлова, 2018, с. 52]). По мнению ученых, речевая агрессия становится универсальным языком современной коммуникации, который стремительно расширяет границы своего бытования, охватывая все речевое пространство, проникая в новые сферы коммуникации [Карабань, Дикарева, 2018, с. 2]. Причина такого распространения речевой агрессии, как показано в современных исследованиях, заключается в том, что в эпоху глобализации происходит увеличение числа каналов информации и их влияния на массовое сознание [Lodz Papers in Pragmatics, 2017, p. 21]. Функции современной речевой агрессии поменялись с «бытовых» на «политические», а именно: если ранее речевая агрессия была ориентирована преимущественно на личностное оскорбление

оппонента, то в настоящее время она стала инструментом оказания воздействия на идеологию читательской аудитории с целью изменить их политические настроения.

При описании инструментов речевой агрессии ученые выделяют прямую (или открытую) и имплицитную (или скрытую) речевую агрессию. Первая реализуется с помощью лексических средств, выражающих негативную оценку: инвективная и стилистически сниженная ненормативная лексика, окказиональные слова, агрессивные метафоры и т. д. Такая речевая агрессия создается, как правило, в конфликтных текстах [Громова, 2016, с. 173] посредством использования негативной информации, языковой демагогии и речевых импликаций, которые понимаются как скрытая смысловая нагрузка значения языковой единицы [Язык, знание, социум..., 2007, с. 9], как «идеи, непосредственно не высказываемые в тексте, но выводимые из него на основе общих законов речевого общения» [Воронцова, 2016, с. 9]. К речевым импликациям относятся намек, сарказм, метафора, насмешка, упрек, ирония, угроза [Ogura, 2021, p. 409]. Дискурсивные средства речевой агрессии связаны с нарушениями принятых норм общения и знаниями участников коммуникации о мире, с адекватным истолкованием слов, явлениями интертекстуальности.

Речевая (вербальная) агрессия часто используется как средство манипулирования сознанием адресатов в контексте международной информационной войны [Mesropyan, 2021, p. 117]. «Вся информация теперь подчинена конкретным, как правило, политическим целям» [Озюменко, 2017, с. 204]. В исследованиях К.В. Седова подчеркивается, что термин «манипуляция» имеет однозначно отрицательный смысл [Седов, 2005, с. 98] и что «под речевой манипуляцией следует понимать

осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния» [Седов, 2005, с. 97].

Актуальным представляется изучение в аспекте реализации речевой агрессии имплицитных высказываний в средствах массовой информации, что обусловлено значимостью СМИ в социуме: они выступают в роли средства контроля, коррекции и формирования той или иной идеологической концепции в сознании реципиентов. Журналист, создающий текст, и издание, его публикующее, приобретают определенную выгоду: заголовок, ключевые слова и статья оказывают скрытое воздействие на реципиента, корректирующее его эмоционально-психологическое состояние в отношении описываемой ситуации / личности / события, причем такое воздействие может являться как «государственным заказом», так и попыткой скорректировать идеологические воззрения и эмоционально-психологический настрой читателей журналистом / редакцией, согласно их (адресантов) личностным убеждениям. Кроме того, в текстах периодических изданий, в публицистических статьях популярных центральных СМИ, благодаря жесткой цензуре, обценная, жаргонная и сленговая лексика табуирована, в особенности, если авторские интенции заключаются в намеренном оскорблении какой-либо личности, нации, религии, страны и пр. В связи с этим журналисты используют имплицитные высказывания в качестве манипулятивных средств воздействия на сознание реципиентов «с целью изменения их личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных) и пр.» [Громова, 2016, с. 184].

Имплицитная вербальная агрессия выражается в ключевых словах, так как именно они, в соответствии с политикой SEO-продвижения, выводят публикационный материал СМИ в первые ряды поисковых систем Интернета и, следовательно, обнародовать его, что позволяет корректировать идеологические воззрения реципиентов, а публикациям помогает занять лидирующие позиции в рейтинге массмедиа. Кроме того, благодаря эмоционально-экспрессивной окраске ключевых слов повышается возможность того, что целевая аудитория прочтет материал.

Релевантная интерпретация суждений журналистов с учетом стратегии их страны на международной политической арене позволяет грамотно оценивать общие настроения в этом государстве, которые проявляются в связи с событием / ситуацией / личностью в рамках публикуемого материала в массмедиа.

Материал и методы

В статье проводится анализ текстов медиадискурса, который определяется как речевая деятельность журналистов / редакции, находящая отражение в публикациях СМИ. Новизна исследования обусловлена обращением к современному материалу, отражающему реалистичную картину смены политической парадигмы Великобритании в отношении определенных государств, информация о которой важна, поскольку Великобритания является в настоящий момент одним из ведущих участников международных отношений.

Для отслеживания такой явной негативной тенденции, как рост имплицитной речевой агрессии, необходимо использование не только качественных, но и количественных методов анализа, что показано в работах ряда исследователей (см., например: [Воронцова, 2016; Ларина, Озюменко, Пономаренко, 2011; Malyarchuk-Proshina, Burlachenko, 2018; Malyuga, Konkova, 2017; и др.]).

С точки зрения реализации стратегии речевой агрессии мы анализируем публикации авторитетных британских газет «The Times», «The Observer» и «The Guardian», число читателей которых ежегодно растет во всем мире благодаря цифровому формату, а также широкому распространению английского языка как средства международного общения. Материалом для анализа послужили статьи политической направленности ведущих британских газет за 2020 г. общим объемом 150 единиц (репрезентативная выборка). По частотности тематических заголовков в них были выявлены три основных новостных фрейма: 1) «Политика по борьбе с COVID-19», 2) «Отношения с ЕС после Brexit» и 3) «Санкции против политического режима в России».

В методологическом плане мы опираемся на достижения отечественных и зарубежных лингвистов, определивших специфику ре-

чевой агрессии и классифицировавших формы ее проявления в разных видах коммуникации (см., например: [Васенина, Прончев, 2018; Воронцова, 2016; Габдрафикова 2017; 2018; Громова, 2016; Карабань, Дикарева, 2018; Кронгауз, 2020; Марзан, 2017; Faiz-Mazen, Zaheer, Alam, 2021]), охарактеризовавших имплицитную речевую агрессию как средство влияния на мнение коммуникантов о получаемой информации [Ларионова, 2018; Николаева, 2018] и как механизм манипулирования общественным мнением в текстах британских СМИ [Ларина, Озюменко, Пономаренко, 2011].

Для нашего исследования представляют интерес публикации, в которых предложены авторские методики анализа речевой агрессии [Mithun et al, 2020; Ogura, 2021]; методика количественного анализа данных для изучения текстов медиа [Faure et al., 2018; Piskorska, 2017; Párcunová et al., 2021; Sponholz, 2021; Uozumi, 2021]. Работа выполнена в русле дискурсивно-прагматического подхода с применением группы лингвистических методов: содержательный и количественный контент-анализ импликатур, потенциально выражающих речевую агрессию, фрейминг-анализ новостных публикаций британских газет.

Методика исследования включает три этапа.

На первом этапе осуществлен первичный сбор данных. Из 1 500 публикаций, извлеченных из указанных газет, составлена репрезентативная выборка: отобрано 150 публикаций по принципу каждая 10-я публикация за 2020 год. Затем с помощью фрейминг-анализа этих публикаций были выявлены ключевые для 2020 г. новостные фреймы.

Новостной фрейм понимается как схема обработки информации, которая проявляется в особенностях новостного текста и усиливает специфическое восприятие и понимание событий (см.: [Faiz-Mazen, Zaheer, Alam, 2021, p. 22]). Фрейминг-анализ, проведенный на первом этапе эмпирического исследования, необходим для тематической характеристики политической новостной повестки дня трех ведущих британских изданий в 2020 году.

Второй этап заключался в проведении содержательного контент-анализа публикаций по выявлению импликатур, потенциально выражающих речевую агрессию. Все качественные

данные переведены в количественные балльные показатели по критерию частотности ключевых слов для каждого новостного фрейма.

Третий этап исследования заключался в проведении анализа новостных фреймов для выявления частотности импликатур, возможно выражающих речевую агрессию, в ведущих британских изданиях. Все количественные показатели были изучены с помощью программного обеспечения Neural Designer – инструмента для расширенной аналитики количественных данных. В результате проведенного анализа установлен общий уровень речевой агрессии, выраженной с помощью импликатур, в каждой из исследуемых британских газет.

Сбор и обработка данных проведены с 1 января по 22 февраля 2021 года.

Результаты и обсуждение

По частотности ключевых слов в заголовках, выявленных в исследуемых материалах за указанный период, нами с помощью программного обеспечения для статистического анализа получены следующие данные по каждой из изучаемых британских газет. Ключевыми для 2020 г. в «The Times», «The Guardian» и «The Observer» являются три темы: «Политика по борьбе с COVID-19», «Отношения с ЕС после Brexit», «Санкции против политического режима в России» (см. рис. 1).

Доминирующим по частотности в публикациях всех трех изданий является фрейм «Политика по борьбе с COVID-19», что связано с особой актуальностью данной темы для страны в исследуемый период. При этом публикации в основном касались вопросов реализации прав человека во время самоизоляции, политики правительства по вопросам льгот и социальной помощи, а также вопросов, связанных с разногласиями внутри кабинета министров. Вторым по частотности стал фрейм «Отношения с ЕС после Brexit». Третьим по частотности стал фрейм «Санкции против политического режима в России», касающийся внешней политики и связанный с вопросами санкций в отношении России, а также критики ее политического режима с позиций ценностей западной демократии. Проана-

лизированные текстовые материалы публикаций для второго этапа исследования, в ходе которого были выявлены ключевые имплицатуры, дифференцированы по критерию частотности реализации речевой агрессии в каждом издании (рис. 2).

Опишем наиболее лингвистически яркие примеры, характеризующие речевую агрессию британской прессы. Например, фрейм «Политика (Британии. – В. М.) по борьбе с COVID-19» наиболее часто реализуется посредством имплицатуры угрозы в

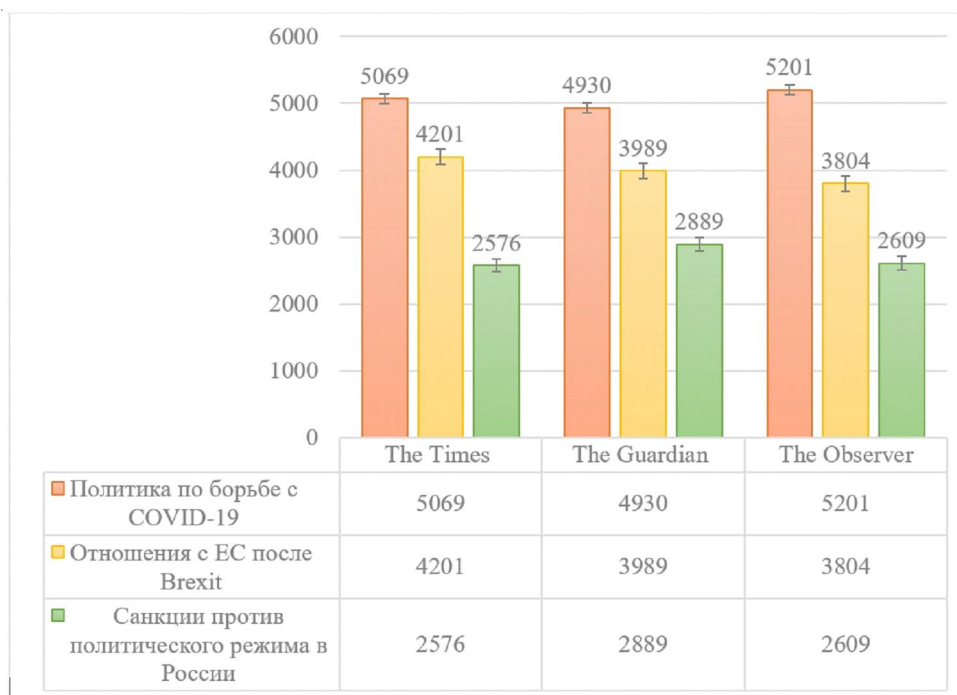

Рис. 1. Ключевые новостные фреймы по частотности ключевых слов в заголовках трех британских газет в 2020 году

Fig. 1. Key news frames by the frequency of keywords in the headlines of three British newspapers in 2020

Примечание. Рисунки 1–3 составлены автором с помощью программы Neural Designer.

Note. The figures 1–3 are compiled by the author by using the Neural Designer program.

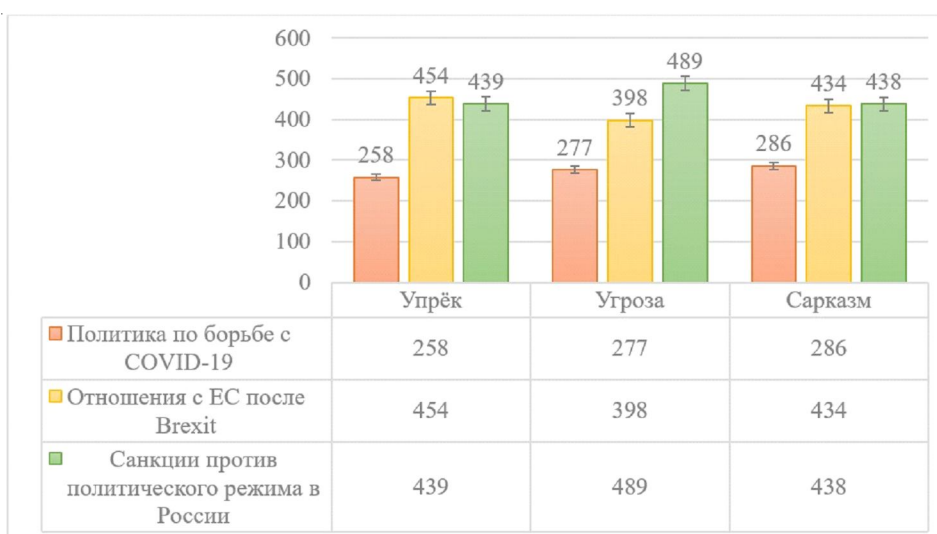

Рис. 2. Частотность средств имплицитной речевой агрессии в новостных публикациях трех британских газет

Fig. 2. Frequency of means of implicit speech aggression in news publications of three British newspapers

публикациях «The Times». При этом она может быть использована непосредственно в заголовках статей:

(1) Coronavirus: 38 days when Britain sleepwalked into disaster. Boris Johnson skipped five Cobra meetings on the virus, calls to order **protective gear were ignored and scientists' warnings fell on deaf ears. Failings in February may have cost thousands of lives** (The Times) / Коронавирус: 38 дней, когда Британия в состоянии лунатизма пришла к катастрофе. Борис Джонсон пропустил пять встреч Cobra, посвященных вирусу, призывы заказать защитное снаряжение были проигнорированы, а предупреждения ученых остались без внимания. Провалы политики правительства в феврале могут стоить тысяч жизней (здесь и далее перевод с английского наш. – В. М.).

В данном примере использован прием «логической петли», когда причинно-следственная связь, на самом деле не существующая, представлена как реальная: игнорирование мер предосторожности дано как причина, а увеличение смертности в феврале – как следствие.

В «The Guardian», по нашим данным, импликация угрозы реализуется в большей степени в текстах публикаций, чем в заголовках. Например, «The Guardian» в статье «COVID-19: did the UK government prepare for the wrong kind of pandemic?» пишет:

(2) When the coronavirus struck, **the British government repeatedly said it was among the best-prepared countries in the world** – with some justification. Two months on, any breezy confidence has evaporated. The government is facing growing complaints over **a series of policy missteps that critics say are responsible for the worst death toll in Europe** (The Guardian, 2020) / Когда разразился коронавирус, британское правительство неоднократно заявляло, что это одна из самых подготовленных стран в мире – и для таких утверждений вроде бы были все основания. Спустя два месяца уверенность в этом испарилась. Правительство сталкивается с растущими жалобами на ряд ошибок в политике, которые, по мнению критиков, привели к наихудшему результату: к самому высокому показателю смертности в Европе.

В представленном примере импликация реализована посредством приема демагогии. Посыл текста, возможно, следующий: правительство было слишком самоуверенно,

что привело к печальным последствиям. Импликация следующая: «самонадеянность правительства представляет угрозу здоровью британского общества». Пример (2) демонстрирует попытку журналистов с помощью имплицитной речевой агрессии сформировать представление о том, что правительство проводит неграмотную политику, создавая тем самым угрозу для страны в период пандемии.

В публикациях «The Observer» чаще, чем угроза или упрек, применяется демагогия:

(3) When Will the Pandemic End? This Vaccine Data-Backed Outlook Will Make You Cry (The Observer, 2020) / Когда закончится пандемия? Этот прогноз, основанный на данных о вакцинации, заставляет вас разрыдаться.

В примере использован прием демагогии с риторическим вопросом, возможно, импликация следующая: «можете не надеяться на скорое завершение пандемии, потому что вакцина может доставить больше хлопот, чем сам вирус».

При реализации второго по значимости новостного фрейма – «Отношения с ЕС после Brexit» – в публикациях трех изданий доминируют импликации, выраженные в форме упрека в адрес Европейского союза, а также при описании тех проблем, с которыми столкнулась Великобритания после выхода из его состава:

(4) Thanks to Brexit, America Could Now Colonize Great Britain (The Observer, 2019) / Благодаря Брекситу Америка теперь может колонизировать Великобританию;

(5) The government cannot catch the mouse. Britain will pay a very high price to EU for Brexit (The Guardian, 2020) / Правительство не может поймать даже мыш. Британия заплатит ЕС очень высокую цену за Brexit.

В примере (4) упрек создается посредством злой шутки, если учесть историю возникновения государственности в самих США. Импликация в данном случае следующая: «выход Великобритании из состава ЕС доставил гораздо больше проблем, чем геополитических выгод». Пример (5) иллюстрирует прием «логической петли», который наиболее часто используется для реализации скрытого сарказма в публикациях, составляющих вто-

рой фрейм. В статье, заголовок которой приведен в (5), речь идет о том, что британское правительство не смогло договориться о списании долгов по некоторым обязательствам перед Евросоюзом, то есть в тексте освещена техническая проблема выхода из ЕС, но в заголовке тема представлена с помощью импликатуры: 'правительство не может проявить политическую волю и именно поэтому Британии придется платить высокую цену за выход из ЕС'. При этом выражение *can not catch the mouse* явно заимствовано из языка социальных сетей (см. об этом: [Ogura, 2021, p. 409]), равнозначно *can't catch an idea* и выражает в данном случае насмешку над слабостью политической воли правительства.

Тексты с использованием импликаций угрозы и сарказма более напоминают публикации «желтой прессы», чем авторитетного издания, поскольку журналисты обращаются к метафорам, характеризующим президента России как человека, не предпринимającego мер по борьбе с коронавирусной инфекцией, при этом находящегося в комфортных условиях, в отличие от граждан, страдающих от заболевания:

(6) The Putin horror show shouldn't surprise us. We helped create it (The Times, 2020) / Шоу ужасов о Путине не должно нас удивлять. Мы сами помогли создать его;

I don't know about you, but I feel a shiver of satisfaction pondering Vladimir Putin, sitting in his gilded cage in Moscow, agonising about the endgame. As the former KGB agent continues to lock up brave protesters, often brutalising them in the process, he must know that the noose of history is tightening around his own neck. He will never be able to enjoy his billion-dollar palace on the Black Sea, complete with its golden toilet brushes, or the untold money he has squirreled away in foreign jurisdictions under proxies and shell companies (The Times, 2020) / Он никогда не сможет наслаждаться своим дворцом на берегу Черного моря стоимостью в миллиард долларов, в комплекте с его золотыми туалетными щетками, или несметными деньгами, которые он спрятал в иностранных юрисдикциях через доверенных лиц и подставные компании. Дрожь удовлетворения охватывает от размышлений о Владимире Путине, сидящем в своей позолоченной клетке в Москве и мучительно размышляющем о финале. Поскольку бывший агент КГБ продолжает сажать храбрых протестующих, часто жестоко об-

ращаясь с ними, он должен знать, что петля истории затягивается на его собственной шее.

Журналист описывает президента Российской Федерации, спрятавшегося «в своей позолоченной клетке» от бушующей реакции политических лидеров Европы и Америки. Речь идет о политзаключенных и неминуемом наказании для тех, кто преследует инакомыслящих. При этом автор публикации (Мэтью Сайед) испытывает «дрожь удовлетворения» (*shiver of satisfaction*) от того, что президент не может покинуть пределы своего «дворца стоимостью в миллиард долларов на берегу моря» (*billion-dollar palace on the Black Sea*), вероятно, от страха быть «справедливо наказанным». Бездоказательность выводов в адрес правительства России, которые авторитетное издание представляет своим читателям, публикуя такие новости, как в примере (7), характеризует «The Times» как «желтую» прессу, поскольку в статье Мэтью Сайеда не представлено фотоматериалов или ссылок на авторитетные рецензируемые источники.

Третий фрейм – «Санкции против политического режима в России» – интересен с точки зрения доминирования импликаций угрозы, упрека, сарказма во всех трех изданиях. Нагнетание русофобии в публикациях «The Times» происходит с помощью импликаций угрозы и упреков в адрес правительства Британии и политики санкций. «The Guardian» в публикациях, посвященных санкциям, чаще всего использует импликацию ложного обвинения. Например:

(7) Putin's aggressive policies show sign of a worried regime. Amid constitutional changes and Navalny poisoning, Russian president strives to maintain power (The Guardian, 2020) / Агрессивная политика Путина свидетельствует о том, что режим обеспокоен. На фоне конституционных изменений и отравления Навального президент России стремится сохранить власть.

В примере (7), вероятно, реализуется попытка обвинить российского президента (импликация «ложное обвинение») в том, что в отравлении А. Навального виновен непосредственно президент (его политическая стратегия), чем аргументируется авторское умо-

заключение о том, что Путину следует покинуть занимаемый пост.

Для «The Observer» при обсуждении тем, объединенных нами в третий фрейм, более характерно использование имплицатуры сарказма:

(8) Vladimir Putin, Energy Tsar, Couldn't Care Less About Your Opinion (The Observer, 2020) / Владимира Путина, Энергетического Царя, вообще не беспокоит ваше мнение.

В статье описана Россия не как страна, а как заправочная станция, которой властвует В.В. Путин (*Russia is nothing but a gas station masquerading as a country*).

Чтобы представить общую картину, с помощью имплицитной речевой агрессии создаваемую для британского общества тремя ведущими газетами, нами был проведен анализ, который позволил выявить тенденцию в использовании имплицитной речевой агрессии в новостных публикациях этих изданий.

Количественные данные за 2020 г., представленные на рисунке 3, демонстрируют враждебность публикаций, посвященных Рос-

сийской Федерации и ее политике, во всех трех изданиях, хотя в публикациях о санкциях против политического режима в России количество таких имплицатур в два раза меньше, чем в материалах о борьбе с COVID-19, что обусловлено главной проблемой 2020–2021 гг. – распространением коронавирусной инфекции. Частотность имплицатур речевой агрессии в публикациях о пандемии с начала и до конца 2020 г. сохранялась неизменной. При этом в первом фрейме преобладают три имплицатуры: упрек, демагогия и угроза. Во втором фрейме доминирующее положение занимают упрек (в том числе создаваемый посредством злой шутки), сарказм и ложное обвинение, в третьем фрейме с начала и до конца исследуемого периода стабильно доминируют угрозы, упреки, сарказм и ложные обвинения, что связано с негативным восприятием политики кабинета министров Великобритании: в публикациях отражено недовольство тем, что применяемые меры в рамках эпидемиологической ситуации малоэффективны, и фиксируется его рост в отношении закрытия государственных границ и падения экономических показателей.

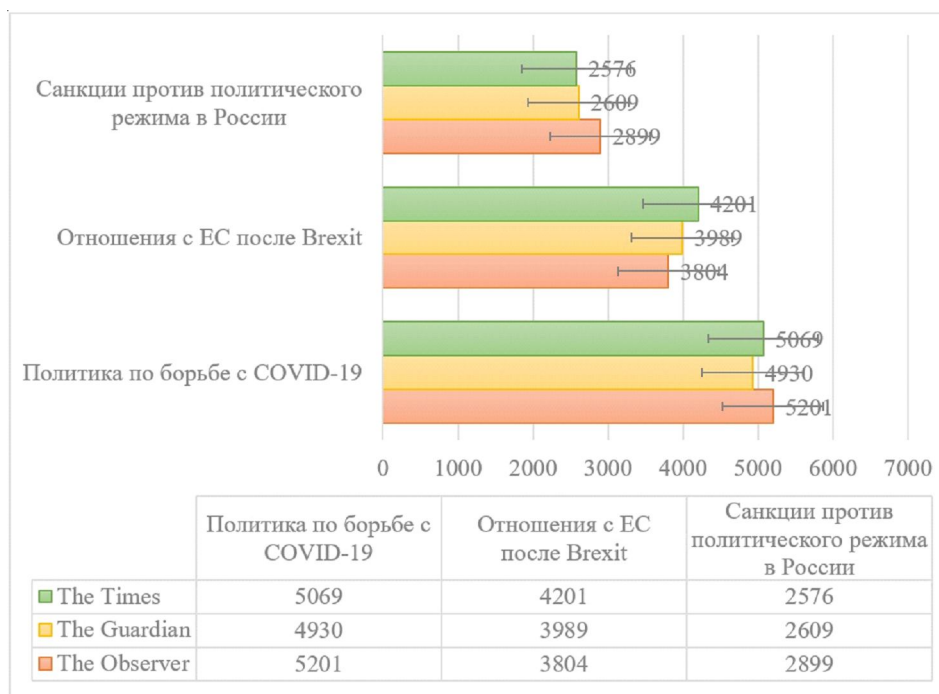

Рис. 3. Фреквенция средств имплицитной речевой агрессии в публикациях «The Times», «The Guardian» и «The Observer»

Fig. 3. Examples of means of implicit speech aggression in the publications “The Times”, “The Guardian” and “The Observer”

Полученные результаты показывают, что в течение 2020 г. в публикациях на политические темы в трех ведущих британских изданиях имPLICITная речевая агрессия получила широкое применение. Этот вывод подтверждает наблюдения других авторов, сделанные на ином материале (см., например: [Parsunová et al., 2021; Sponholz, 2021; Uozumi, 2021, p. 457]). Пост частотности имPLICITур, вероятно выражающих речевую агрессию в современных британских СМИ, на примере трех изданий показывает расширение диапазона использования скрытой речевой агрессии в современном глобальном информационном пространстве. Представленные в нашей статье данные о характере имPLICITной речевой агрессии в британской прессе позволяют дополнить историографию вопроса.

Выводы

Выявленные в результате исследования фреквенции, которые выступают показателем степени употребительности определенных имPLICITур, характеризуют негативный общеполитический настрой британских властей в отношении таких ситуаций, как «Политика по борьбе с COVID-19», «Отношения с ЕС после Brexit» и «Санкции против политического режима в России». Чем выше количество фреквенций, тем выше частотность средств имPLICITной речевой агрессии в новостных публикациях. Согласно полученным результатам, наибольшую частотность средств имPLICITной речевой агрессии демонстрируют публикации о политике борьбы с распространением COVID-19, по нисходящей траектории характеризуется агрессия в публикациях об отношениях Великобритании с ЕС после выхода из Brexit, меньшее количество агрессивных публикаций (в сравнении с публикациями по двум обозначенным выше ситуациям) представлено в статьях о санкциях против политического режима в России.

В трех основных новостных фреймах политических публикаций британских газет политика правительства по борьбе с пандемией представлена посредством соответствующей имPLICITуры как угроза благополучию британского общества; новостные фреймы «Отношения с ЕС после Brexit» и «Санкции против политического режима в России» в боль-

шей степени актуализируются с помощью имPLICITур упрека и сарказма.

Выявлены высокочастотные имPLICITуры: упрек, ирония, сарказм, угроза.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что имPLICITуры, выражающие речевую агрессию, в современных средствах массовой информации используются для манипуляций общественным мнением с целью изменения личностных установок читательской аудитории (ментальных, идеологических, оценочных) и, соответственно, дестабилизации внутренней и внешней политики. При этом, чем выше частотность средств имPLICITной речевой агрессии в новостных публикациях, тем ниже уровень аналитики и объективной информации в таких текстах. Результаты исследования показали, что именно в отношении новостного фрейма, касающегося России, все три издания используют приемы имPLICITной речевой агрессии (демагогия, «логическая петля», ложное обвинение и т. д.) для суггестивного воздействия на читателя, навязывая свое мнение целевой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей, 2015 : сб. науч. ст. / под ред. Г. Р. Власян, М. А. Самковой. Челябинск : Энциклопедия. 200 с.
- Васенина И. В., Прончев Г. Б., 2018. Речевая агрессия в социальных сетях интернета // Образование и право. № 2. С. 170–178.
- Воронцова Т. А., 2016. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». № 2. С. 109–116.
- Габдрафикова Т. Ш., 2017. Мультиmodalность речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7. С. 76–79.
- Габдрафикова Т. Ш., 2018. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12. С. 496–499.
- Громова Н. С., 2016. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений // Юрислингвистика. № 5. С. 173–189.
- Карабань Н. А., Дикарева А. В., 2018. Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. № 2. С. 1–8.

- Кронгауз М., 2020. От редактора. Речевая агрессия и речевой этикет // Слово.ру : Балтийский акцент. № 4. С. 6.
- Ларина Т. В., Озюменко В. И., Пономаренко Е. Б., 2011. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах // Russian Journal of Linguistics. № 2. С. 28–37.
- Ларионова Т. В., 2018. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7. С. 117–120.
- Марзан М. А., 2017. Речевая агрессия в газетной периодике // Огарев-Online. № 6. С. 1–5.
- Михайлова О. А., Михайлова, Ю. Н., 2018. Речевой конфликт в семейном общении // Научный диалог. № 11. С. 50–62. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-50-62>
- Николаева Е. С., 2018. Средства речевой агрессии в выступлениях бразильских политиков (на материале теле дебатов) // Древняя и новая Романия. № 21. С. 151–160.
- Озюменко В. И., 2017. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Russian Journal of Linguistics. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II). № 1. С. 202–220.
- Седов К. Ф., 2005. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. № 6. С. 87–103.
- Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии, 2007 / отв. ред. И. Т. Касавин. М. : ИФ РАН. 178 с.
- Сар Р., Dynel M., 2017. Implicitness. From Lexis to Discourse // Pragmatics & Beyond. New Series. 306 p.
- Faiz-Mazen M., Zaheer Y., Alam I., 2021. Hate Speech on Social Media: A Pragmatic Approach to Collect Hateful and Offensive Expressions and Perform Hate Speech Detection // International Linguistics. Vol. 1. P. 22–34.
- Faure R., Righetti, F., Seibel M., Hofmann W., 2018. Speech is Silver, Nonverbal Behavior is Gold: How Implicit Partner Evaluations Affect Dyadic Interactions in Close Relationships // Psychological Science. Vol. 29 (11). P. 1731–1741. DOI: [10.1177/0956797618785899](https://doi.org/10.1177/0956797618785899)
- Lodz Papers in Pragmatics, 2017 / ed. by F. Baider, M. Kopytowska. Vol. 13, iss. 2. 368 p.
- Malyarchuk-Proshina U. O., Burlachenko K. A., 2019. Speech Aggression in the Media as a Way of Manipulating Human Consciousness // Conference: Science of Russia: Targets and Goals. P. 54–62. DOI: [10.18411/sr-10-12-2019-54](https://doi.org/10.18411/sr-10-12-2019-54)
- Malyuga E. N., Konkova O. O., 2017. Gender Factor of speech aggression in English // Issues of Applied Linguistics. Vol. 3. P. 25–37. DOI: [10.25076/vpl.26.03](https://doi.org/10.25076/vpl.26.03)
- Mesropyan L. M., 2021. The Implicit Speech (Verbal) Aggression as the Lever in Information War // The Russian Academic Journal. Vol. 17 (3). P. 117–124. DOI: [10.15535/218](https://doi.org/10.15535/218)
- Mithun D., Binny M., Punyajoy S., Pawan G., Mukherjee A., 2020. Hate Speech in Online Social Media // ACM SIGWEB Newsletter. Vol. 3. P. 74–82. DOI: [10.1145/3427478.3427482](https://doi.org/10.1145/3427478.3427482)
- Ogura K., 2021. Hate Speech on the Internet // Hate Speech in Japan. P. 409–424. DOI: [10.1017/9781108669559.019](https://doi.org/10.1017/9781108669559.019)
- Papcunová J., Martončík M., Fedakova D., Kentoš M., Bozogánová M., 2021. Hate Speech Conceptualization: A Preliminary Examination of Hate Speech Indicators and Structure. DOI: [10.31234/osf.io/x5cq4](https://doi.org/10.31234/osf.io/x5cq4)
- Piskorska A., 2017. On the Strength of Explicit and Implicit Verbal Offences: A Relevance-Theoretic View // Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache / ed. by S. Bonacchi. Berlin ; Boston : De Gruyter. P. 51–72. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110522976-003>
- Sponholz L., 2021. Hate Speech // Sponholz L. Hate Speech in den Massenmedien. P. 31–92. DOI: [10.1007/978-3-658-15077-8_2](https://doi.org/10.1007/978-3-658-15077-8_2)
- Uozumi Sh., 2021. Hate Speech in the Mass Media: A Dispute over Broadcasting in Japan // Hate Speech in Japan. P. 456–473. DOI: [10.1017/9781108669559.021](https://doi.org/10.1017/9781108669559.021)

ИСТОЧНИКИ

- The Observer. URL: <https://www.theobserver.com>
 The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com>
 The Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk>

REFERENCES

- Vlasyan G.R., Samkova M.A., eds., 2015. *Aktualnye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley: sb. nauch. st.* [Actual Problems of Linguistics: The View of Young Researchers. Collection of Scientific Articles]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ. 200 p.
- Vasenina I.V., Pronchev G.B., 2018. Rehevaya agressiya v socialnykh setyakh interneta [Speech Aggression in Social Networks of the Internet]. *Obrazovaniye i parvo* [Education and Law], no. 2, pp. 170-178.
- Vorontsova T.A., 2016. Trolling i fleyming: rehevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and

- Flaming: Speech Aggression in Internet Communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], no. 2, pp. 109-116.
- Gabdrifikova T.Sh., 2017. Multimodalnost rechevoy agressii v virtualnoy srede [Multimodality of Speech Aggression in Virtual Environment]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 7, pp. 76-79.
- Gabdrifikova T.Sh., 2018. Strategii neautentichnoy rechevoy agressii v virtualnoy srede [Strategies of Inauthentic Speech Aggression in a Virtual Environment]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 12, pp. 496-499.
- Gromova N.S., 2016. Rechevaya agressiya: ot kommunikativnykh oshibok do pravonarusheniy [Speech Aggression: From Communicative Errors to Offenses]. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], no. 5, pp. 173-189.
- Karaban' N.A., Dikareva A.V., 2018. Rechevaya agressiya v Internet-obshchenii [Speech Aggression in Internet Communication]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], no. 2, pp. 1-8.
- Krongauz M., 2020. Ot redaktora. Rechevay agressiya i rechevoy etiket [From the Editor. Speech Aggression and Speech Etiquette]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], no. 4, p. 6.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ponomarenko E.B., 2011. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya obshchestvennym mneniem v angliyskikh i russkikh informatsionnykh tekstakh [Persuasion Strategies in Media Discourse About Russia: Linguistic Ambiguity and Uncertainty]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 2, pp. 28-37.
- Larionova T.V., 2018. Rechevaya agressiya: ot rechevoy praktiki k sotsiokognitivnoy matritse [Speech Aggression: From Speech Practice to the Sociocognitive Matrix]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 7, pp. 117-120.
- Marzan M.A., 2017. Rechevaya agressiya v gazetnoy periodike [Speech Aggression in Newspaper Periodicals]. *Ogarev-Online*, no. 6, pp. 1-5.
- Mikhaylova O.A., Mikhaylova, Yu.N., 2018. Rechevoy konflikt v semeynom obshchenii [Speech Conflict in Family Communication]. *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 50-62. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-50-62>
- Nikolaeva Ye.S., 2018. Sredstva rechevoy agressii v vystupleniyakh brazilskikh politikov (na materiale tele debatov) [Means of Speech Aggression in the Speeches of Brazilian Politicians (Based on the Body of the Debate)]. *Drevnyaya i novaya Romaniya*, no. 21, pp. 151-160.
- Ozyumenko V.I., 2017. Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii –k agressii [Media Discourse in a Situation of Information War: From Manipulation to Aggression]. *Russian Journal of Linguistics. Diskurs-analiz v 21 veke: teoriya i praktika* (II), no. 1, pp. 202-220.
- Sedov K.F., 2005. Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoy kommunikatsii [Aggression and Manipulation in Everyday Communication]. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], no. 6, pp. 87-103.
- Kasavin I.T., ed., 2007. *Yazyk, znanie, socium: problemy sotsialnoy epistemologii* [Language, Knowledge, Society: Problems of Social Epistemology]. Moscow, IF RAN. 178 p.
- Cap P., Dynel M., 2017. Implicitness. From Lexis to Discourse. *Pragmatics & Beyond. New Series*. 306 p.
- Faiz-Mazen M., Zaheer Y., Alam I., 2021. Hate Speech on Social Media: A Pragmatic Approach to Collect Hateful and Offensive Expressions and Perform Hate Speech Detection. *International Linguistics*, vol. 1, pp. 22-34.
- Faure R., Righetti F., Seibel M., Hofmann W., 2018. Speech is Silver, Nonverbal Behavior is Gold: How Implicit Partner Evaluations Affect Dyadic Interactions in Close Relationships. *Psychological Science*, vol. 29 (11), pp. 1731-1741. DOI: 10.1177/0956797618785899
- Baider F., Kopytowska M., eds., 2017. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, iss. 2. 368 p.
- Malyarchuk-Proshina U.O., Burlachenko K.A., 2019. Speech Aggression in the Media as a Way of Manipulating Human Consciousness. *Conference: Science of Russia: Targets and Goals*, pp. 54-62. DOI: 10.18411/sr-10-12-2019-54
- Malyuga E.N., Konkova O.O., 2017. Gender Factor of Speech Aggression in English. *Issues of Applied Linguistics*, vol. 3, pp. 25-37. DOI: 10.25076/vpl.26.03
- Mesropyan L.M., 2021. The Implicit Speech (Verbal) Aggression as the Lever in Information War. *The Russian Academic Journal*, vol. 17 (3), pp. 117-124. DOI: 10.15535/218
- Mithun D., Binny M., Punyajoy S., Pawan G., Mukherjee A., 2020. Hate Speech in Online Social Media. *ACM SIGWEB Newsletter*, vol. 3, pp. 74-82. DOI: 10.1145/3427478.3427482
- Ogura K., 2021. Hate Speech on the Internet. *Hate Speech in Japan*, pp. 409-424. DOI: 10.1017/9781108669559.019
- Papcunová J., Martončík M., Fedakova D., Kentoš M., Bozogánová M., 2021. *Hate Speech Conceptualization: A Preliminary*

- Examination of Hate Speech Indicators and Structure*. DOI: 10.31234/osf.io/x5cq4
- Piskorska A., 2017. On the Strength of Explicit and Implicit Verbal Offences: A Relevance-Theoretic View. Bonacchi S., ed. *Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache*. Berlin, Boston, De Gruyter, pp. 51-72. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110522976-003>
- Sponholz L., 2021. Hate Speech. Sponholz L. *Hate Speech in den Massenmedien*, pp. 31-92. DOI: 10.1007/978-3-658-15077-8_2
- Uozumi Sh., 2021. Hate Speech in the Mass Media: A Dispute over Broadcasting in Japan. *Hate Speech in Japan*, pp. 456-473. DOI: 10.1017/9781108669559.021

SOURCES

- The Observer*. URL: <https://theobserver.com>
- The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com>
- The Times*. URL: <https://www.thetimes.co.uk>

Information About the Author

Vladimir M. Maevskiy, Candidate for a Degree, Assistant, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, maevskiy_vm@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-5818-6624>

Информация об авторе

Владимир Михайлович Маевский, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, maevskiy_vm@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-5818-6624>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.9>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.51.5

Submitted: 15.09.2021
Accepted: 21.03.2022

GENDER-RELEVANT FEATURES OF IMPOSING EXPERT OPINION IN ONLINE COMMUNICATION OF PANDEMIC PERIOD¹

Olga Yu. Gukosyants

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the identification of gender peculiarities in applying the strategy of expert opinion demonstration as one of the ways to manipulate recipients on the Internet. On the basis of linguistic analysis of English blogs with expert content selected by the method of continuous sampling, specific speech tactics which express gender identity in the process of expert opinion presentation are characterized. The interdependence between the functional load of the blogs and the speech tools used by the bloggers is established and analyzed. It was revealed that female experts implemented the tactics of uncertainty, justification and intimacy expressed in conditional sentences, *just* to convey hesitation, means of semantic hyperbolization of speech, appeal to another person's opinion and the results of other people's research, quotes, dialogicity of utterances in the blogs. The blogs created by male experts featured implementation of the tactics of *we*-community, knowledge demonstration, intimidation, beliefs with high degree of textual cohesion, description of negative scenario in case of the expert's recommendations ignoring, rhetorical questions and adverb *instead* embedding, negative constructions and verbs in the imperative mood. The identified tactics and speech means used for these tactics implementation are qualified as gender markers of manipulative influence on the user through the expression of expert opinion.

Key words: Internet communication, speech impact, expert opinion, image of communicant, gender identity, speech tactic, speech strategy.

Citation. Gukosyants O.Yu. Gender-Relevant Features of Imposing Expert Opinion in Online Communication of Pandemic Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 123-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.9>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 15.09.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ ПРИ ОКАЗАНИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ¹

Ольга Юрьевна Гукосьянц

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению в гендерном аспекте стратегии демонстрации экспертного мнения как одного из способов оказания манипулятивного воздействия на реципиента в интернет-пространстве. На основе лингвистического анализа англоязычных блогов, содержащих экспертный контент и отобранных методом сплошной выборки, охарактеризованы речевые тактики, выражающие гендерную идентичность при представлении экспертного мнения. Обнаружена зависимость между использованными блогерами речевыми средствами и функциональной нагрузкой блогов. Установлено, что в блогах, созданных женщинами-экспертами, реализованы тактики неуверенности, оправдания и интимизации, для экспликации которых употребляются условные предложения, *just* для передачи хезитации, средства семантической гиперболизации речи, обращение к чужому мнению и результатам чужих исследований, цитаты, диалогическое построение высказывания. В блогах, созданных мужчинами-экспертами, реализованы тактики demonstra-

ции знаний, тактики *мы-общности*, устрашения, убеждения, выражению которых способствует высокая степень текстовой когезии, описание отрицательного сценария развития событий в случае игнорирования рекомендаций эксперта, нанизывание риторических вопросов, наречия *instead*, отрицательных конструкций и глаголов в повелительном наклонении. Выявленные тактики и речевые средства их воплощения квалифицированы как гендерные маркеры манипулятивного воздействия на пользователя посредством выражения экспертного мнения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, речевое воздействие, экспертное мнение, образ коммуниканта, гендерная идентичность, речевая тактика, речевая стратегия.

Цитирование. Гукосьянц О. Ю. Гендерные особенности передачи экспертного мнения при оказании речевого воздействия в англоязычной интернет-коммуникации в период пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 123–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.9>

Введение

Интернет как коммуникативная среда, используемая сегодня повсеместно не только для обыденного общения, обмена информацией, создания авторских живых журналов и продвижения собственных аккаунтов, но и для научных дискуссий, в образовательных целях, для рекламы товаров и услуг, проведения официальных встреч, политических брифингов, предоставляет безграничные возможности для пользователей и вызывает интерес у специалистов разных областей знаний. В частности, значительный корпус научных работ отечественных и зарубежных лингвистов посвящен изучению интернет-дискурса ([Баркович, 2015; Войскунский, 1991; Горошко, 2008; Иванов, 2003; Crystal, 2006; Herring, 2004; Plieskatt, 2001]), интернет-жанров ([Баламакова, 2014; Галичкина, 2018; Горошко, 2009; Максимова, 2019; Щипицина, 2010; Erickson, 2000; Frigola, Menendez, Coguera, 2020]). Обобщение результатов проведенных ранее исследований показывает, что в науке уже выявлены основные черты Интернета как коммуникативного пространства, представлена жанровая дифференциация интернет-опосредованной коммуникации.

Особенности интернет-среды как сферы коммуникации позволяют говорить об интернет-дискурсе как отдельном объекте лингвистического анализа, о реализации личностью, существующей в конкретном дискурсивном пространстве, соответствующей дискурсивной деятельности. Отметим, что гендерная направленность является неотъемлемой характеристикой интернет-дискурса. В современном представлении гендер – это прежде все-

го социальная категория, формирующаяся под влиянием социальных характеристик личности, культуры, уровня развития общества, и лишь потом – биологических факторов. Языковое конструирование гендера осуществляется и в дискурсивном пространстве Интернета. Стиль общения, речевое поведение, проявление той или иной гендерной идентичности способствуют построению образа адресанта.

Неотъемлемой составляющей процесса коммуникации в целом и в виртуальном пространстве в частности является оказание речевого воздействия на адресата. По мнению А.А. Леонтьева, адресант, влияя на реципиента, стремится «спровоцировать» его поведение в нужном направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно оказать давление на них [Леонтьев, 1997, с. 273].

Речевое воздействие может быть определено как воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [Стернин, 2001, с. 51].

Одним из очевидных способов оказания манипулятивного воздействия на реципиента в интернет-пространстве является стратегия демонстрации экспертного мнения. От эксперта ожидается знание темы и высокий уровень профессионализма, поэтому речевые средства (*perhaps, I guess, probably, maybe*), репрезентирующие неуверенность, которые свойственны женской коммуникации в обыденной ситуации [Trihartanti, 2020, p. 114], при написании комментариев и тематических по-

стов для демонстрации экспертного мнения не актуальны.

При передаче экспертного мнения также модифицируются такие гендерные маркеры женской речи, как смягчение негативной оценки, отказ от убеждения собеседника в собственной правоте, акцент на выражении сочувствия и сопереживания.

Характер проявления гендерных особенностей речевого поведения эксперта и степень их влияния на возможность оказания воздействия на аудиторию рассмотрены в настоящей работе.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили отобранные методом сплошной выборки 270 фрагментов текстов англоязычных блогов, в которых содержится экспертный контент, 137 созданы авторами-женщинами и 133 – авторами-мужчинами. Высказываемое экспертное мнение касалось бытовых вопросов (приобретения тех или иных товаров и услуг), трудоустройства, медицины, образования, правильного питания, периода пандемии COVID-19.

Основные методы исследования – контекстуальный анализ и интерпретация полученных данных. Описательный метод и корреляционный анализ позволили установить зависимость между выделенными лингвистическими средствами и их функциональной нагрузкой.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования в рамках полученной выборки определен ряд гендерных маркеров речи женщин-экспертов и мужчин-экспертов.

При выражении экспертного мнения женщинам свойственно апеллировать к чужому мнению. Такой прием, как показало ранее проведенное нами исследование, является характерной чертой мужской самопрезентации в англоязычных блогах (подробно об этом см.: [Алещенко и др., 2015, с. 208]). Демонстрация стороннего представления об анализируемых продуктах, товарах, категориях делает высказывание женщины неаргументированным. Например:

(1) **If you're over color and are looking** to try out the trend for yourself, we rounded up our favorite matte black furniture and home decor from around the internet, including... Dutch oven **that one of our editors actually owns.**

One of our editors swears by this candle. And now you can get it in black so it can match your aesthetic, too.

Gone are the days of bulky and big desks. This desk... is sleek and streamlined. The gold finish gives it a bit of glam that we're **totally** here for.

If you're not a fan of big bouquets, you might **just** need these black bud vases. The set can **definitely** work on a coffee table or as a centerpiece (Pardilla, 2020).

В представленном фрагменте наблюдаем использование условного предложения, функциональной ролью которого является смягчение категоричности высказывания (*If you're over color and are looking to try out the trend... we rounded up our favorite matte black furniture...*). Дискурсный маркер *just* выступает средством выражения неопределенности. Приведенный пример отражает характерное для женщины-эксперта в целом использование тактики неуверенности, оправдания при написании блога.

Речь женщины-эксперта отличают и некоторая высокопарность, стилистически возвышенная форма передачи информации, использование книжной лексики (*Gone are the days of...*), средств семантической гиперболизации речи (*actually, totally, definitely*), что также может являться маркерами тактики неуверенности.

(2) The workplace culture is changing... **Here are some discoveries to consider before you take the plunge. About the survey: 2500 remote workers surveyed were represented.** Included were regions across the UK, ethnic background, socio-economic status, gender, and inclusion of both high-income and low-income bracket workers...

55% reported that their manager does not fully understand what they do each day.

Communication should be limited to once a day or in emergencies, via a forum, or by employing a communication tool that can be muted. There's nothing worse than notifications pinging when you're really trying to focus (Crowe, 2019).

В представленном примере наблюдаем, что женщина-эксперт оперирует данными, полученными в результате проведенного ин-

ми лицами исследования, активно обращается к цифровым показателям, смягчает категоричность высказывания (*fully understand*).

Апелляцией к достигнутому в ходе эксперимента положительному эффекту характеризуется и фрагмент (3):

(3) **A study shows that people walk more steps when they track their activity levels with their watch**, which in turn is a useful tool for lowering blood pressure.

In this study, participants had to wear an Apple Watch at least five hours a day and keep a record of their blood pressure.

The average diastolic blood pressure was **76 mm Hg and 122 mm Hg** for systolic blood pressure which are considered normal to slightly elevated levels. The team found that for **every 1,000 steps a day**, subjects' systolic blood pressure reduced by **0.45 points** (Dean, 2020).

Здесь наблюдается обилие количественных данных, что является скрытой рекламой часов Apple Watch.

Рассмотрим еще один фрагмент:

(4) **According to the results of the survey**, more people are **actually** driven to read blogs that teach them how to do something new. While **34%** selected this reasoning, **20%** said they read blogs to be entertained, while **12%** read blogs to learn about news or trends in their job industry. **9%** said they're driven to read blogs for all of the reasons given.

What exactly do the results above mean?

To win over blog readers, you'll **definitely** need to create content that provides some type of informative value or entertainment, rather than purely using your blog to discuss your brand or product.

By far, the most common reason that people will read a blog post is to learn something new. This result doesn't surprise me at all.

Why? Posts that include guides, step-by-step processes, tutorial videos, or fast-facts often gain a large amount of search traffic (Bump, 2020).

Автор-женщина с целью выглядеть более уверенно и авторитетно обращается к некоторому исследованию, оперирует конкретными количественными данными и использует средства семантической гиперболизации речи (*actually, definitely*). В данном фрагменте прослеживается еще одна характерная коммуникативная черта женщин-экспертов: блог построен в форме диалога, где за каждым «за-

даваемым» вопросом следует развернутый ответ. Подобная вопросно-ответная система письма – своеобразный диалог с пользователем – подчеркивает намеренную интимизацию речи.

Весомость, значимость собственных слов создается женщинами-экспертами обращением к цитатам известных личностей:

(5) **“Most customer satisfaction surveys aren't very useful,” stated Frederick F. Reichheld in his often-cited article for Harvard Business Review...**

Even worse, customer satisfaction metrics often don't have much influence on the executive team or company direction. **Why? Because their results don't correlate tightly with profits or growth** (Chambers, 2020).

Автор блога вновь ведет диалог с читателем, располагая к себе и убеждая ей поверить.

Обращение к цитатам при написании экспертного блога женщинами наблюдалось в исследовании достаточно часто. Рассмотрим еще один пример:

(6) **Benjamin Franklin once said, “An investment in knowledge always pays the best interest.”**

That's never been truer than it is today. With new technology emerging at breakneck speeds, there's a **palpable pressure** to continuously upskill.

Whether you want that job promotion or to sidestep into a new field, you'll need to commit to learning new skills.

However, learning new skills can be both **time-consuming and challenging** (Toner, 2020).

Кроме отсылки к чужому мнению, в (6) проявляется такая характерная особенность речи женщин-экспертов, как применение оценочных, метафорически маркированных прилагательных (*palpable, time-consuming, challenging*). Однако обилия прилагательных в сравнительной и превосходной степенях, традиционно определяемых как маркеры женской речи (подробнее см.: [Алещенко и др., 2015, с. 229; Maximova, Lukyanova, 2020]), в речи женщин-экспертов не наблюдается.

Блоги мужчин-экспертов в противоположность блогам женщин-экспертов включают отсылки к личному опыту в решении опи-

сываемой проблемы и аргументацию собственных выводов и решений:

(7) **When I started my blog back in 2012, I was at a place in my life where I was looking for solutions to my own diet** and a lot of the information out there just didn't resonate with me. **At the time**, I didn't see a lot of men sharing food content that was nutritious. **So when I** started out with Fit Men Cook, it was a way for me to crowd source my own diet.

But what I was interested in was to make something like steak and potatoes healthier. I didn't start out trying to do what I am doing today. **When I** was overweight and **I was working** out three hours a day for a year, I didn't see any changes and then one day in the gym, a trainer asked me what **I was eating** and a lightbulb finally went off. **Once I changed my diet, the weight began to fall off me.**

Right now, I think a really big thing that we're missing across the board is the over-reliance on animal products and supplements.

...A lot of fitness nutrition focuses on protein, so many people fall back on filling their plates with meat. Protein doesn't just have to come from animals, it can come from vegetables. **Unfortunately**, there's not a lot of mainstream marketing aimed toward men and plant-based diets (Astre, 2020).

Данный блог, написанный мужчиной, посвящен правильному рациону, подбору сбалансированной диеты для мужчин. Автор описывает собственные проблемы и пути их решения, выводы, которые были сделаны в поиске выхода из сложившейся ситуации. Созданный блогером легенда помогает ему выделиться среди множества других, освещающих эту тему, продемонстрировать свой опыт и уникальность и, как результат, обрести лояльность аудитории, реализовав тактику демонстрации знаний.

Высокая степень текстовой когезии – еще одна отличительная особенность мужского экспертного блога. Текст имеет логичную структуру, отражает временные, пространственные, причинно-следственные отношения, содержит перечисления, обобщения, пояснения, повтор ключевых слов, обилие соединительных слов и выражений, слов-субститутов.

Слово *just* в данном фрагменте, в отличие от женской речи, где оно служит средством hesitation, облегчения восприятия речи, демонстрирует отказ автора от излишней манерности и намеренной гиперболизации.

Мужской речи свойственно использование вопросительных конструкций, как правило, это риторические вопросы. Например:

(8) **If The Rock made an announcement that he ate a salad once a day, do you know how many men would start eating salads?**

What if we start to think about food differently? What if we made vegetables and legumes and grains the star of the meal and if we wanted to, we treat the meat like a side? I encourage my followers not to make meat the star of their dish, but to make a vegetable the star of their dish and complement it with meat (Astre, 2020).

Блоги мужчин-экспертов отличаются высокой мотивационной составляющей:

(9) **There's no better time than right now** to reimagine our relationship with food. We're all dealing with so much right now from the pandemic to the racial injustice in America. The weight of all this can affect our food choices. Cooking for yourself can be very therapeutic. Aside from getting that serotonin boost from finishing a task from start to finish and the feeling of accomplishment from preparing yourself this beautiful meal, eating foods that are efficient for our bodies can help us to feel and function our best.

Always start small. Don't try to overhaul your entire diet in one day. Yes, many people have and will continue to do that but I caution against it because over time you get burned out much faster (Astre, 2020).

Указанное свойство выражено в приведенном примере фразой *There's no better time than right now*. В качестве средства речевого воздействия мужчины зачастую выбирают тактику убеждения: в (9) она реализована посредством использования отрицательных конструкций *there's no better time than right now, don't try*, благодаря им обосновывается существующая проблема, на решение которой направлен публикуемый контент, выражается поддержка и желание помочь.

В целях оказания воздействия в блогах экспертов-мужчин применяется тактика утешения: описывается развитие отрицательного сценария в случае, если рекомендуемые действия не будут приняты во внимание или описываемый продукт, предмет или программа не будут приобретены. Например:

(10) **There's always something pulling at our attention:** work, kids, social media, aging parents, the

list of life categories goes on. In **our** fast-paced society, it's easy to lose the balance that we crave. **As a result, it's easy** to neglect important areas in our lives that bring us meaning and fulfillment. **This is where the Wheel of Life can help us out.**

The truth is that without learning how to mindfully monitor **our** daily lives, **we can end up focusing all our time and energy on a single area and neglecting other important parts.**

If you aren't taking any action to turn your life now, chances are you will live the same routine for the rest of your time.

...Grab this FREE guide and find out what you can do to get back on track and be the master of your own life (Lynch, 2020).

В данном фрагменте наблюдаем выражение высокой причастности автора к описываемой проблеме путем регулярного использования местоимений *we, our* как средства демонстрации общности.

Единения с читателем помогают достичь конструкции, имеющие оправдательный характер (*There's always something pulling at our attention, it's easy to neglect important areas, it's easy to lose*). Перечисление «оправданий» заканчивается указанием на негативный исход (*The truth is that... we can end up focusing all our time and energy on a single area and neglecting other important parts*). Разворачивая описание отрицательного сценария, автор реализует тактику устрашения (отметим, что в рамках нашей выборки, она представлена именно в блогах мужчин). В заключительной части текста блога показано разрушение отрицательного сценария, которое становится возможным, если воспользоваться настоящим советом автора (глаголы в повелительном наклонении – *grab, find out*). Именно описываемая автором методика поможет достичь успеха (*be the master of your own life* – апелляция к силе и власти).

(11) Pandemic-related quarantine is **not only** annoying **but also** a mental health problem.

...Sure, you could wait until the emergence of a vaccine to reduce the risk of acquiring Covid-19 before leaving home. **However**, that could mean more months cooped up. **Instead, rely on** some technologically sound preventive measures and products to enable you to go out safely.

Our team tried a few dozen popular **ones**. Here's what we recommend.

...The next time you're forced to touch a keypad, forget about using your fingers. Instead, **pull out** an antimicrobial keychain tool.

You don't have to stay home all the time as the world recovers from Covid-19. You don't even have to limit yourself to solo walks in empty parks. **Enjoy** life a little and **de-stress** – **just make sure** you're taking your health seriously by practicing prevention (Anderson, 2020).

В представленном фрагменте (11) наблюдается высокая степень текстовой когезии (использованы соединительные слова и выражения – *not only... but also, sure, however, слово-субститут – ones*). Автором применяется тактика убеждения, реализуемая с помощью неоднократного использования наречия *instead*, отрицательных конструкций (*You don't have to stay home, You don't even have to limit yourself*) и глаголов в повелительном наклонении (*rely on, pull out, enjoy, de-stress, make sure*). Для представления доказательной базы мужчина-эксперт обращается к выводам, сделанным им лично совместно с его помощниками. Использование *just* является средством облегчения восприятия собственной речи, что прослеживалось и ранее в приведенных контекстах.

Заключение

Экспертные обзоры авторитетных блогов с демонстрацией определенного продукта, «правильного» образа мыслей и поведения являются одним из самых эффективных способов влияния в виртуальном пространстве. Авторы экспертных блогов, преследуя единственную цель – оказание речевого воздействия на читателя, применяют разные тактики ее достижения, что позволяет выявить гендерные особенности при выражении экспертного мнения и оказания, таким образом, манипулятивного воздействия на адресата в интернет-опосредованной коммуникации.

Как показал анализ сплошной выборки, женщинам-экспертам свойственно придерживаться тактики неуверенности и тактики оправдания, которые проявляются в смягчении категоричности высказывания (условные предложения, *just* для передачи хезитации, средства семантической гиперболизации речи, обращение к чужому мнению и результатам

чужих исследований, цитаты). Кроме того, женщины-эксперты часто применяют тактику интимизации – блог строится в форме диалога с пользователем.

Блоги мужчин-экспертов характеризуются отсылкой к личному опыту в решении описываемой проблемы, аргументацией собственных выводов и решений, что характеризует тактику демонстрации знаний. Средства облегчения восприятия собственной речи, регулярное использование местоимений *we*, *our*, конструкций, имеющих оправдательный характер, становятся проявлениями тактики мы-общности. В блогах мужчин-экспертов для оказания воздействия на читателя часто применяется тактика устрашения, что подтверждается развитием в блоге отрицательного сценария в случае игнорирования рекомендаций эксперта. Высокая степень текстовой когезии, обилие риторических вопросов, использование наречия *instead*, отрицательных конструкций и глаголов в повелительном наклонении маркируют тактику убеждения, к которой также прибегали мужчины-эксперты, что подтверждено материалом выборки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 «Комплексное прагмалингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии», поддержанного грантом Президента Российской Федерации.

The research was carried out within the framework of the project МК-1675.2022.2 “A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions” with a grant from the President of the Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алещенко В. Н., Алимуратов О. А., Бойчук Е. И., Гукосьянц О. Ю., Кацитадзе И. М., Косоногова О. В., Милетова Е. В., Серебренникова Н. Г., Христианова Н. В., Чиронов С. В., Шишкина Т. С., 2015. Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики. В 4 кн. Кн. 2 : коллектив. моногр. Новосибирск : Изд-во ЦРНС. 268 с.
- Баламакова М. В., 2014. О частотных коммуникативных стратегиях в электронном дискурсе (на материале сервиса микроблогов «TWITTER») // Наука и образование XXI века. В 2 ч. Ч. 2 : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 15 ноября 2014 г.). Уфа : Аэтерна. С. 8–10.
- Баркович А. А., 2015. Интернет-дискурс: метаязыковые модели практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (29). С. 171–183. DOI:10.15688/jvolsu2.2015.5.21
- Войсунский А. Е., 1991. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопросы психологии. № 6. С. 142–147.
- Галичкина Е. Н., 2018. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. М. : Флинта. 331 с.
- Горошко Е. И., 2008. Интернет-коммуникация: настоящее и будущее // О некоторых чертах цивилизации будущего : науч. изд. по материалам Междунар. форума к 90-летию со дня рождения акад. РАН Н. Н. Моисеева. М. : Изд-во МНЭПУ. С. 455–466.
- Горошко Е. И., 2009. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык : сб. науч. ст. Саратов : Наука. С. 111–127.
- Иванов Л. Ю., 2003. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. М. : Флинта : Наука. С. 791–793.
- Леонтьев А. А., 1997. Психология общения. М. : Смысл. 365 с.
- Максимова С. А., 2019. Новостной мем как интернет-жанр // Вестник Томского государственного университета. № 5 (202). С. 95–101. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-95-101
- Стернин И. А., 2001. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Истоки. 252 с.
- Щипицина Л. Ю., 2010. Компьютерно-опосредованная реализация массово-информационного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Орел : Изд-во ОГИИК. Вып. 8. С. 109–125.
- Crystal D., 2006. Language and the Internet. N. Y. : Cambridge University Press. 304 p.
- Erickson T., 2000. Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as Genres, CMC Systems as Genre Ecologies // Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences. URL: <http://www.dourish.com/classes/ics234cw04/erickson.pdf>
- Frigola J., Menendez J. A., Corcuera R. M., 2020. Audiovisual Internet Genres A Proposal for

- Classification Based on Analysis of the Net // 15th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI). DOI: 10.23919/CISTI49556.2020.9140867
- Herring S., 2004. Slouching Toward the Ordinary: Current Trends in Computer-Mediated Communication // *New Media and Society*. L.: Sage Publications Ltd. P. 26–36.
- Maximova O. B., Lukyanova G. O., 2020. Gender Differences Online: Self-Representation and Involvement in Political Communication on Facebook * // *Heliyon*. Vol. 6, iss. 12. P. e05613. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05613>
- Plieskatt J., 2001. *Cybernetics: Our Online Language*. N. Y.: Writers Club Press. 76 p.
- Trihartanti R., 2020. Gender Differences in the Use of Hedging Devices in Students' Conversations // *Jurnal Bahasa Inggris Terapan*. № 6 (2). P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.35313/jbit.v6i2.2303>

ИСТОЧНИКИ

- Anderson B. Sick of Quarantine? 8 Simple Steps to Go Out Safely. 2020. URL: <https://readwrite.com/2020/10/05/sick-of-quarantine-8-simple-steps-to-go-out-safely>
- Astre K. Kevin Curry: Here's What Men Need to Understand About Nutrition. 2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/kevin-curry-nutrition-men-voices-in-food_1_5f35609ec5b64cc99fe3a8f0
- Bump P. The Top 3 Reasons Consumers Read Blogs in 2020. 2020. URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/why-do-people-read-blogs>
- Chambers S. 4 Ways to Meaningfully Measure Customer Satisfaction. 2020. URL: <https://www.helpscout.com/blog/customer-satisfaction-metrics>
- Crowe R. Remote Working Culture: The Facts Business Owners Need to Know. 2019. URL: <https://readwrite.com/2019/12/05/remote-working-culture-the-facts-business-owners-need-to-know>
- Dean M. This Gadget is Linked To Lower Blood Pressure. 2020. URL: <https://www.spring.org.uk/2020/10/gadget-lower-blood-pressure.php>
- Lynch M. How to Use the Wheel of Life to Live the Life You Want. 2020. URL: <https://www.lifehack.org/863049/wheel-of-life>
- Pardilla A. Matte Black Home Decor Finds to Take a Trip to the Dark Side. 2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/matte-black-home-decor-furniture-industrial-style_1_5f764b08c5b66377b27f86bf
- Toner L. 60 Best Free Online Courses for Whatever You Want to Learn. 2020. URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/free-online-courses>

REFERENCES

- Aleshchenko V.N., Alimuradov O.A., Bojchuk E.I., Gukosyanc O.Yu., Katsitadze I.M., Kosonogova O.V., Miletova E.V., Serebrennikova N.G., Hristianova N.V., Chironov S.V., Shishkina T.S., 2015. *Problemy yazykoznaniya, teorii yazyka i prikladnoy lingvistiki. V 4 kn. Kn. 2: kolektiv. monogr.* [Problems of Linguistics, Language Theory and Applied Linguistics. Collective Monograph. In 4 Books. Book 2]. Novosibirsk, Izd-vo TsRNS. 268 p.
- Balamakova M.V., 2014. O chastotnykh kommunikativnykh strategiyakh v elektronnom diskurse (na materiale servisa mikroblogov «TWITTER») [Frequent Communication Strategies in Electronic Discourse (Microblog «TWITTER» Studies)]. *Nauka i obrazovanie XXI veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 15 noyabrya 2014 g.). V 2 ch. Ch. 2* [Proceedings of the International Research-to-Practice Conference “Science and Education of the 21st Century” (Ufa, November 15, 2014). In 2 Parts. Part 2]. Ufa, Ayeterna, pp. 8-10.
- Barkovich A.A., 2015. Internet-diskurs: metazykovyye modeli praktiki [Internet Discourse: Metalanguage Models of Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (29), pp. 171-183. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.21>
- Voyskunskiy A.E., 1991. Rechevaya deyatel'nost' v khode kompyuternykh konferentsiy [Speech Activities During Computer Conferences]. *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 142-147.
- Galichkina E.N., 2018. *Kompyuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy status, znakovyye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication: Linguistic Status, Iconic Means, Genre Space]. Moscow, Flinta Publ. 331 p.
- Goroshko E.I., 2008. Internet-kommunikatsiya: nastoyashchee i budushchee [Internet Communication: Present and Future].

* Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

- O nekotorykh chertakh tsivilizatsii budushchego: nauch. izd. po materialam Mezhdunar. foruma k 90-letiyu so dnya rozhdeniya akad. RAN N.N. Moiseeva* [On Some Features of the Civilization of the Future. Scientific Publication on Proceedings of the International Forum to the 90th Anniversary of Academician of the RAS N.N. Moiseev]. Moscow, Izd-vo MNEPU, pp. 455-466.
- Goroshko E.I., 2009. Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [The Internet Genre and Functioning of Language in the Internet: The Attempt of Reflection]. *Zhanry rechi. Vyp. 6. Zhanr i yazyk: sb. nauch. st.* [Speech Genres. Collection of Scientific Articles. Iss. 6. Genre and Language]. Saratov, Nauka Publ., pp. 111-127.
- Ivanov L.Yu., 2003. Yazyk v elektronnykh sredstvakh kommunikatsii [Language in Electronic Communications]. *Kultura russkoy rechi* [Culture of Russian Speech]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 791-793.
- Leontev A.A., 1997. *Psihologiya obshcheniya* [The Psychology of Communication]. Moscow, Smysl Publ. 365 p.
- Maksimova S.A., 2019. Novostnoy mem kak internet-zhanr [News Meme as Internet Genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 5 (202), pp. 95-101. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-95-101
- Sternin I.A., 2001. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to Speech Influence]. Voronezh, Istoki Publ. 252 p.
- Shchipitsina L.Yu., 2010. Kompyuterno-oposredovannaya realizatsiya massovo-informatsionnogo diskursa [Computer-Mediated Realization of Mass Information Discourse]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyonom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and Types of the Texts in the Scientific and Media Discourse. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Orel, Izd-vo OGIK, iss. 8, pp. 109-125.
- Crystal D., 2006. *Language and the Internet*. New York, Cambridge University Press. 304 p.
- Erickson T., 2000. Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as Genres, CMC Systems as Genre Ecologies. *Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences*. URL: <http://www.dourish.com/classes/ics234cw04/erickson.pdf>
- Frigola J., Menendez J.A., Corcuera R.M., 2020. Audiovisual Internet Genres A Proposal for Classification Based on Analysis of the Net. *15th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI)*. DOI: 10.23919/CISTI49556.2020.9140867
- Herring S., 2004. Slouching Toward the Ordinary: Current Trends in Computer-Mediated Communication. *New Media and Society*. London, Sage Publications Ltd, pp. 26-36.
- Maximova O.B., Lukyanova G.O., 2020. Gender Differences Online: Self-Representation and Involvement in Political Communication on Facebook. *Heliyon*, vol. 6, iss. 12, p. e05613. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05613>
- Plieskatt J., 2001. *Cybronic: Our Online Language*. New York, Writers Club Press. 76 p.
- Trihartanti R., 2020. Gender Differences in the Use of Hedging Devices in Students' Conversations. *Jurnal Bahasa Inggris Terapan*, no. 6 (2), pp. 103-119. DOI: <https://doi.org/10.35313/jbit.v6i2.2303>

SOURCES

- Anderson B. *Sick of Quarantine? 8 Simple Steps to Go Out Safely*, 2020. URL: <https://readwrite.com/2020/10/05/sick-of-quarantine-8-simple-steps-to-go-out-safely/>
- Astre K. *Kevin Curry: Here's What Men Need to Understand About Nutrition*, 2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/kevin-curry-nutrition-men-voices-in-food_1_5f35609ec5b64cc99fe3a8f0
- Bump P. *The Top 3 Reasons Consumers Read Blogs in 2020*, 2020. URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/why-do-people-read-blogs>
- Chambers S. *4 Ways to Meaningfully Measure Customer Satisfaction*, 2020. URL: <https://www.helpscout.com/blog/customer-satisfaction-metrics>
- Crowe R. *Remote Working Culture: The Facts Business Owners Need to Know*, 2019. URL: <https://readwrite.com/2019/12/05/remote-working-culture-the-facts-business-owners-need-to-know>
- Dean M. *This Gadget is Linked to Lower Blood Pressure*, 2020. URL: <https://www.spring.org.uk/2020/10/gadget-lower-blood-pressure.php>
- Lynch M. *How to Use the Wheel of Life to Live the Life You Want*, 2020. URL: <https://www.lifehack.org/863049/wheel-of-life>
- Pardilla A. *Matte Black Home Decor Finds to Take a Trip to the Dark Side*, 2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/matte-black-home-decor-furniture-industrial-style_1_5f764b08c5b66377b27f86bf
- Toner L. *60 Best Free Online Courses for Whatever You Want to Learn*, 2020. URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/free-online-courses>

Information About the Author

Olga Yu. Gukosyants, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of West European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, Gukosjants@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Гукосьянц, кандидат филологических наук, доцент кафедры западно-европейских языков и культур, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, Gukosjants@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.10>

UDC 81'42:340.6
LBC 81.1

Submitted: 05.07.2021
Accepted: 21.03.2022

**CRITERIA FOR SELECTING KEY ELEMENTS
OF A COMPOUND COMMERCIAL NAME
IN THE LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION OF A TRADEMARK**

Marina Ye. Novichihina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The paper is devoted to the problem of linguistic expertise of verbal trademarks, as well as to the search for ways to optimize this procedure. It is shown that one of the most difficult cases of such expertise is the analysis of similarity to the extent of mixing one-word and compound trademarks. In this case, the existing algorithms prescribe to compare the strong elements of such marks for similarity / dissimilarity. However, there are currently no clear and undisputed criteria for determining a strong (or weak) element in a composite designation. This article aims to find criteria based on which a linguist-expert could clearly identify the strong (weak) elements of a composite designation in the process of linguistic examination of a trademark. The article summarizes various approaches to understanding the strong (weak) element in a composite notation. A list of possible criteria for selecting such elements is provided. Examples of specific expertise are used to highlight the possibility of their usage. It is argued that the objective result will be achieved by overcoming the narrow framework of both purely legal and purely linguistic approaches and by synthetic, complex consideration of the problem of comparing single-word and compound trademarks in the process of linguistic expertise.

Key words: commercial name, trademark, linguistic expert examination, confusing similarity, key element, weak element, abbreviation.

Citation. Novichihina M.Ye. Criteria for Selecting Key Elements of a Compound Commercial Name in the Linguistic Expert Examination of a Trademark. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 133-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.10>

УДК 81'42:340.6
ББК 81.1

Дата поступления статьи: 05.07.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТОВАРНОГО ЗНАКА:
КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СИЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
СОСТАВНОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ**

Марина Евгеньевна Новичихина

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы словесных товарных знаков и поиску путей оптимизации этой процедуры. Показано, что одним из трудных случаев такой экспертизы является анализ сходства до степени смешения однословного и составного товарных знаков. Существующие алгоритмы предписывают в данном случае сопоставлять на предмет сходства / несходства сильные элемен-

ты таких обозначений, однако четких параметров определения сильного (или слабого) элемента в составном обозначении в научной литературе не представлено. Цель данного исследования – поиск критериев, на основании которых лингвист-эксперт мог бы однозначно выделить сильные (слабые) элементы составного обозначения в процессе лингвистической экспертизы товарного знака. В статье обобщены различные подходы к пониманию сильного (слабого) элемента в составном обозначении. Подготовлен перечень возможных критериев выделения таких элементов. На примере экспертизы конкретного товарного знака показаны возможности применения каждого из установленных критериев. Утверждается, что получению объективного результата будет способствовать преодоление узких рамок как сугубо юридического, так и сугубо лингвистического подходов посредством синтетического, комплексного анализа однословного и составного товарных знаков в процессе лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: коммерческое название, товарный знак, лингвистическая экспертиза, сходство до степени смешения, сильный элемент, слабый элемент, аббревиатура.

Цитирование. Новичихина М. Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 133–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.10>

Введение

В современной научной литературе все большее внимание уделяется феномену так называемого коммерческого названия, которое понимается нами как результат языковой номинации учреждений и товаров, преследующей коммерческие цели и ориентированной на получение прибыли [Новичихина, 2003, с. 3]. При условии официальной регистрации коммерческое название получает статус словесного товарного знака. При этом согласно ГК РФ под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (сходные определения фигурируют и в научных публикациях: [Коровин, Шаталов, 2006, с. 6; Головлева, 2005, с. 24]). Например, известными российскими словесными товарными знаками являются: «Макфа», «Фанатория», «Лесной бальзам» и др.

В соответствии с действующим законодательством к регистрации и дальнейшему использованию не допускаются обозначения, сходные до степени смешения с ранее зарегистрированными товарными знаками, охраняемыми законом. Однако на практике вынести решение о факте сходства знаков до степени смешения в ряде случаев бывает затруднительно, что становится поводом для многочисленных судебных разбирательств и последующих лингвистических экспертиз.

Лингвистическая экспертиза товарного знака – это один из видов лингвистической экспертизы, ставшей в последние десятилетия значимым направлением прикладной лингви-

стики [Баранов, 2007, с. 8–9; Бринев, 2009, с. 15]. Методика такой экспертизы подробно описана как в юридических источниках (см., например, п. 7.1.2 Руководства), так и в лингвистической литературе (например: [Дорони-на, 2016; Дударева, 2012; Жарков, 2009; Стернин, 2018, с. 116–120]), однако существует целый ряд моментов, провоцирующих субъективность в процессе такой экспертизы.

Так, до сих пор нет ответа на вопрос о методике сопоставления на предмет сходства до степени смешения однословных и составных (то есть выраженных синтаксической конструкцией) обозначений (см.: [Новичихина, 2014; 2017]). Такое сопоставление становится одним из трудных случаев лингвистической экспертизы (см. подробнее: [Новичихина, 2012]). Как, например, сопоставить однословное обозначение «Взгляд» и составное обозначение «Добрый взгляд» или однословное обозначение «Корвет» и составное «Белый корвет»? С одной стороны, бесспорно, что в составном обозначении могут быть выделены сильные и слабые элементы и, соответственно, при исследовании обозначений на предмет сходства / несходства необходимо учитывать в первую очередь сходство / несходство сильных элементов (данный вывод, базирующийся на здравом смысле, закреплен в п. 7.1.2.1 Руководства ЭТЗ, регулирующего поведение эксперта-лингвиста в тех или иных ситуациях). С другой стороны, следует обратить внимание на то, что на сегодняшний день четкие и бесспорные критерии определения сильного (или слабого) элемента отсутствуют. Все они находятся в широком диапазоне: от сугубо

лингвистических до практико-ориентированных юридических. Следовательно, как справедливо пишет М.А. Торчинова, «вопрос о нормативном основании установления сходства до степени смешения остается неурегулированным» [Торчинова, 2013, с. 15].

Актуальность исследования, результаты которого обобщены в статье, обусловлена назревшей потребностью разработки четких критериев, на основании которых лингвист-эксперт мог бы однозначно выделить сильные (слабые) элементы составного обозначения в процессе лингвистической экспертизы товарного знака (или обозначения, поданного на регистрацию в качестве такового).

Методы исследования

В рамках обсуждения методологии принятого исследования рассмотрим возможные критерии выделения сильных (слабых) элементов в составном обозначении (с тем, чтобы далее применить их к исследуемому материалу). При выделении таких критериев будем опираться на сложившуюся практику экспертизы товарных знаков.

Так, при одном из самых простых подходов, используемых лингвистами-практиками, сильный элемент рассматривается как элемент, на который падает логическое ударение. При другом подходе предлагается трактовать в качестве сильного элемента тот, который является главным словом в словосочетании. Еще один лингвистический подход трактует сильный элемент как элемент, до которого осуществляется так называемая универбализация сочетания в живой речи (этот подход требует более детального пояснения, оно будет приведено ниже). При подходе, отраженном в документах Роспатента (см., например, п. 7.1.2 Руководства), сильным считается оригинальный элемент, не имеющий описательного характера, слабым – элемент, систематически повторяющийся в товарных знаках (буквосочетания, неохраняемые элементы, цифровые элементы, различные символы и т. п.). Иными словами, сильный элемент – это элемент, которому присуща оригинальность и нестандартность, он является носителем главных различительных черт, слабые же элементы усиливают или дополняют его.

Результаты и обсуждение

Продемонстрируем применение каждого из описанных критериев к составному обозначению «МТС Афиша» (при этом сошлемся на проведенную нами в 2019 г. экспертизу обозначений «Афиша» и «МТС Афиша» на предмет сходства до степени смешения).

1. Сильный элемент как элемент, на который падает логическое ударение.

Согласно словарю-справочнику «Эффективное речевое общение», логическое ударение – это выделение голосом наиболее важного в смысловом отношении слова. Логическое ударение – это элемент выразительности речи. В фонетическом отношении это особое повышение тона, сопровождаемое интенсивностью звучания (Эффективное РО).

Для того чтобы определить реальное логическое ударение в сочетании *МТС Афиша*, необходимо выделить вариант с адекватной смыслопередачей, что возможно в процессе наблюдения за речью респондентов, которым предложено прочитать сочетание *МТС Афиша* вслух.

Результаты экспериментального наблюдения, реализованного на контрольной группе студентов факультета журналистики Воронежского госуниверситета общей численностью 25 человек (расхождений в прочтении не обнаружено), позволили утверждать, что в сочетании *МТС Афиша* логическое ударение падает на элемент *Афиша*.

Таким образом, в рамках трактовки сильного элемента как элемента, на который падает логическое ударение, можем говорить, что сильным элементом в сочетании *МТС Афиша* является *Афиша*.

2. Сильный элемент как главное слово в словосочетании.

Основными видами связи в словосочетании являются согласование, управление и примыкание. Оставив вне рассмотрения два последних вида, обратим внимание на то, что в анализируемом словосочетании *МТС Афиша* представлено согласование, то есть вид связи, при котором зависимое слово приобретает грамматические признаки главного слова (согласуется с ним в роде, числе, падеже) (подробно о согласовании см.: ЛЭС).

Примером словосочетаний с согласованием может быть сочетание «существительное + существительное». Одно из существительных в этом случае является главным словом в словосочетании, а второе зависимым (приложением). Именно таким сочетанием является анализируемое нами сочетание *МТС Афиша*. Поскольку и главное слово, и приложение имеют одни и те же грамматические признаки, далеко не всегда легко определить, какое из них является главным словом, а какое приложением (зависимым словом). Между тем существует целый ряд правил, которые дают возможность однозначно определить главное слово.

Во-первых, в предложении с таким словосочетанием сказуемое всегда согласуется с главным словом словосочетания. Определим, следуя этому принципу, главное слово в словосочетании *МТС Афиша*. Для того чтобы исключить возможные ошибки в интерпретации, обратим внимание на то, как согласуется сказуемое с искомым сочетанием правообладатель товарного знака «МТС Афиша». На официальном сайте МТС размещен следующий текст:

(1) «МТС Афиша» объединяет репертуары десятков кинотеатров, театров и концертных площадок Москвы и Московской области – с удобным поиском, личными рекомендациями и, главное, нулевой комиссией при покупке билетов (сайт МТС).

В составе грамматической основы этого предложения (*МТС Афиша... объединяет*) сказуемое *объединяет* согласуется с элементом *Афиша*. Таким образом, правообладатель товарного знака «МТС Афиша» признает тот факт, что главным словом в словосочетании *МТС Афиша* является *Афиша*. Именно так «видит» обозначение правообладатель, и нет оснований ему не доверять.

Во-вторых, если при склонении словосочетания, содержащего приложение, одно из слов сохраняет форму именительного падежа, то это – приложение. Главное слово в таком сочетании при склонении изменяет свою форму.

Обратимся к текстам, размещенным на официальном сайте МТС:

(2) Билеты в кино – банковской картой прямо на сайте «МТС Афиши» и через платёжную систему PayPal;

(3) Если билет попал на «МТС Афишу» с Ponominalu.ru, адреса касс, где можно оплатить его наличными после бронирования, смотрите здесь;

(4) Имя партнера указано на каждом билете, который вы купите через «МТС Афишу».

Приведенные примеры демонстрируют, что склоняется слово *Афиша*: *на сайте (чего?) ...Афиши, попал (куда; на что?) на ...Афишу, купите (через что?) через ...Афишу* – во всех перечисленных случаях изменяется форма элемента *Афиша*. Следовательно, именно элемент *Афиша* является главным словом в словосочетании *МТС Афиша*.

В-третьих, в необособленных приложениях при сочетании нарицательного и собственного имен неодушевленных предметов приложением обычно является имя собственное. Главным же словом в словосочетании является имя нарицательное (например, в сочетаниях типа *Москва-река, река Волга* и т. п. главное слово – *река*, приложения – *Москва, Волга*).

В анализируемом нами сочетании элемент *Афиша* представляет собой нарицательное существительное, элемент *МТС* – собственное имя компании ПАО «МТС». Главным словом в словосочетании *МТС Афиша* является *Афиша*.

Таким образом, в рамках трактовки сильного элемента как главного слова в словосочетании можем утверждать, что сильным элементом в анализируемом сочетании является *Афиша*.

3. Сильный элемент как результат универбализации обозначения в живой речи.

Для пояснения этого подхода представляется необходимым отметить специфику функционирования в живой речи любого составного (то есть выраженного синтаксической конструкцией) обозначения. Согласно мнению, высказанному А.В. Суперанской, «жизнь имени в языке и функционирование его в речи – не одно и то же. <...> ...Имена создаются в речи по моделям и закономерностям языка. Если имя соответствует модели, оно... не подвергается сколько-нибудь значительным изменениям. Если оно по каким-либо параметрам (длина слова, структура, ...словообразовательные возможности и т. д.) не удовлетворяет заданным моделям, оно перестраивается» [Суперанская, 1973, с. 220].

Иными словами, реально функционирующий в речи вариант имени может заметно отличаться от официального, «паспортного» его варианта. Следовательно, необходимо выяснить, будет ли каким-то образом трансформироваться то или иное обозначение в живой речи? Ответить на этот вопрос позволят результаты изучения структуры типичного (соответствующего системе) современного коммерческого обозначения.

Как установлено нами ранее, традиционное коммерческое название – это отдельное слово, относящееся к той или иной части речи, называющее сам объект номинации или какое-либо его качество, свойство, особенность. Общая доля однословных названий в системе современной коммерческой номинации – 79,7 % [Новичихина, 2003, с. 79]. Однако в практике современной коммерческой номинации в ряде случаев используются составные номинации: предложно-падежные формы, словосочетания, предложения. Можно утверждать, что они представляют собой иносистемные элементы. В речевой практике они «переделываются, обретая специфические черты и свойства системы» [Суперанская, 1973, с. 231]. «В результате длинные названия в обиходной речи обычно универбализуются», – пишет А.В. Суперанская, сопровождая эту мысль классическим примером: ««Комсомольская правда» → «Комсомолка»» [Суперанская, 1973, с. 197].

Действительно, в практике употребления носителями языка иносистемных названий наблюдается тенденция к трансформации: составная номинация → однословная номинация (ср., например, зафиксированные в речи высказывания: «Заскочим в “Орхидею”?» (подразумевается название «Белая Орхидея»), «Где купил? – В “Панде”» (подразумевается название «Веселая Панда»), «В целительнице дешевле» (подразумевается «Ваша целительница»), «В “Медведе” сейчас скидки» (подразумевается название «Белый медведь») и мн. др.

Заметим, что указанная трансформация является следствием реализации так называемого принципа экономии речевых усилий, традиционно действующего в текстах разговорного функционального стиля речи. При этом экономия речевых усилий затрагивает практичес-

ки все группы имен – сортовые названия, медианазвания, слова-фармонимы и т. п. В ряде случаев полное официальное название совсем уходит из повседневного речевого употребления (например: *Антоновка обыкновенная* → *Антоновка*).

Экономии могут подвергаться различные элементы составного наименования.

Проведенные ранее исследования показали, что в результате реализации принципа экономии речевых усилий могут появляться разнообразные разговорные варианты номинации: остается первое слово составного обозначения, например, «Вечерняя Москва» → «Вечорка»; остается логически выделенное слово составного наименования, например, «Белая Орхидея» → «Орхидея» (см.: [Новичихина, 2010, с. 274–275]).

С целью верификации результатов универбализации составных обозначений традиционно проводится психолингвистическое исследование, заключающееся в следующем: респондентам предлагается анализируемое обозначение, а также перечень вопросов, позволяющих оценить реальное употребление этого обозначения в косвенных падежах (родительном, дательном, винительном, творительном и предложном соответственно). Всякий раз испытуемым предлагается выбрать один из трех вариантов: обозначение не сокращается, обозначение сводится к первому элементу, обозначение сводится ко второму элементу. На основании ответов респондентов формулируется вывод о том, как именно функционирует составное обозначение в реальной речи носителей языка.

Проведенный эксперимент, в ходе которого было опрошено 60 респондентов – студентов факультета журналистики Воронежского госуниверситета, показал, что в 85 % случаев респонденты не сокращают сочетание *МТС Афиша* (например: *купил билеты на МТС Афише*); в 15 % случаев сочетание *МТС Афиша* редуцируется до элемента *Афиша* (например: *купил билеты на Афише*).

Приведенные количественные данные, полученные в результате эксперимента, свидетельствуют о том, что в рамках данного подхода однозначно определить сильный элемент не представляется возможным.

4. Сильный элемент как элемент, обладающий главными различительными чертами.

Для определения сильного элемента в сочетании *МТС Афиша* необходимо ответить на вопрос о том, какой элемент в нем обладает различительными чертами.

Элемент *МТС* – это буквенная аббревиатура; исходным для нее является словосочетание *Мобильные ТелеСистемы*. Различительную способность буквосочетание *МТС* приобрело исключительно в условиях функционирования. Изначально оно, как и все другие сочетания букв, имеет ослабленный различительный потенциал, что особенно усиливается наличием исключительно согласных звуков (о различительной способности подобных буквосочетаний см. п. 2.1.2 Руководства). Ослабленность различительного потенциала буквосочетания *МТС* обусловлена и тем фактом, что оно представляет собой общепринятое сокращенное название организации, а согласно п. 2.1.9 Руководства общепринятые сокращенные названия организаций, предприятий, отраслей и их аббревиатуры относятся к обозначениям, не обладающим различительной способностью.

Кроме того, в соответствии с п. 2.3 Рекомендаций, «общепринятые сокращенные наименования организаций, предприятий, отраслей и их аббревиатуры» относятся к описательным элементам.

Таким образом, различительная способность элемента *МТС* может быть охарактеризована лишь как приобретенная.

Более того, это буквосочетание не является абсолютно прозрачным. Широкая известность и авторитет компании ПАО *МТС* приводят к тому, что большинство носителей языка, считывая буквосочетание *МТС*, понимают, о какой компании идет речь. Между тем обращает на себя внимание тот факт, что из 20 случайным образом отобранных респондентов только 8 раскрыли содержание буквосочетания абсолютно точно как *Мобильные ТелеСистемы*, 6 респондентов интерпретировали буквосочетание как *мобильные телевизионные системы*, 5 респондентов, отметив, что понимают, о какой компании идет речь, затруднились раскрыть аббревиатуру, один из опрошенных интерпретировал *МТС* как машинно-тракторную станцию (известная

аббревиатура 30–40-х гг. XX в.). Словари сокращений русского языка также демонстрируют разнообразие толкований аббревиатуры *МТС*. В частности, были выявлены следующие толкования (некоторые из значений имели пометку, свидетельствующую о сокращении-профессионализме): *международный телекоммуникационный союз, многофункциональная тепловая станция, министерство туризма и спорта, многоканальные телекоммуникационные системы, материально-технические средства, мобильная телевизионная система, мобильные телесистемы, междугородная телефонная станция, машинно-тракторная станция* и некоторые другие (Новый словарь).

Итак, аббревиатуру *МТС* нельзя отнести к безусловно прозрачным буквосочетаниям. Однако нужно учитывать, что «товарные знаки имеют неограниченный период действия, и толкование аббревиатуры может со временем измениться» (см. п. 3.1.4 Руководства ЭТЗ) и «...при условии, что аббревиатура имеет только одно значение в отношении класса товаров (услуг), которых касается поданная заявка, ее использование может быть разрешено» (п. 3.1.4 Руководства ЭТЗ). С одной стороны, следует признать, что сокращение *МТС* может трактоваться как аббревиатура, имеющая одно значение в отношении соответствующего класса товаров (услуг). С другой стороны, в силу описанных выше причин, она не может трактоваться как однозначная безотносительно к своему классу. Выявленный факт существенно снижает возможности определения сокращения *МТС* как сильного элемента какого бы то ни было обозначения.

При этом слово *Афиша* как элемент, имеющий однозначное семантическое толкование, без затруднений «считываемое» носителями языка, несет основные различительные черты и может трактоваться как сильный элемент в сочетании *МТС Афиша* – особенно на фоне ослабленного потенциала элемента *МТС*.

Выводы

На основе реализации описанных выше подходов к выделению сильного элемента в составном обозначении можно утверждать,

что однословное обозначение «Афиша» тождественно сильному элементу составного обозначения «МТС Афиша».

Использование различных критериев выделения сильного элемента составного обозначения к одному и тому же исследовательскому материалу позволяет прийти к сходным выводам. Получению объективного результата в лингвистической экспертизе товарных знаков будет способствовать преодоление узких рамок как сугубо юридического, так и сугубо лингвистического подходов посредством синтетического, комплексного рассмотрения проблемы сопоставления однословного и составного обозначений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта. 592 с.
- Бринев К. И., 2009. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : АлГПА. 252 с.
- Головлева Е. Л., 2005. Торговая марка : Теория и практика управления. М. : Аспект Пресс. 160 с.
- Доронина С. В., 2016. «Сходство до степени смешения»: лингвистический аспект // Юрислингвистика. № 5. С. 199–210.
- Дударева Я. А., 2012. Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: пропозициональный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1. С. 143–148.
- Жарков И. В., 2009. Сходство до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста // Патентный поверенный. № 4. С. 22–24.
- Коровин Е. М., Шаталов Г. В., 2006. Товарный знак. Имя, которое мы выбираем. Воронеж : Бизнес лайн. 120 с.
- Новичихина М. Е., 2003. Коммерческая номинация : монография / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : Изд-во ВГУ. 192 с.
- Новичихина М. Е., 2010. Об одном из последствий реализации принципа экономии речевых усилий в функционировании коммерческих названий // Жизнь языка в культуре и социуме. М. : Эйдос. С. 274–275.
- Новичихина М. Е., 2012. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. № 1. С. 221–227.
- Новичихина М. Е., 2014. Об исследовании звукового сходства однословного и составного коммерческих обозначений в процессе лингвистической экспертизы товарного знака // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 1 (36). С. 158–160.
- Новичихина М. Е., 2017. Об исследовании ассоциативного сходства однословного и составного коммерческих обозначений в процессе лингвистической экспертизы товарного знака // XI Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ. Севастополь : Шико-Севастополь. С. 114–124.
- Стернин И. А., 2018. Основы лингвокриминалистики. Воронеж : Издательский дом ВГУ. 304 с.
- Суперанская А. В., 1973. Общая теория имени собственного / под ред. А. А. Реформатского. М. : Наука. 366 с.
- Торчинова М. А., 2013. Актуальные проблемы защиты прав на товарные знаки // Журнал российского права. № 4. С. 15–18.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10164072>
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
- МТС – МТС. URL: https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/uslugi/mobilnaya-svyaz/mts_afisha
- Новый словарь – Новый словарь сокращений русского языка / под ред. Е. Г. Коваленко. М. : ЭТС, 1995. 668 с.
- Рекомендации – Рекомендации по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений : (утв. приказом Роспатента от 23.03.2001 г., № 39). URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-gospatenta-ot-23032001-n-39-ob/#100013>
- Руководство – Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов : (утв. приказом Роспатента от 24 июля 2018 г., № 128). URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-osuschestvleniyu-administrativnyh-protsedur-i-deystviy-v-ramkah-predostavleniya-gosudarst-solt-bucjeeid>
- Руководство ЭТЗ – Руководство по экспертизе товарных знаков в федеральной службе по ин-

теллектуальной собственности. 2016 г. URL: https://rupto.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_rosapatent.pdf

Эффективное РО – Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2014. 854 с. URL: <https://lektsii.org/8-5789.html>

REFERENCES

- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Examination of the Text. Theory and Practice]. Moscow, Flinta Publ. 592 p.
- Brinev K.I., 2009. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: monografiya* [Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Examination. Monograph]. Barnaul, AIGPA Publ. 252 p.
- Golovleva E.L., 2005. *Torgovaya marka: Teoriya i praktika upravleniya* [Trademark: Theory and Practice of Management]. Moscow, Aspekt Press Publ. 160 p.
- Doronina S.V., 2016. «Szdostvo do stepeni smesheniya»: lingvisticheskiy aspekt [“Degree of Similarity Close to Confusion”: Linguistic Aspect]. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], no. 5, pp. 199-210.
- Dudareva Ya.A., 2012. Metodika opredeleniya assotsiativnogo skhodstva tovarnykh znakov: propozitsionalnyy analiz [The Methodology for Determining the Associative Similarity of Trademarks: Propositional Analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 1, pp. 143-148.
- Zharkov I.V., 2009. Skhodstvo do stepeni smesheniya: vzglyad eksperta-lingvisty [Similarity to the Degree of Confusion: A View of an Expert Linguist]. *Patentnyy poverennyy*, no. 4, pp. 22-24.
- Korovin Ye.M., Shatalov G.V., 2006. *Tovarnyy znak. Imya, kotoroye my vybirayem* [Trademark. The Name We Choose]. Voronezh, Biznes layn Publ. 120 p.
- Novichikhina M.E., 2003. *Kommercheskaya nominatsiya: monografiya* [Commercial Nomination. Monograph]. Voronezh, Izd-vo VGU. 192 p.
- Novichikhina M.E., 2010. Ob odnom iz posledstviy realizatsii printsipa ekonomii rechevykh usiliy v funktsionirovanii kommercheskikh nazvaniy [About One of the Consequences of the Implementation of the Principle of Saving Speech Efforts in the Functioning of Commercial Names]. *Zhizn yazyka v kulture i sotsiume* [The Life of Language in Culture and Society]. Moscow, Eidos Publ., pp. 274-275.
- Novichikhina M.E., 2012. O nekotorykh trudnykh sluchayakh lingvisticheskoy ekspertizy tovarnykh znakov [Concerning Some Difficult Cases of Trademark Linguistic Expert Examination]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism], no. 1, pp. 221-227.
- Novichikhina M.E., 2014. Ob issledovanii zvukovogo skhodstva odnoslovnogo i sostavnogo kommercheskikh oboznacheniy v protsesse lingvisticheskoy ekspertizy tovarnogo znaka [About the Research of Sound Similarity Between One-Word and Composite Trade Denomination in the Process of Trademark Linguistic Expertise]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of Orel State University. New Humanitarian Studies], no. 1 (36), pp. 158-160.
- Novichikhina M.E., 2017. Ob issledovanii assotsiativnogo skhodstva odnoslovnogo i sostavnogo kommercheskikh oboznacheniy v protsesse lingvisticheskoy ekspertizy tovarnogo znaka [On the Study of the Associative Similarity of One-Word and Compound Commercial Designations in the Process of Linguistic Examination of a Trademark]. *XI Sevastopolskie Kirillo-Mefodievskie chteniya: sb. nauch. rabot* [The 11th Sevastopol Cyril and Methodius Readings. Collection of Scientific Papers]. Sevastopol, Shiko-Sevastopol Publ., pp. 114-124.
- Sternin I.A., 2018. *Osnovy lingvokriminalistiki* [Fundamentals of Linguistic Criminalistics]. Voronezh, Izdatelskiy dom VGU. 304 p.
- Superanskaya A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ. 366 p.
- Torchinova M.A., 2013. Aktualnyye problemy zashchity prav na tovarnyye znaki [Current Issues of Trademark Protection]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], no. 4, pp. 15-18.

SOURCES AND DICTIONARIES

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Civil Code of the Russian Federation]. URL: <https://base.garant.ru/10164072>

- Yartseva V.N., ed. *Lingvsticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
- MTS. URL: https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/uslugi/mobilnaya-svyaz/mts_afisha
- Kovalenko E.G., ed. *Novyy slovar sokrashcheniy russkogo yazyka* [New Dictionary of Abbreviations of the Russian Language]. Moscow, ETS Publ., 1995. 668 p.
- Rekomendatsii po otdelnym voprosam ekspertizy zayavleniykh oboznacheniy: (utv. prikazom Rospatenta ot 23.03.2001 g., № 39)* [Recommendations on Certain Issues of Examination of the Claimed Designations (Approved by the Order of Rospatent No. 39 Dated March 23, 2001)]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-23032001-n-39-ob/#100013>
- Rukovodstvo po osushchestvleniyu administrativnykh protsedur i deystviy v ramkakh predostavleniya gosudarstvennoy uslugi po gosudarstvennoy registratsii tovarnogo znaka, znaka obsluzhivaniya, kollektivnogo znaka i vydache svidetelstv na tovarnyy znak, znak obsluzhivaniya, kollektivnyy znak, ikh dublikatov: (utv. prikazom Rospatenta ot 24 iyulya 2018 g., № 128)* [Guidelines for the Implementation of Administrative Procedures and Actions Within the Framework of the Provision of State Services for State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark and Issuance of Certificates for a Trademark, Service Mark, Collective Mark, Their Duplicates (Approved by the Order of Rospatent No. 128 Dated July 24, 2018)]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-osuschestvleniyu-administrativnykh-protsedur-i-deystviy-v-ramkah-predostavleniya-gosudarst-solt-bucjeeid>
- Rukovodstvo po ekspertize tovarnykh znakov v federal'noy sluzhbe po intellektual'noy sobstvennosti. 2016 g.* [Trademark Examination Guidelines at the Federal Service for Intellectual Property. 2016]. URL: https://rupto.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_rospatent.pdf
- Skovorodnikov A.P., ed. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slov.-sprav.* [Effective Verbal Communication (Basic Competencies). Dictionary-Reference]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibir. feder. un-ta, 2014. 854 p. URL: <https://lektsii.org/8-5789.html>

Information About the Author

Marina Ye. Novichihina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Public Relations, Advertising and Design, Voronezh State University, Holzunova St, 40a, 394068 Voronezh, Russia, novichihiname@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0401-2688>

Информация об авторе

Марина Евгеньевна Новичихина, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, ул. Хользунова, 40а, 394068 г. Воронеж, Россия, novichihiname@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0401-2688>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.11>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.51.5

Submitted: 31.10.2021
Accepted: 21.03.2022

FACTOID VS FAKE: IDENTIFICATION AND ANALYSIS MODELS

Natalya A. Prom

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the problem of inaccurate information identification in the media space. The legislative acts designed to solve this problem do not offer terms for this kind of messages, and current methods of linguistic examination do not provide tools for distinguishing inaccurate messages with different intentional bases. A review of approaches to qualifying inaccurate information in media linguistics and in the field of forensic linguistics has been conducted. Fact-forming principles have been highlighted; they allow the creator of a distorted fact to make deceit invisible and effective, which results in the interiorization of this *fact* in the minds of mass audience. Inaccurate messages that distort reality are proposed to be divided into two groups, namely, factoids and fakes. The former are socially dangerous plausible information that claims to be a real fact. The latter are messages that suggest entertaining and playful understanding and do not pose a threat of harm to human life. Models of linguistic analysis of factoids performing a manipulative function and fakes aimed at entertaining the audience have been developed. Particular attention is paid to the criteria for distinguishing fakes and factoids; an example of inaccurate information, demonstrating signs of both pragmatic types for a manipulation purpose, was considered.

Key words: media discourse, media fact, fake, factoid, model, linguistic expertise, media linguistics, forensic linguistics.

Citation. Prom N.A. Factoid vs Fake: Identification and Analysis Models. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 4, pp. 142-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.11>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 31.10.2021
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ФАКТОИД VS ФЕЙК: ИДЕНТИФИКАЦИЯ И МОДЕЛИ АНАЛИЗА

Наталья Александровна Пром

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме определения недостоверной информации в медиaprостранстве. В статье показано, что в российских законодательных актах не содержится терминов, обозначающих такого рода сообщения, а существующие методики лингвистической экспертизы не предлагают инструментов для разграничения недостоверных сообщений, имеющих различную интенциональную основу. Автором охарактеризованы подходы к способам квалифицирования недостоверной информации. Установлены фактообразующие принципы, учет которых позволяет создателю искаженного факта сделать обманчивость незаметной и эффективной и интериоризировать такой факт в сознание массовой аудитории. Предложены критерии разграничения недостоверных сообщений на фактоиды и фейки. Первые представляют собой социально опасную правдоподобную информацию, претендующую на статус реального факта, вторые – сообщения, которые предполагают развлекательно-игровое осмысление и не создают угрозы причинения вреда жизни человека. Разработаны модели лингвистического анализа фактоидов, выполняющих манипулятивную функцию, и фейков, направленных на развлечение аудитории. Особое внимание уделено сообщениям с недостоверной информацией, демонстрирующим признаки фактоида и фейка, целью которых является манипулирование.

Ключевые слова: медиадискурс, медиафакт, фейк, фактоид, модель, лингвистическая экспертиза, медиалингвистика, юрислингвистика.

Цитирование. Пром Н. А. Фактоид vs фейк: идентификация и модели анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 142–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.11>

Введение

Проблема неконтролируемости потока информации в современных медиа осложняется тем, что аудитории все труднее ориентироваться, выделять главное и второстепенное, понимать, что соответствует действительности, а что – намеренно или нет – ее искажает. В современном мире борьбу с так называемыми фейками на государственном уровне начали вести после того, как они стали социально опасными. Для того чтобы оградить население от лжи в медиа, в 2019 г. был принят Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», согласно которому недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, создающая угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, подлежит удалению [Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ...]. Подобного рода законы существуют во всем мире. Например, в США признаются незаконными фейки, намеренно созданные для обмана избирателей и дискредитации кандидатов на выборах [Vizoso, Vaz-Alvarez, Lopez-Garcia, 2021, p. 296].

Указанный российский закон работает более двух лет, однако практика его применения порождает ряд противоречий. Часто человек осознает, какое сообщение можно квалифицировать как недостоверное, но, несмотря на эту очевидность, в том случае, если правообладатели контента намерены оспорить применение данного закона, требуется заключение эксперта. В связи с этим необходимо рассмотреть этот закон с лингвистических позиций в терминологическом и методологическом аспектах, на некоторые его недостатки уже указывали юристы и социологи.

В исследовании мы ставим прежде всего вопрос о том, какой термин должен применяться для обозначения недостоверной общественно значимой информации. Подобрать подходящее имя важно с точки зрения теории номинации: оно определяет отношение к ре-

ференту, при этом неясно, является ли словосочетание *недостоверная общественно значимая информация* дефиницией (в этом случае отсутствует термин) или термином. Кроме того, возникают вопросы о том, как такого рода информацию называют журналисты, обычные люди вне законодательного дискурса; все ли недостоверные сообщения однородны; как их можно квалифицировать и т. д.

В области лингвистической экспертизы активно разрабатываются языковые критерии недостоверности текста или опасности того или иного сообщения для населения. Они учитывают жанр текста, наличие признаков экстремизма и побуждения к враждебности в сообщениях, которые несут отрицательный «эмоциональный заряд» и направлены на формирование негативной установки (см., например: [Ворошилова, 2016]), однако сформулированные выше вопросы остаются без ответов. Предоставление их является задачей предлагаемой работы.

Материал и методы

Материалом для изучения стали медиатексты на интернет-сайтах российского информационного агентства ТАСС, газеты «Известия», Эхо Москвы, Lapshe.ru и др., британских BBC, Reuters и др., а также тексты массовой рассылки в социальных сетях, размещенные на сайте научно-популярного издания N + 1.

Для выполнения поставленной задачи мы используем такие исследовательские методы, как понятийное моделирование, методы прагматического, контекстуального и сравнительного анализа, а также лингвистический интерпретации текста.

Результаты и обсуждение

Вопрос терминологии

Под недостоверной информацией мы понимаем не соответствующие действительности информационные сообщения. В судебной практике используется понятие **заведо-**

мо ложной информации – сведений, которые изначально не соответствуют действительности, о чем было известно лицу, ее распространившему. Однако, как отмечает А.А. Ефанов, проверить факт наличия умысла медиаинформации часто представляется затруднительным [Ефанов, 2020, с. 50].

В медиадискурсе недостоверная информация получает разные имена: *фейк, слухи, ложь, неправда, вымысел, выдумка, миф, постправда, мистификация, утка*. Самым употребительным сегодня является заимствованное из английского слово *фейк* (Cambridge Dictionary), обозначающее ложное сообщение, которое кажется новостью и распространяется с помощью средств массовой информации; фейки обычно создаются для оказания влияния на политические взгляды или в качестве шуток (Cambridge Dictionary). Рассмотрим примеры:

(1) В небольшом подмосковном городке, где я живу, пошел **слух**, что в нашу крошечную больницу «везут со всей Москвы». Для меня это вот самое «со всей Москвы» и есть признак **фейка** (Российская газета, 02.05.2021);

(2) **Ложь**: существует связь между прививкой и нарушением репродуктивной функции (gov.il, 09.02.2021);

(3) Часто «расшаривают» и то, что считают **неправдой**. Кому-то это важно, чтобы увеличить «кликабельность», кто-то это делает ради розыгрыша, кто-то хочет донести до собеседников степень опасности, хотя и знает, что конкретно то, что он рассылает, **выдумка** (Российская газета, 02.05.2021);

(4) Самым смешным **фейком** про вакцину «Спутник V» директор центра им. Гамалеи Александр Гинцбург считает **миф** о том, что российские хакеры украли план создания вакцины против коронавируса у компании AstraZeneca (Известия, 05.04.2021);

(5) **Post-truth**: Here are some **fakes** we debunked earlier: Denzel Washington did not praise Donald Trump; No, this video is not live from the ISS (BBC News, 11.11.2016);

(6) Лох-несское чудовище, пожалуй, самая известная **мистификация** в мире (12 величайших...);

(7) «Мы приняли решение освободить эти рестораны (отмеченные звездой Michelin. – Н. П.) от всяких ограничений (на время локдауна. – Н. П.)», – якобы цитирует Собянина «Панорама». Эту **утку** быстро опроверг президент Федерации рестораторов и отельеров России Игорь Бухаров (Москвич.mag, 29.10.2021).

В приведенных примерах (1)–(7) слова *слух, ложь* и пр. используются в качестве синонимов слову *фейк*, хотя семантически они не вполне совпадают. В частности, слухи не всегда бывают лживыми, а фейк всегда содержит недостоверные сведения. Постправда представляет собой не отдельное сообщение, а информационный поток, целью которого является воздействие на эмоции и личные убеждения аудитории до тех пор, пока большинство реципиентов не уверуют в эту постправду и не будут относиться к ней как к реальному факту [Yuengar, Massey, 2019]. Миф отличается ценностной насыщенностью [Карасик, 2017]. Мистификация, будучи намеренной попыткой введения множества людей (читателей, зрителей) в заблуждение, обман ради шуток или с иной целью (Санжаревский), относится в большей степени к области искусства и литературы, потому не предполагает нанесения вреда обманым путем. Кроме того, знание этимологии слова *мистификация* (от греч. *mystes* – посвященный в тайну, знающий таинства + лат. *facere* – делать) добавляет слову коннотацию приписывания предмету сверхъестественных или загадочных свойств (Комлев).

Некоторые исследователи в отношении преднамеренно ложной информации в СМИ используют термин *газетная утка*. Это понятие представляется наиболее близким слову *фейк*, однако мы обнаружили только сокращенный вариант *утка* (7) (полный вариант, по-видимому, является устаревшим). Вымысел находится между истиной и ложью и, по мнению Е.Ю. Ильиновой, представляет собой продукт особой формы речемыслительной деятельности, мотивированной стремлением модифицировать представление о мире, результат творческого применения категориально-семантического потенциала языковых единиц [Ильинова, 2008]. А.В. Ленец называет такие характеристики лжи, как намеренность, прагматическая направленность на достижение конкретной выгоды автора сообщения в ущерб адресату [Ленец, 2008]. Законодатели избегают термина *ложь*, имеющего многочисленные определения в словарях толковых и философских, отражающих не только предметно-логический, но и гуманистический, этический, ритуальный и прочие аспек-

ты данного феномена. В теории манипулирования информацией у лжи есть масса разновидностей: фальсификация, подмена понятий, умолчание, стереотипы, белая ложь, ложь во благо, подтасовка фактов, шутливая ложь и др. (см., например: [McCornack, 1992, p. 15]). Это, в свою очередь, обладает несоизмеримым потенциалом как для точной квалификации лжи, так и для запутывания судебного процесса.

В научной литературе мы выявили два основных подхода к использованию термина *фейк*:

1. Термин *фейк* является генерализирующим обозначением таких феноменов, как слухи, сплетни и пр. [McBeth, 2011]. Данный подход основан на том, что слово *фейк* в последние годы расширило спектр своих значений и номинирует поддельное сообщение с любой коммуникативной целью (развлекательной и манипулятивной) и разной степенью искажения действительности. Измерение фактичности и обмана позволило исследователям создать типологию фальшивых новостей, включающую новостную сатиру, новостную пародию, фабрикации, манипулирование, рекламу и пропаганду [Tandoc-jr, Lim, 2017, p. 137]. Специалисты в области судебной лингвистической экспертизы выделяют пять типологий фейков: по степени искажения информации, по степени достоверности и надежности источника информации, по цели создания, по типу репрезентации, по степени достоверности и надежности источника информации [Стернин, Шестернина, 2021].

2. Термином *фейк* определяется тип развлекательной недостоверной информации [Карасик, 2017]. В данной трактовке прослеживается связь фейка с «желтой прессой», аудитория которой едва ли рассчитывает на сведения, соответствующие действительности, она всегда ожидает сенсаций, новостей, которыми можно удивить собеседника.

Мы придерживаемся мнения, что в лингвистике недостоверные медиасообщения, искажающие действительность, целесообразно классифицировать на прагматическом основании, разделяя фактоиды и фейки. Фактоиды, будучи сообщениями, содержащими разные типы лжи, располагают качеством правдоподобия и претендуют на статус реального

факта с целью манипулирования аудиторией. Фейки в силу определенных признаков не воспринимаются реципиентом как достоверная информация, поэтому допускают ее развлекательно-игровое осмысление [Пром, 2020].

Объединяющим критерием для этих понятий является обманчивость (философский термин, англ. *deceptiveness*) как свойство ложного сообщения, которое отражает тип функциональной адаптации к требованиям сложной коммуникативной ситуации (см., например: [McCornack, 1992, p. 1]). Адаптация сообщения в данном случае осуществляется с помощью коммуникативной стратегии искажения действительности, открытое использование которой в медиадискурсе не одобряется. Автор маскирует вымысел для того, чтобы обманчивость была эффективной при сохранении свойства незаметности, а интериоризация сомнительной информации (принятие в персональную и – далее – в коллективную картину мира) в сознании адресата происходила продуктивнее. Л.И. Гришаева отмечает, что для этого из микрочастиц объективной реальности создается своего рода коллаж, не вызывающий когнитивного диссонанса у реципиента, поскольку такой медиафакт является конформным его знаниям, убеждениям и картине мира вообще [Гришаева, 2017, с. 18]. В связи с этим в конструировании искаженного факта мы выделяем следующие фактообразующие принципы: 1) отражение фрагмента действительности – это фактуальная основа; 2) вымысел – это компонент, реализующий цель сообщения; 3) он адаптирован к условиям правдивой реальности таким образом, чтобы не противоречил действительности, с одной стороны, и фактору адресата – с другой; 4) во внешних признаках соблюдается речевая структура реального факта (например, построение сообщения по принципу перевернутой пирамиды, включение заголовка, лида, указание ссылки на источник информации).

Эффективный искаженный факт, коммуникативная цель которого реализуется успешно, обеспечивает неограниченные возможности рекламного и идеологического воздействия, выражающиеся в различных экономических и политических последствиях. В связи с этим разработанные фактообразующие принципы считаем целесообразным использо-

вать в качестве основы лингвистической модели при описании прагматического эффекта медиафактов для установления их фальшивого статуса.

Манипулятивный фактоид

В теории речевых актов определены составляющие успешного ложного высказывания [Матвеева, Ленец, Петрова, 2013], которые в терминах медиалингвистики формулируются как 1) новизна и затрудненная верифицируемость данных; 2) репутация источника информации; 3) актуальность и значимость медиафакта для аудиторного поля. Эти составляющие обеспечивают реализацию «эффективного потенциала» искаженного медиафакта.

Продуктом вымысла становится фактоид – имитация факта, содержание которого кажется правдоподобным [Карасик, 2017; Белодедова, 2015]. Фактоид обладает высоким воздействующим потенциалом, эффект от него просчитывается в процессе конструирования и определяется авторской интенцией. Манипулятивными являются интенции ввести в заблуждение аудиторию (дезинформацию), навредить репутации конкретного человека (оговор), закрепить стереотип (миф). Эвристическая интенция помогает восстановить пробелы в информационном нарративе (домысел).

Фактоиды обладают разнообразными эффектами с точки зрения реакции на манипуляцию. Основным потенциалом фактоида, по мнению Г. Антос, является порождение реальных фактов [Antos, 2017, S. 18]. Вместе с тем изучение литературы по данной теме позволило выделить два типа манипулятивного воздействия: манипуляция восприятием и манипуляция поведением реципиента. Первый реализуется, когда адресанту удается сформировать стереотипы и критерии отбора информации в СМИ. Это предпочтение идеологически совместимой информации и игнорирование других точек зрения на действительность. Второй осуществляется, когда эффектами медиафакта становятся решения и поступки адресата, желаемые со стороны автора сообщения, такие как приобретение продукта или услуги, голосование за «нужного» канди-

дата на выборах, изменение жизненных привычек и стереотипов поведения.

С лингвистической точки зрения, манипуляция характеризуется имплицитностью, результатом которой является принудительное поведение реципиента, не соответствующее его реальным желаниям. Адресант старается убедить аудиторию поверить ему без доказательств, поэтому адресат часто не осознает подконтрольность своего поведения. Воздействие усиливается за счет сфабрикованных данных в виде фото-, видео- и аудиоматериалов.

Модель лингвистического анализа манипулятивных фактоидов, цель которого состоит не в верификации информации, а выявлении речевых маркеров реальных фактов и вымысла, учитывает фактообразующие принципы и включает следующие элементы: 1) актуальность фактоида в медиапространстве; 2) речевые маркеры соответствия фактоида действительности; 3) элементы вымысла и их коммуникативная цель; 4) речевые маркеры значимости сведений для адресата. Рассмотрим пример:

(8) Russia is accused of trying to steal vaccine ideas from the UK, US and Canada (All Out Politics, 16.07.2020) / Россию обвиняют в попытке украсть идеи вакцины у Великобритании, США и Канады (перевод наш. – Н. П.).

Сообщение (8), рассчитанное на западную аудиторию, появилось в СМИ во время мощной информационной кампании по дискредитации российской вакцины против коронавируса COVID-19. Фактоид включает следующие пропозиции: Россию обвиняют; Россия пыталась украсть идеи вакцины; Великобритания, США и Канада – страны, пострадавшие от действий русских.

Пропозиция «Россию обвиняют» состоит из субъекта и дефокусированного предиката в пассивном залоге, который указывает на то, что обвинитель не установлен. Это является маркером недостоверности информации и подтверждает то, что данный медиафакт – только слух. Вместе с тем пассивный залог здесь указывает на отсутствие необходимости для автора называть источник информации, потому что имплицитно передает идею о том, что «для всех нас это и так очевидно».

Пропозиция «Россия пыталась украсть идеи вакцины» сообщает сенсационную информацию и является ремой в фокусе восприятия. Заслуживает внимания дефокусированный элемент *trying* (попытка). С одной стороны, он выполняет функцию косвенного обвинения в «попытке кражи». С другой стороны, одним из вариантов имплицитного содержания является то, что западу удалось эту попытку предотвратить. Хотя обвинение в краже результатов разработки вакцины и ее предотвращение взаимоисключающие (анализируемое сообщение датируется 10 июля 2020 г., а информация о клинических испытаниях вакцины от коронавируса в России была известна в начале июня 2020 г.), такой намек важен для западной аудитории с психологической точки зрения, поскольку ей важно ощущать себя частью большой благородной силы, которой кто-то пытается нанести ущерб, обиду, но ему не позволили это сделать. В данном случае проявляется функция самоутверждения и самоутешения нации, когда содержание фактоида направлено на дискредитацию, высмеивание кого-то или чего-то, представленного как нечто враждебное.

Пропозиция «Великобритания, США и Канада – страны, пострадавшие от действий русских» имплицитно составляет тему высказывания – известный аудитории фон включающий, с одной стороны, достоверные данные о том, что развитые страны запада разрабатывают вакцины, которые могут спасти человечество от пандемии, а с другой – предвзятое отношение к России, сформированное более ранними сообщениями в западных медиа, в соответствии с которыми Россия, очевидно, не может создать вакцину сама, однако способна и имеет технические возможности украсть научные данные, вследствие чего Великобритания, США и Канада становятся жертвами таких действий.

Предвзятое отношение представляет собой предпосылку для успешного введения в заблуждение аудитории, на фоне которого любые домыслы кажутся достоверными. Он способствует созданию иллюзии справедливого обвинения вне зависимости от того, появится опровержение или нет. Поскольку речь идет о странах, а не об ученых, то, скорее

всего, имеется в виду экономический аспект, то есть, ущерб от продажи вакцин странам, не располагающим ею. Коммуникативная цель данного фактоида состоит в том, чтобы дискредитировать Россию, которая может получить первые контракты на производство вакцины. Такое сообщение является желанным как со стороны западной аудитории, недоумевающей, почему России (имплицитно: «несмотря на отсталость») удалось первой создать общедоступную вакцину от коронавируса, так и со стороны правительств западных стран, вынужденных оправдываться за статус догоняющих.

Развлекательный фейк

Искаженную информацию развлекательного типа мы именуем фейком и определяем как заведомо ложные сведения, которые легко распространяются в Интернете для широкой аудитории, желающей верить вымыслам. Конструирование фейка соответствует указанным выше фактообразующим принципам с учетом некоторых особенностей. Во-первых, такое сообщение не всегда тесно связано с действительностью, поскольку персуазивный эффект для фейка не является основным. Адаптация содержания к фактам действительности слабая, и вымысел сразу обнаруживается реципиентом. Во-вторых, цель таких сообщений – удивить реципиента, привлечь и удерживать какое-то время его внимание, поэтому они всегда занимательны и интересны аудитории. Фейки могут содержать имитацию тревожности, но, как правило, имеют шуточную тональность. Нередко даются ссылки на светские слухи и сплетни, которые едва ли воспринимаются как надежные источники информации.

При лингвистическом описании фейков необходимо уделить внимание: 1) актуальности сообщения в текущей ситуации действительности; 2) средствам выражения релевантности высказывания потребностям аудитории; 3) речевым маркерам шуточной тональности, позволяющим добиться удивления аудитории, удержания ее внимания и развлекательного эффекта.

Рассмотрим пример фейка с функцией развлечения:

(9) Традиционных астрологов ждут тяжёлые времена. Более точный прогноз теперь доступен каждому совершенно бесплатно. Достаточно взглянуть на небо, чтобы узнать, что вас ждёт сегодня. Национальный Географический Союз готовит к выпуску Альманах облачных знаков. Перед вами некоторые из его страниц с описанием. Семицвет: Вы сорвали Джекпот! Ставьте всё на zero. Выигрыш гарантирован. Королевская стрекоза: Проведите время с родными. Но не более трёх часов. Три друга: Очень велика вероятность получения серьёзной травмы при чихании. Вы можете даже ослепнуть (Lapsha.ru, 7.10.2015).

Текст (9) сопровождается фотографией облаков на небе, ничем не напоминающих указанные символы. В примере выявляется карикатура на речевой жанр «рекомендации астролога». Автор вводит интригу, упоминая о том, что *Традиционных астрологов ждут тяжёлые времена*, а затем сообщает читателю «радостную» новость – есть доступный всем способ: *Более точный прогноз теперь доступен каждому совершенно бесплатно*. Упоминается выдуманная организация как компиляция от реальных названий **Национальное географическое общество** и **Международный географический союз**, что, возможно, вводит адресата в заблуждение. Автор фейка эксплуатирует интерес человека к предсказаниям собственной судьбы, ежедневным гороскопам, которые, как известно, являются одной из самых читаемых рубрик. Шутливая тональность достигается с помощью популярного в медийно-политическом типе общения приема введения в заблуждение, который легко поддается декодированию. Предлагаемая информация представляется перманентно актуальной, однако насущной проблематики не содержит. Маркерами шу-

точной тональности выступают фотографии, не имеющие отношения к содержанию статьи, нелепые названия символов, которые адресаты должны обнаружить на небе, и очевидно абсурдные их интерпретации. Комический, но иногда негативный прогноз способен выполнить fascinativную функцию.

Особый интерес пользователей Интернета к информации такого рода привел к созданию специальных цифровых ресурсов, производящих исключительно фейковые новости. Это такие медиапроекты, как американские The Onion, Daily Rain и российские Панорама, Fognews, Hobosti.ru, Lapsha.ru. В условиях современной интернет-коммуникации кликабельные фейковые сообщения эксплуатируют свою игровую фактуру и выполняют релаксирующую функцию, реализация которой становится возможной благодаря удовольствию, получаемому аудиторией от чтения комического контента.

Разграничение фактоидов и фейков

В силу привлекательности категория интересного не всегда позволяет адресату дифференцировать развлекательные фейки и манипулятивные фактоиды. Отметим, что фактоид отличается от развлекательного фейка большим прагматическим эффектом. Целью фактоида является не столько удержание внимания реципиента, сколько принуждение его к запрограммированному действию. Сравнение особенностей фактоидов и фейков позволило выявить критерии их разграничения, которые мы представили в виде таблицы.

В качестве критериев сравнения мы выбрали связь с действительностью, качество искажения, авторскую интенцию, реакцию ре-

Критерии разграничения фактоидов и фейков

Criteria for distinguishing between factoids and fakes

Критерий	Фактоид	Фейк
Связь с действительностью	Релевантный повестке дня (облигаторно)	Релевантный повестке дня (факультативно)
Доминирующие концептуальные признаки	Значимость для адресата Правдоподобность	Интересность Комичность, абсурдность
Качество искажения	Искажение не заметно	Искажение очевидно
Авторская интенция	Манипулятивная	Эвристическая, эстетическая
Реакция реципиента	Действенная реакция Негативные эмоции	Позитивные эмоции

ципиента и доминирующие концептуальные признаки. Связь с действительностью является релевантной для фактоида и фейка, хотя для реализации манипулятивной интенции данный фактор представляется решающим. В связи с этим правдоподобность содержания расценивается как максимально возможная, поскольку фактоид должен оставаться в статусе факта как можно дольше. Значимость сообщения для адресата обеспечивает его персуазивность, необходимую для манипулятивного сообщения, которое часто имеет алармистскую тональность. Эти качества создают условия для незаметности искажения. Важным критерием разграничения является реакция реципиента, которая сформулирована журналистом С. Веденьё: «Если вас обманывают, а вы не верите, значит, вас развлекают».

Новости, целенаправленно сконструированные, вброшенные в социальные сети и распространенные внутри них, обладают манипулятивным потенциалом, который, однако, не является очевидным. Такие сообщения часто демонстрируют признаки недостоверной информации обоих прагматических типов (фактоида и фейка). Например:

(10) **ВНИМАНИЕ!!!** По домам ходят люди! в мед- и химкостюмах, говорят, что в вашем доме зафиксирован случай заражения коронавирусом, проходит дезинфекция квартир! Заходят в квартиру, усыпляют газом и выносят все из квартиры. Будьте бдительны, передайте дальше! Сразу на горячую линию и в Росгвардию звонить! Сейчас дети не учатся, все дома! Особенно предупредите их и пенсионеров!!! (N + 1, 08.04.2020).

Пример (10) представляет собой ложное сообщение в социальных сетях о росте преступности во время пандемии коронавируса. Как фактоид сообщение учитывает ситуацию. Для адресата, испытывающего дискомфорт от самоизоляции, оно актуально и достаточно правдоподобно, хотя последнее качество в этом случае не является обязательным, поскольку в фокусе реципиента находится алармистский характер и высокий уровень эмоциональности сообщения: слова, написанные прописными буквами, многочисленные восклицательные знаки (**ВНИМАНИЕ!!!**), побудительные предложения, образы беззащитных детей и стариков на фоне угрозы от опасных лично-

стей: *Сейчас дети не учатся, все дома! Особенно предупредите их и пенсионеров!!!* Речевая структура соответствует структуре кратких текстов в социальных сетях, не предполагает распространенных объяснений и дает пищу домыслам: *По домам ходят люди! в мед- и химкостюмах*. Сообщение является неожиданным, вызывает активные эмоции и заставляет переживать. Это качество в большей степени характерно для фактоида. Коммуникативная задача сообщения – заставить получателя рассылать его дальше и «предупредить остальных». В течение короткого времени здравый смысл приводит к пониманию абсурдности такой новости, но сообщение к тому моменту получает широкое распространение. Трудность в идентификации данного сообщения как развлекательного фейка либо манипулятивного фактоида состоит в определенной степени тревожности, внушаемой подобными сообщениями, и неочевидности абсурда. В итоге несомненными являются и манипулятивный эффект (увеличение интернет-трафика) и развлекательность в результате осознания того, что человек попался на обман. Побочным становится эффект нагнетания панических настроений в обществе с последующим непредсказуемым поведением граждан, то есть потенциальная опасность (активная либо пассивная) для общества. По этой причине, несмотря на признаки развлекательности, считаем важным квалифицировать подобные сообщения как фактоиды, которые подпадают под новый закон, упомянутый в начале статьи.

Заключение

В медиалингвистике и лингвистической экспертизе, также как в обыденном дискурсе, слово *фейк* является основным термином для обозначения недостоверной информации. Вместе с тем в научном дискурсе считаем целесообразным говорить о двух типах недостоверных сведений – фактоидах и фейках – как о сообщениях с противоположными интенциями. Первый является потенциально опасным для социума и подлежит удалению, второй представляет собой развлекательный контент. Выделенные в работе фактообразующие принципы позволили создать лингвистические модели данных феноменов. Модель манипу-

лятивного фактоида включает такие элементы, как актуальность сообщения, речевые маркеры соответствия фактоида действительности, элементы вымысла и их коммуникативная цель, а также речевые маркеры значимости сведений для адресата. Модель развлекательного фейка формируется маркерами актуальности сообщения, релевантности высказывания потребностям аудитории и комической тональности. Данные модели мы предлагаем рассматривать в качестве основы для экспертной лингвистической оценки недостоверной информации различных прагматических типов, а также при проведении дифференцированного анализа сообщений, квалифицируемых как фактоид или фейк в медиалингвистическом исследовании. Анализ медийных сообщений, учитывающий разработанные дифференцирующие критерии, представляется полезным в будущем, поскольку существующие процессы конвергенции внутри медийно-сетевого дискурса не оставляют сомнений относительно того, что будут появляться новые гибриды фейков и фактоидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белодедова А. В., 2015. О фактах и фактоидах в современных журналистских текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 24 (221), вып. 28. С. 89–94.
- Ворошилова М. Б., 2016. Лингвистическая экспертиза. Экспертиза конфликтного текста. Екатеринбург : УГПУ. 220 с.
- Гришаева Л. И., 2017. «Сказка – ложь, да в ней намек...», или О принципах конструирования политической медиареальности // Политическая лингвистика. № 4. С. 18–27.
- Ефанов А. А., 2020. «Закон о фейковых новостях» с позиций методологической корректности // Информационное общество. № 1. С. 49–56.
- Ильинова Е. Ю., 2008. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 508 с.
- Карасик В. И., 2017. Языковая пластика общения. Волгоград : Парадигма. 462 с.
- Ленец А. В., 2008. Прагматика лжи. Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ. 284 с.
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И., 2013. Основы прагмалингвистики. М. : Флинта. 232 с.
- Пром Н. А., 2020. Фактуализация реальности в медиадискурсе : характеристики, типы, способы выражения. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. 188 с.
- Стернин И. А., Шестернина А. М., 2021. Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж : РИТМ. 60 с.
- Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15³ Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/03/20/tehnologii-dok.html>
- Antos G., 2017. Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: “Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt.” Sprachdienst. № 1. S. 1–20.
- Iyengar Sh., Massey D. S., 2019. Scientific Communication in a Post-Truth Society // Proceedings of the National Academy of Sciences. № 116. P. 7656–7661. DOI: 10.1073/pnas.1805868115
- McBeth M. K., 2011. Is the Fake News the Real News? The Significance of Stewart and Colbert on Democratic Discourse, Politics, and Policy // The Stewart-Colbert Effect: Essays on the Real Impact of Fake News / ed. by A. Amarasingam. North Carolina : McFarland & Co. P. 79–98.
- McCornack S. A., 1992. Information Manipulation Theory // Communication Monographs. № 59. P. 1–16. DOI: 10.1080/03637759209376245
- Tandoc-jr E. C., Lim Z. W., 2017. Defining “Fake News”. A Typology of Scholarly Definitions // Digital Journalism. Vol. 6. P. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143
- Vizoso A., Vaz-Alvarez M., Lopez-Garcia X., 2021. Fighting Deepfakes: Media and Internet Giants’ Converging and Diverging Strategies Against Hi-Tech Misinformation // Media and Communication. Vol. 9, iss. 1. P. 291–300. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3494

ИСТОЧНИКИ

- 12 величайших... – 12 величайших мистификаций в истории. URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/12-velichajshih-mistifikacij-v-istorii-1471115/>
- Известия – Известия. URL: <https://iz.ru/>
- Москвич. mag – Москвич. mag. URL: <https://moskvichmag.ru/>
- Российская газета – Российская газета. URL: <https://rg.ru>
- All Out Politics – All Out Politics. URL: <https://podcastaddict.com/episode/109793175>
- BBC News – BBC News. URL: <https://www.bbc.com/gov.il>
- gov.il – gov.il. URL: <https://www.gov.il/ru/>
- Lapsha.ru – Lapsha.ru. URL: <http://lapsha.ru/>
- N + 1 – N + 1. URL: <https://nplus1.ru/>

СЛОВАРИ

- Комлев* – Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с.
- Санжаревский* – Санжаревский И. И. Политическая наука : слов.-справ. URL: <http://www.polit-gloss.narod.ru>
- Cambridge Dictionary* – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

REFERENCES

- Belodedova A.V., 2015. O faktakh i faktoidakh v sovremennykh zhurnalistskikh tekstakh [On Facts and Factoids in Modern Journalistic Texts]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology], no. 24 (221), iss. 28, pp. 89-94.
- Voroshilova M.B., 2016. *Lingvisticheskaya ekspertiza. Ekspertiza konfliktного teksta* [Linguistic Expertise. Examination of a Conflicting Text]. Yekaterinburg, UGPU. 220 p.
- Grishaeva L.I., 2017. «Skazka – lozh, da v neynamek...», ili O printsipakh konstruirovaniya politicheskoy mediareal'nosti [“Tale of Sense, if Not of Truth...” or on the Principles of Political Media Reality Construction]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], no. 4, pp. 18-27.
- Efanov A.A., 2020. «Zakon o feykovykh novostyakh» s pozitsiy metodologicheskoy korrektnosti [“Fake News Act” from the Standpoint of Methodological Correctness]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information Society Journal], no. 1, pp. 49-56.
- Ilyinova E.Yu., 2008. *Vymysel v yazykovom soznanii i tekste* [Fiction in Linguistic Consciousness and Text]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 508 p.
- Karasik V.I., 2017. *Yazykovaya plastika obshcheniya* [Language Plastics of Communication]. Volgograd, Paradigma Publ. 462 p.
- Lenets A.V., 2008. *Pragmatika lzhi* [Pragmatics of Lies]. Rostov-on-Don, IPO PI YuFU. 284 p.
- Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I., 2013. *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of Pragmalinguistics]. Moscow, Flinta Publ. 232 p.
- Prom N.A., 2020. *Faktualizatsiya realnosti v mediadiskurse: kharakteristiki, tipy, sposoby vyrazheniya* [Factualization of Reality in Media Discourse: Characteristics, Types and Ways of Expression]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ. 188 p.

- Sternin I.A., Shesternina A.M., 2021. *Markery feyka v mediatekstakh* [Fake Markers in Media Texts]. Voronezh, RITM Publ. 60 p.
- Federalnyy zakon ot 18 marta 2019 g. № 31-F3 «O vnesenii izmeneniy v statyu 15³ Federalnogo zakona “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii”» [Federal Law No. 31-F3 Dated March 18, 2019 “On Amendments to Article 153 of the Federal Law” on Information, Information Technologies and Information Protection]. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2019/03/20/tehnologii-dok.html>
- Antos G., 2017. Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: “Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt”. *Sprachdienst*, no. 1, S. 1-20.
- Iyengar Sh., Massey D.S., 2019. Scientific Communication in a Post-Truth Society. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, no. 116, pp. 7656-7661. DOI: 10.1073/pnas.1805868115
- McBeth M.K., 2011. Is the Fake News the Real News? The Significance of Stewart and Colbert on Democratic Discourse, Politics, and Policy. Amarasingam A., ed. *The Stewart-Colbert Effect: Essays on the Real Impact of Fake News*. North Carolina, McFarland & Co., pp. 79-98.
- McCornack S.A., 1992. Information Manipulation Theory. *Communication Monographs*, no. 59, pp. 1-16. DOI: 10.1080/03637759209376245
- Tandoc-jr E.C., Lim Z.W., 2017. Defining “Fake News”. A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*, vol. 6, pp. 137-153. DOI:10.1080/21670811.2017.1360143
- Vizoso A. Vaz-Alvarez M., Lopez-Garcia X., 2021. Fighting Deepfakes: Media and Internet Giants’ Converging and Diverging Strategies Against Hi-Tech Misinformation. *Media and Communication*, vol. 9, iss. 1, pp. 291-300. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3494

SOURCES

- 12 velichajshikh mistifikatsij v istorii* [12 Greatest Mystifications in History]. URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/12-velichajshih-mistifikacij-v-istorii-1471115/>
- Izvestia*. URL: <https://iz.ru/>
- Moskvich.mag*. URL: <https://moskvichmag.ru/>
- Rossiyskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/>
- All Out Politics*. URL: <https://podcastaddict.com/>
- BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/>
- gov.il*. URL: <https://www.gov.il/ru/>
- Lapsha.ru*. URL: <http://lapsha.ru/>
- N + 1*. URL: <https://nplus1.ru/>

DICTIONARIES

Komlev N.G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 669 p.

Sanzharevsky I.I. *Politicheskaja nauka: slov.-sprav.* [Political Science. Dictionary-Reference]. URL: <http://www.polit-gloss.narod.ru>
Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Information About the Author

Natalya A. Prom, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Информация об авторе

Наталья Александровна Пром, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 2586 руб. 90 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 2586.9 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics

is indexed by:

